

Олесь Бузина

МОЯ
ФИЛОСОФИЯ

Олесь Бузина

**МОЯ
ФИЛОСОФИЯ**

Киев
АРИЙ

ББК 84.4УКР6-РОС
Б90

*Печатается
в авторской редакции.*

Бузина, Олесь.
Б90 Моя философия / Олесь Бузина. — К. :
Арий, 2015. — 224 с.

ISBN 978-966-498-427-7.

Знак информационной продукции 18+

«Моя философия» — увлекательный сборник эссе Олеся Бузины, его жизненная позиция, ироничный, философский взгляд на главные вопросы бытия. Речь идет о цивилизации и варварстве, об истинном патриотизме и правосудии, о взаимоотношениях мужчины и женщины.

Яркий стиль изложения, документальная основа письма, неожиданные параллели, сочные и смелые образы — вот отличительные черты стиля Олеся Бузины, которые делают его книги весьма привлекательными для широкого круга читателей.

ББК 84.4УКР6-РОС

ISBN 978-966-498-427-7

© Бузина О. А., 2014

© «Издательство “Арий”»®, 2015

Из цикла «Моя философия»

Интим с Богом

Подозреваю, что Господь создавал Вселенную из самого себя, разделившись на мириады монад, в каждой из которых — луч его света. А после смерти мы только возвращаемся к единому целому.

Бога нет, и значит — все можно. Эта мысль не так радикальна, как кажется, на первый взгляд. Хорошим человеком можно стать, прочитав и «Библию», и «Устав караульной службы». Отморозки часто бывают весьма религиозными. Атеисты — моральными. И наоборот.

В этом нет никакой системы. Как в жизни. Средневековые маньяки любили гнеститься в церкви. Современные — предпочитают штаб-квартиры политических партий. Отгадка в том, что изувер — явление вечное. А юридический адрес для него — только форма прикрытия.

Надевая сшитый по мерке костюм, выбирая по вкусу и средствам машину и строя собственный дом, человек хочет и персонального Бога. Не одного для всех — вездесущего, но вечно занятого Небесного

Отца, а индивидуального папу, который приласкает или даст по попе в нужный момент.

Для Украины такой подход естественен. Нация индивидуалистов не любит тех, кто пытается накинуть на нее универсальную религиозную петлю. Самодержавие, православие, народность — лозунг не для нас. Мы любим анархию и сразу двух конкурирующих патриархов, чтобы было с кем сообразить на троих, выйдя на крыльцо родового хутора.

У нас каждый — Вольтер, Ницше и Папа Римский в одном лице. Стоит нам захотеть, и мы жили бы только за счет экспорта духовности, не прикасаясь плугом к заповедному чернозему. Даже из представителей нашего шоу-бизнеса можно вытянуть вполне дельную мысль насчет моральности и устройства Вселенной, если предварительно запретить им кривляться и прыгать по сцене. Чего уж говорить о трактористах и дворниках, которые знают о Боге такое, чего тот сам не знает о себе?

Религия должна быть не опиумом для народа, а легко усвояемой духовной пищей. Это понимал еще князь Владимир. Выбирая из иудаизма, ислама и христианства, князь остановился на последнем. Оно разрешало есть свинину и не воспрещало спиртные напитки. «Руси есть веселие пити!» — сказал реформатор, причастившись в византийском храме сладким греческим вином. Бог, кровь которого символизировал продукт брожения виноградных ягод, был особенно понятен нашим пращурам. По будням они расслаблялись общедоступным медом, а раз в год на причастие получали бесплатную порцию импортного «шмурдяка». Не уверовать в такую высшую силу было сложно — паства ломилась в храм, как на экскурсию на винзавод.

Тем не менее, до сих пор большинство из нас — двоеверы. Еще с тех пор, как автор хрестоматийного

«Слова о полку Игореве» умудрился удачно совместить язычество с христианством. Литературоведам — нравится. Говорят — никто в мире не додумался до такого.

Жить по принципу: «И Богу свечка, и черту кочерга» страна научилась давно, дойдя здравым смыслом до истины, что Иисусом Христом быть сложно и вредно для здоровья. Кто будет работать, если всем миром дадим себя распять? Поэтому грешим и каемся. Сначала врем, потом бежим очищаться. Зато больше всего ценим подвижников, всю жизнь положивших на то, чтобы молиться за других в Лаврских пещерах. Между прочим, действительно хорошее место. Кто не верит — советую сходить. Дышится, как нигде в мире.

Мы считаем поляков скучными, потому что они — поголовно католики. Русских — однообразными из-за их казарменного московского православия. А сами охотно пробуем все самое лучшее от всех вер. На похоронах бабушки меня особенно поразила поп-автокефал, мигом объяснивший, что отпевание — вообще не таинство, а всего лишь обряд, и что поэтому нет никаких причин беспокоиться за душу усопшей. Главное — чтобы я не забыл оплатить церемонию.

Любые догматы на просторах Украины теряют твердость. «Это земля запорожцев, — писал Вольтер, — самого странного народа на свете. Это шайка русских, поляков и татар, исповедывающих нечто вроде христианства и занимающихся разбойничеством; они похожи на флибустьеров». Вольтер был прав. Вся наша история это доказывает. Владимир пытался христианизировать страну, а получил полуязыческий народ, из которого половина до сих пор не догадывается о существовании Библии, зато верит в то, что Христос был галичанином. Поляки триста лет угробили, чтобы превратить нас в католиков, но самое боль-

шее, чего достигли — вывели на Западной Украине когорту убежденных униатов, из которых и вышли самые ярые ненавистники Польши — Бандера, Шухевич и ОУН в полном составе. Русские так долго рассказывают о наших общих духовных корнях, что в результате, уверен, патриарх рано или поздно переедет из Москвы в Киев, а Российская Федерация воссоединится с нами на правах удельного княжества.

Пока же главное, что разделяет нас с русскими — это манера каяться. Мы делаем это неохотно, с истинно украинской сдержанностью. А наши северные братья буквально не знают меры ни в святости, ни в грехе. То обожаемого монарха в Екатеринбурге замочат, то волокут его кости в Петербург и объявляют мучеником. Верно подметил Алексей Толстой: «Ненавижу, о, ненавижу рассейское, исступленное сладострастие: бить себя в расхлыстанную грудь, выворачивать срам, вопить кликушечьим голосом... «Гляди, православные, вот весь Я — сырой, срамной. Плюй мне в харю, бей по глазам, по сраму!..» О, харя губастая, хитрые, исступленные глазки... Всего ей мало, — чавкает в грязи, в кровище, не сыта, и — вот последняя сладость: повалиться в пыль, расхлыстаться на перекрестке, завопить: «Каюсь!..» Тьфу!»

Нет, точно текла в авторе «Золотого ключика» украинская кровь — как подметил! У нас такое невозможно в принципе. Мы за всю революцию ни одного своего вождя не ухлопали — ни Грушевского, ни Петлюру, ни Скоропадского, ни даже батьку Махно. Всех сберегли, сохранили, живых и здоровых доставили в эмиграцию. За что каяться? Кого провозглашать святым?

В детстве я собственным умом дошел до идеи переселения душ, сразу же изложив ее своим приятелям во дворе. И до сих пор придерживаюсь именно этой

гипотезы, считая любую религию только частным проявлением ее. Ведь даже убежденность христиан в новом пришествии Сына Божьего — всего лишь вера в реинкарнацию. Подозреваю, что Господь создавал Вселенную из самого себя, разделившись на мириады монад, в каждой из которых — луч его света. А после смерти мы только возвращаемся к единому целому, соединяясь с такими же освободившимися частицами.

По-видимому, моя душа так часто приходила на эту Землю, что большинство соблазнов ее для меня теперь совершенно не интересны. Плохо помня десять Божьих заповедей, я, тем не менее, почти не нарушал их. Разве что прелюбодеяние вызывало определенное воодушевление. Да и то со временем как-то выветрилось. А что касается остальных... Мне никогда не хотелось украсть или присвоить дом ближнего своего. Меня физически воротило от лжесвидетельства. Я не сотворял себе кумиров. И уж чего совершенно не понимал, так это самую популярную тему любой литературы — убийство. Мне не раз приходилось драться. Я знаю, что такое вкус победы. Но к нему неизменно примешивалась печаль, когда я видел искровавленное мною лицо моего противника. Честно говоря, в этот момент мне становилось его жалко. «И почему тут у нас все так глупо устроено?» — думалось мне.

Но если бы Богу было угодно создать этот мир иным, наполнив его не грешниками, а толпами раввинов, мулл и попов, он бы сделал это. Наверное, грешники тоже ему зачем-то нужны.

Ад сбывшихся желаний

Бесы, гнездящиеся в каждом из нас, иногда просятся наружу. Их полезно выпускать, а не накапливать в хрупкой колбе нашей души.

Человеку свойственно иметь сверхцель. Некоторые хотят стать моряками. Другие — просто выйти замуж. Третьи — занять первое место в списке миллиардеров по версии журнала «Форбс» или хотя бы купить джип BMW «X5». Мне всегда хотелось спросить их: что вы будете делать потом? Когда купите, станете или выйдете. А вдруг муж окажется редким мерзавцем, способным только бить вас смертным боем в редкие минуты, свободные от супружеских измен? Флот сократят? BMW украдут? А в момент, когда станете топ-миллиардером, на вас обрушится потолок в зале для награждения победителей?

И даже если потолок не упадет, машину не угонят, а муж будет любить искренне и нежно, принося каждый вечер в дом цветочек, все равно стоит тот же проклятый вопрос: что делать после того, как желание исполнилось?

Лет десять назад огромной популярностью пользовалась книга психолога Берна «Игры, в которые играют люди». Ее автор ввел понятие «жизненного сценария» и разделил человечество на победителей и проигравших. В первый разряд попадали те, кто свой жизненный сценарий выполнил на все 100. В послед-

ний — «лузеры» с неудовлетворенным аппетитом. Причем, если у ребенка была скромная цель стать слесарем и он ее достиг, то его следовало считать победителем. Точно так же, как и того, кто в детстве хотел Нобелевскую премию и в конце концов ее получил. Но если вы мечтали о Нобелевке, а обзавелись только шевченковским лауреатством, то вас все равно следовало считать проигравшим.

Классификация эта, на мой взгляд, страдала некоторой упрощенностью. Как и все истинно американское. Наподобие чизбургера из фаст-фуда, в ней были белки, углеводы и даже витамины. Не было главного — вкуса.

На самом деле у человека может быть много жизненных сценариев. Или ни одного. Бриджит Бордо сначала хотела стать балериной, но неожиданно превратилась в кинозвезду, а потом — защитницу животных. До того, как податься в диктаторы, Сталин учился на простого приходского попа. Да и Пушкину светила карьера заурядного дипломата, не напиши он несколько «возмутительных» стихотворений. Спрячь их Александр Сергеевич подальше, был бы в конце концов посланником где-нибудь в Неаполе — как пить дать! В Лицее многие пописывали. Но попал впросак один он.

И, кроме того, жизнь дарит иногда совершенно незаслуженные подарки, на чем строится идея лотереи. Она подкидывает сценарии, о которых мы даже не задумывались!

К примеру, я в четырнадцать лет мечтал только о том, чтобы хоть одна девочка меня поцеловала. А в пятнадцать уже был готов трахнуть всю женскую половину мироздания, за исключением уродин и дряхлых старух. Я выбрал заведомо невыполнимый сексуальный сценарий. Зато теперь не рискую умереть от пресыщения. Даже если какой-нибудь Берн обзовет меня половым неудачником.

Я никогда и в страшном сне не мечтал стать журналистом, а занялся этой почтенной профессией только, чтобы не загнаться с голоду после развала СССР. Но

оказалось, что Бузина-корреспондент — это приусадебный участок, на котором вскоре проросли Бузина-литератор и Бузина-философ. До сих пор эта грядка питает свою верхнюю часть впечатлениями и полезными знакомствами, а в трудный момент — еще и регулярной порцией финансовой каши. Кто мог знать, что так получится?

На буддистском Востоке считается, что человек, полностью освободившийся от плена страстей, попадает в нирвану — абсолютную пустоту, которая еще лучше, чем счастье. Но нет никаких гарантий, что он не провалится в нечто иное. В то, что на молодежном жаргоне 80-х называлось «смурняком».

«Такой смурняк, — жаловалась моя миниатюрная соседка по общежитию Одесского госуниверситета, затачиваясь сигареткой величиной с себя. — Ты даже представить не можешь!»

Я действительно не мог. Меня влекли пляжи, девушки, тайны филологии и туризма, запрещенная литература, которую только что разрешили, и, наконец, стихи Гумилева с замечательной строчкой: «Я не оскорбляю своих читателей неврастением». Одним словом, меня интересовало все, кроме смурняка. Но вид этой девочки, в двадцать лет уже достигшей предела совершенства, до сих пор стоит у меня перед глазами.

Трагическая пустота от сбывшихся желаний заставляет некоторых не желать вообще ничего. Бесконечности страстей они предпочитают бесконечность самоограничений. Христианство тоже учит смирять плоть. В этом есть определенная доля истины. Индивидуум, совершенно не умеющий сдерживать себя, взберется на первый попавшийся сексуальный объект, не исследовав его санитарное состояние, и в результате сдохнет от СПИДа в полном расцвете сил. Но если ему повезет и он подцепит только гонорею, у него может выработаться определенное хладнокровие. Или привычка иногда пользоваться презервативом.

Если представить другую крайность — субъекта, научившегося всегда держать себя в руках, то для его изображения лучше всего подойдет образ котла с намертво заваренным клапаном для сброса пара. Рано или поздно этот «идеал» просто взорвется от того, что у него снесет крышу. Бесы, гнездящиеся в каждом из нас, иногда просятся наружу. Их полезно выпускать, а не накапливать, чтобы они карабкались друг на дружку в хрупкой колбе нашей души.

И в смирении, и в разврате следует соблюдать золотую середину, впадая поочередно в то и другое с должной осторожностью, полезной для организма. Время от времени наша психика рвется за пиршественный стол. Но порой ее необходимо сажать на диету. Тем слаще потом покажутся простые житейские радости.

Человек, отказавшийся от новых желаний, потому что его заветная мечта уже сбылась, попадает в круговорот механических повторений. День за днем он ходит на одну и ту же работу, общается с теми же приятелями, совокупляется с той же женщиной и пьет то же пиво. Или посещает тот же закрытый яхт-клуб и покупает тех же проституток исключительно из элит-категории за тысячу долларов ночь.

По-моему, и тот, и другой уже в Аду. Они не могут представить, что за пределами привычного мирка есть тысячи неведомых тропинок, где ждет избавление от скуки. Там притаились маньяки и ангелы, бесплатный сыр без мышеловки и мышеловки без всякого сыра.

Ни одно человеческое существование еще не заканчивалось чем-либо иным, кроме смерти. А потому всякое желание имеет право на жизнь. В ожидании и так известного конца любой конец становится началом. Заработав миллиард, можно попробовать научиться ремонтировать ботинки. Достигнув совершенства в ремесле сапожника, почему бы не попытаться обогнать Билла Гейтса в искусстве продажи компьютерных программ?

Из Ада Сбывшихся Желаний есть только один путь к бегству — через Калитку Неведомых Возможностей.

ЭКОНОМИЯ СКУПОСТИ

Рождаясь, человек имеет на руках полноценную жизнь. Но с каждым вздохом она уменьшается, как шагреньевая кожа. Так стоит ли экономить, зная, что сам каждый день теряешь в цене?

Скупые рыцари уверены в своей правоте. Экономика должна быть экономной — учили нас в детстве. «Береги копейку!» — еще раньше вещал папа гоголевского Чичикова. «Несите свои денежки к нам!» — созывают скопидомов банки. — У нас самые высокие проценты! Только мы сделаем вас богатыми!»

И скопидомы несут — чтобы на самом деле еще больше обогатить банкиров. Точно так же, как тащили они свои трудовые рублики в Сбербанк СССР, не подозревая, что в один прекрасный день их вклады рассыпятся в пыль вместе с обанкротившейся Красной империей.

До сих пор тот или иной политический демагог обещает вернуть народу его мифические сбережения! И народ верит, регулярно топая на выборы. Хотя лично я не возвращал бы ничего!

Давайте представим, что среднестатистической старушонке одним махом отдали ее десять тысяч, переве-

дя их, скажем, по курсу 1986 года в доллары. Что она будет с ними делать? Купит себе недорогой «Мерседес»? Леденцов на всю сумму заждавшимся внукам? Любовника-негра? Черта с два! Пересчитает и опять положит в банк, чтобы заняться своей любимой игрой — вычислением процентов, делающих ее теоретически богаче. Всю жизнь бабка копит на черный день, не подозревая, что он у нее уже давно такой. Прямо с рождения, когда тупые родители забыли ей объяснить, что работать должна не только она, но и ее финансовые активы.

Советские пенсионеры могли вести жизнь арабских шейхов. Обед в ресторане стоил пятерку. За трешку можно было проехать на такси пол-Киева. Порядок цен на билеты и гостиницы позволял парить старые кости в гейзерах Камчатки, любоваться из окна вагона Великим Сибирским путем и ласкать взор изразцовыми куполами Самарканда.

Жалобы, что «совков» не выпускали крутить рулетку в Монте-Карло — чушь. Рулетку можно крутить везде. Даже «на хате». Ее конструкция не намного сложнее детской игрушки волчок. Кто же виноват, что фантазии хватало только на постройку самогонного аппарата, чтобы глушить на шести дачных сотках сивуху вместо качественной водки и радоваться, как опять надурили государство?

Люди любят экономить на себе. Впечатление такое, что они собираются жить вечно, а потому могут позволить себе роскошь пока жить плохо. В надежде на то, что по-настоящему заживут «потом». Безликая мысль плодит орды ее безликих последователей, коллекционирующих портреты американских президентов на банкнотах, вместо того, чтобы заказать свой собственный, парадный — в виде молодого барина верхом на бабе раком при шпаге, парике и с Андреев-

ской наградной лентой через плечо! Пусть потомки морщатся, завидуя дедушке-прохвосту! Пусть говорят: «Какая безвкусица!» Зато как погулял!

Кто сказал, что плохо пускаться в рискованные предприятия и вкладывать деньги в безумные авантюры? По-моему, куда глупее вбухать госбюджет в пятьдесят тысяч танков и ни разу не дать им прогуляться на полной скорости до Ла-Манша. Какой сюжет для истории упущен! Насколько подскочила бы цена на уцелевшие шедевры Лувра, намотай большинство из них советские танкисты на гусеницы своих Т-72! Обрывок «Джоконды» стоил бы еще дороже, подотрись им малообразованный узбек-сержант из какого-нибудь N-ского мотострелкового полка. Найденный на свалке возле парижского сортира он украсил бы коллекцию самого прихотливого ценителя старины.

Нет, если во что и вкладывать, так только в безумные проекты — полеты на Марс, путешествие к центру Земли и завоевание мирового господства! В противном случае народ начинает мучиться от онегинской скорби и спиваться у астрономов, ругая начальство. Без сумасшествия не бывает достойной цели! Сэкономленная жизнь — на самом деле наиболее глупо потраченная. Лишние деньги должны уходить на кутежи и завоевательные походы, а лишние люди — гибнуть в массовых атаках, а не засорять собой школьные учебники.

Миром правит не геометрическая прогрессия накопления, а универсальный закон инфляции. Обесценивается все — технологии, заводы, страны и сама человеческая жизнь. В рыцарских битвах потери считали десятками. Во времена гладкоствольных мушкетов — уже тысячами. А с изобретением нарезных орудий и отравляющих газов счет пошел на миллионы.

В 1945-м году охота за рецептом атомной бомбы была главным сюжетом соперничества лучших разведок. Теперь он никому не нужен. Принцип действия известен восьмикласснику. Собрать агрегат вполне возможно на любом необитаемом острове. Вопрос в другом — что с полученным взрывным устройством делать? Для того чтобы вскрыть банковский сейф, его ударной силы слишком много. Для обретения реальной власти — явно недостаточно. Любовь избирателей не купишь, разгуливая по Центризбиркому с ядерной боеголовкой.

Во времена перестройки самой востребованной считалась профессия проститутки. Еще раньше — физика. А каких-нибудь сто лет назад в цене были просто грамотные люди, способные без ошибок написать самую обычную служебную бумажку.

Всеобщая грамотность обесценила значение посвященных в тайны алфавита. Любой оболтус теперь превратился в читателя — если не детективных романов, то этикеток на пиве и сигаретах. Физиков наштамповали столько, что в Киевский политехнический институт можно поступить без конкурса и знания азов математики. Толпы нищих выпускников этого заведения все равно шныряют вокруг любой станции метро, предлагая за скромное вознаграждение написать вместо студента курсовую и диплом.

В современной Украине существует такса даже на должность командира дивизии — именно потому, что нормальному человеку она уже не нужна. А ведь всего двадцать лет назад генеральскую звезду просто невозможно было купить — отсутствовала в продаже. Точно так же, как и медаль «За отвагу», красная цена которой теперь пять долларов.

Инфляция в конце концов опустила даже проституток. Оказалось, что это отнюдь не представительни-

цы самой романтичной профессии — интердевочки, на которых в финале фильма непременно женятся какие-нибудь шведы, а просто несчастные дуры из провинции, мерзнущие на холоде вдоль проспекта Победы в надежде на то, что их оральный секс все-таки купят.

Рождаясь, человек имеет на руках полноценную жизнь. Но с каждым вздохом она уменьшается, как шагреновая кожа. Поэтому молодые и здоровые всегда ценятся дороже старых и опытных. Одно дело — свежий хлеб. Совсем другое — сухари. Так стоит ли экономить, зная, что сам каждый день теряешь в цене?

Тела красавиц, слишком скупо дарящих себя, все равно в один прекрасный день превратятся в сморщенное салями, которое не разгрызешь и за деньги. Зато разумно вложенные чувства непременно возвращаются с избытком. Подаренные поцелуи рано или поздно оборачиваются счастливым замужеством. Расстроченные капиталы — славой и восхищением окружающих.

Говорят, история кончилась. Брехня! Она только начинается. Забытая пьеса «Растратчики» вновь готовится к постановке. Скоро мы увидим ее триумфальный аншлаг. Скупые еще позавидуют нашим фантастическим сборам.

Дух роскоши

Я посвящаю этот текст всем «новым» — новым русским, новым украинцам, новым евреям и даже новым эфиопам, если они читают Бузину. Стремитесь не только к дороговому, но и прекрасному. Ибо нет ничего омерзительнее, чем дорогое уродство.

После тридцати человек должен неохотно расставаться с жизнью и легко — с деньгами. Банальные истины проверены на практике. Простые блюда испытаны на вкус. Все перепробовано. Все надоело. Хочется того, чего нет ни в супермаркете, ни в гастрономе. Наступает время дорогих костюмов и билетов в первом ряду. Конечно, можно и дальше крутиться, как белка в колесе — экономить на завтраках, курить дешевые сигареты, шить платье у подружки, а не у дорогого портного. Но лучше всего этого не делать.

Я прекрасно понимаю, что найдется тысяча критиков, которые упрекнут меня в снобизме. Но для них у меня есть железный аргумент: что такое бедность, мне известно не хуже большинства людей на этой планете. Я мог бы долго рассказывать, мягко ли спится на голой земле и полезны ли для ног портянки. Но однажды мне захотелось узнать, как плачут и смеются богатые. А это, доложу я вам, тоже интересные ощущения.

Недавно во Франкфурте, в бутике «PRADA» (того самого, что носит дьявол), я перемерял пар десять туфель и обнаружил, что ни одна не подходит. Продавцы сновали вокруг меня, как мухи возле куска рафинада, чуя поживу. Бутики в Европе — вообще занятное явление. В большинстве из них кто-то из персонала уже непременно говорит на языке Толстого, хотя еще и не удосужился прочитать «Войну и мир». В Милане, Риме и Париже поняли, что «русские» готовы платить по полной за дорогую вещь.

«Вам ничего не понравилось?» — расстроено спросил лощеный «европриказчик», сам похожий на картинку из журнала мод. «Понравилось, — ответил я. — Просто колодка неудобная. Низкий подъем. Не на мою славянскую ногу».

Мне хотелось смеяться. Я сам был удивлен, как мог двадцать лет назад носить кирзовые сапоги солдата Советской Армии, если теперь даже у «PRADA» нет подходящих лаптей, дабы удовлетворить мой изощрившийся вкус.

Один из моих добрых приятелей Густав Водичка как-то сказал, когда мы заговорили о богатстве: «Мне совершенно все равно, какой у меня будет автомобиль и в каком доме я буду жить. Я хочу только одного — чтобы меня читали даже через тысячу лет! Разве тебя интересует, в какой карете ездил Пушкин?»

В отличие от него, меня интересовала и карета Пушкина, и мундир Лермонтова, и то, за чей счет играл в карты Достоевский и пил Шевченко. А также то, будет ли у меня свой замок, как у Дюма, и своя яхта, как у Мопассана.

Мы выросли в стране, где роскошь была объявлена пороком. Нас убеждали, что хороший человек должен быть непременно бедным и ничем не выделяться среди других таких же хороших людей. Мерилом успеха

была объявлена посмертная слава, потому что каждую минуту эта страна требовала у гражданина расстаться с жизнью во имя себя. Возведя нищету в культ, большевики подделали даже биографии классиков. Школьникам не рассказывали, что добрый и прогрессивный автор «Капитанской дочки» заменил для крестьян в Болдино легкий оброк барщиной, чтобы выдавить из них побольше народного пота и экономической прибыли. Но денег гению все равно не хватало — гигантские гонорары уходили на ночную гульбу. Пушкин обожал роскошь. После его смерти осталось долгов на 80 тысяч серебряных рублей.

Маленький кривоногий Лермонтов выбрал для службы лейб-гвардии Гусарский полк только потому, что ему была присвоена самая роскошная форма в империи — красный доломан, расшитый золотыми шнурами. «Если хочешь быть красивым, поступай в гусары», — сказал о том времени Козьма Прутков. Красный гусарский доломан в переводе на нынешние реалии — то же самое, что костюм от знаменитого педика Гальяно. Даже круче. Нить для его шнуров (их называли бренденбурами) тянули из настоящего золота. Но и это казалось уже великосветской нищетой по сравнению с недавними временами XVIII века, когда придворные расшивали свои кафтаны не дешевыми стразами Swarovski, а настоящими бриллиантами. Тогда так и говорили — «надеть на себя целую деревню», то есть костюмчик, стоивший не меньше, чем среднее поместье с парой сотен душ мужского пола, не считая их баб и детишек.

Новым русским такая любовь к себе даже не снилась. За 10 тысяч долларов (примерно столько стоит обычная шмотка haute couture) не то, что деревню — гараж в Киеве не купишь.

Но особенно меня интересовал Достоевский. Изможденное лицо, благородные мысли — про то, что старушку нельзя топориком, про слезинку ребенка... На первый взгляд, Федор Михайлович казался убежденным противником всяческих излишеств. Тем более, бессмысленного мотовства. Не тут-то было! Недавно меня занесло на курорт, где он любил расставаться с избытками литературных доходов — в Висбаден. Маленький такой городок в Германии — даже сейчас меньше трехсот тысяч жителей. Зато игорный дом — размером с Рейхстаг. И театр рядом в два раза больше, чем наш Оперный. Все для увеселения скучающей аристократической публики. Это сейчас по бедности ездят отдыхать в Хорватию. А тогда больше всего ценились французская Ницца и немецкие Висбаден и Эмс. Висбаден любили еще древние римляне за его целебные термальные источники. Место — действительно райское. Вокруг подковой поднимаются невысокие горы. На площади прямо из мостовой курится пар от теплых фонтанов. На горе — православная церковь и русское кладбище, где упокоились самые активные отдыхающие. Деньги на храм выделил лично император Николай I — дабы поправляющие здоровье петербургские господа не забывали о Боге. На кладбище мне, кстати, очень понравилась могила одного нашего генерала — участника наполеоновских войн. На генеральскую пенсию он провел остаток жизни в Висбадене и тут же приказал похоронить себя, заказав скульптору надгробный памятник с саблей и бутылкой шампанского. Веселый такой был отставник! Не то, что нынешние ветераны УПА.

Федор Михайлович, даром, что отсидел на царской каторге, а, может быть, именно поэтому (ничто так не обостряет тягу к красивой жизни, как тюремное заключение) вписался в обстановку великосветского

разврата, как рысак в поворот. Да так и понесся по кругу — даже увековечил Висбаден под названием Рулетенбург в романе «Игрок». Висбаденцы это ценят. В любой уважающей себя гостинице вам непременно напомнят: в нашем городе останавливался писатель Достоевский. А не будь у него порочной страсти вертеть рулетку на дорогом курорте? Не было бы никакого «Игрока»! Да и вообще ничего не было бы. Ни «Бесов», ни «Братьев Карамазовых» — Karamazov brothers, принесших ему мировую славу. Впрочем, некоторые американцы всерьез уверяли меня, что Karamazov brothers — не роман, а киностудия, которую основали русские евреи из Одессы. Они ее по тупости путают с Warner brothers — не шарят в подлинных брэндах.

Словарь Даля трактует слово «роскошь» как «изящество, обилие прекрасного, излишество удобств». А «роскошную жизнь» — как «расточительную, чувственную, всю в наслаждениях, утонченную и извращенную». Иными словами, если у вас выпали все зубы от цинги, и вы поставили новую челюсть из имплантов общей стоимостью, как новый Мерседес, то это не роскошь. Это печальная необходимость, хотя и дорогая. Но если здоровые родные клыки вам пришла фантазия украсить алмазной пылью, налицо явная тяга к обилию прекрасного. Жевать оно не поможет. Но блеска улыбке прибавит. Будете сиять, как негр в Голливуде.

Точно так же не роскошь — когда вы покупаете автомобиль. Еще Ильф и Петров заметили, что это средство передвижения. Но если вам пришла в голову фантазия приобрести, живя в Мурманске, кабриолет и вышивать на нем за полярным кругом, это, несомненно, «порочная склонность к излишеству удобств». Между прочим, пример не я придумал. Такой случай

действительно произошел в Мурманске на заре 90-х — очень уж хотелось одному бывшему морскому офицеру, сменившему погоню на бизнес, произвести впечатление на вчерашних сослуживцев. Не знаю только, сгинул ли он от простуды или до сих пор так и катается без крыши? Но мурманские девки к нему в машину (сам видел!) тогда лезли косяками, как шпроты в сеть. Так им хотелось узнать, что такое настоящая «дольче вита»! И хоть бы одна схватила насморк!

Есть три правила для грамотного обращения с предметами роскоши. Первое: никогда не выставляйте напоказ то, что имеете. Нет ничего смешнее, чем слушать рассказ назойливого хвастуна, во сколько ему обошелся тюнинг автомобиля, новая любовница или загородный дом. Прибедняйтесь. Точнее, просто молчите. Мир полон завистников. Не все могут носить пиджак от Hugo Boss или собрать коллекцию старинного оружия. Символы успеха, которыми вы овладели, у большинства вызовут только одно желание — отобрать их. А те, кто надо — люди своего круга — и так оценят ваше стремление выглядеть не хуже, чем они.

Правило второе, которым сложнее овладеть: вообще забудьте, что вас окружает роскошь. Носите швейцарские часы с такой небрежностью, словно это китайская штамповка. Пройдитесь по пашне в сапогах из крокодильей кожи, если вы — настоящая светская леди. Ради тренировки духа прожгите сигарой шелковый лацкан на новом смокинге, если вы — джентльмен, а не просто прикидываетесь.

И, наконец, не пытайтесь подражать в роскоши более успешным. Один мой знакомый как-то предьявил в компании свой галстук, повернув его ярлычком наружу и самодовольно заявив: «Точно такой же носит Пинчук!» На что я ответил: «Если бы у тебя, Миша, не

только галстук был, как у Пинчука, но и завод, и женой — дочка Кучмы, тогда бы ты действительно был крут! А пока тебе еще очень много придется над собой поработать»...

Не стоит собирать трипольские горшки, потому что их коллекционирует известный миллионер. Возможно, ваша слабость — саксонский фарфор. На нем и следует сконцентрировать финансовые усилия. И помните: истинно роскошная вещь всегда существует в единственном экземпляре. Она здесь и сейчас. Ее нужно приобрести срочно, зная, что она никогда не повторится. Мы не сможем купить только одну ценность — молодость. Поэтому остаток жизни лучше потратить на роскошь.

Свобода легкомыслия

*Верх удовольствия — творить все,
что хочешь, не думая о последствиях.*

Хлестаков понимал толк в жизни. «Ведь на что живем? — говорил он. — Чтобы срывать цветы удовольствия!» Сколько ни убеждали меня, что так нельзя, я не верил. Канту и Спинозе все равно предпочитал Хлестакова. Во-первых, потому что он наш, отечественный «философ». А, во-вторых, потому что смотрел в корень.

Человек положительный живет скучно. Ему нечего рассказать ближним. Весь его интеллектуальный багаж уместается в старом чемоданчике, куда он спрятал свои школьные тетрадки. Над его могилой не будут драться духовные наследники, споря о сущности усопшего явления. Растиражированная банальная истина — он и так понятен.

Зато скрижали истории забиты исключительно легкомысленными людьми! По сути, они ничем не отличаются от забора, на котором расписались толпы всемирно известных хулиганов. «Тут был Иван Грозный!», «Филипп Испанский и Мария Кровавая — любовь до гроба». На худой конец, скромно: «Джек Потрошитель». Эти автографы вряд ли уцелели бы в веках, будь оставившие их спокойными уравновешенными гражданами. А ведь рядом (хоть и мелкими бук-

вами!) читаются еще имена батьки Махно, Петлюры, Юлии Тимошенко... Даже роспись Калигулы и отпечаток копыта его жеребца, которого он сделал консулом!

Наверняка, Калигуле возражали. Мол, что ты творишь, государь! Ни Цезарь, ни Сулла так не безобразничали! А он все равно назначил вторым человеком в Риме коня, чем и обеспечил себе гарантированную вечность.

Несмотря на это, легкомыслие считается пороком. Многих возмущает, почему предающиеся ему проводят дни в пикантных удовольствиях, в то время, как они должны довольствоваться ролями правильных страдальцев. Завистников бесит, что прощелыги несутся по жизни как замороженные — ни востра сабелька их не рубит, ни пуля снайперская не берет!

На это у меня есть возражение. Большинство Хлестаковых воплощают свои «глупые» фантазии с основательностью, которая даже не снилась мирным обывателям. Все силы интеллекта они ставят на службу своему легкомыслию, тогда как трезвомыслящий индивидуум раз и навсегда парализует мозг установками-тормозами: не возносись, не высывайся, не рискуй, лучше синица в небе, чем журавль в руке. В результате — ни синицы, ни журавля. Ни неба. А только «утка» под кроватью в больнице. Все остальное забрали безнравственные конкуренты.

Присмотритесь хотя бы, как продуманно действует восемнадцатилетняя вертихвостка, уводя чужого мужа от опостылевшей супруги. С какой взрослой мудростью обделывает она свои полудетские делишки. Как изящно опровергает предостережения подруг сразу двумя аргументами: «Зато поживу!» и «А если потом и меня бросит, найду другого!»

Будущее не предоставляет ей никаких гарантий. Как и честным девушкам. Но она живет надеждой на лучшее, пребывая в уверенности, что провидение не даст пропасть. Ибо кто же тогда будет потешать публику скандальными новостями? И не пропадет! Наоборот — станет модной светской персоной, которую «любят» камеры и глянцево-журналы.

Верх удовольствия — творить все, что хочешь, не думая о последствиях. После тридцати нет смысла откладывать на старость — она и так пришла. Зато можно позаботиться об удовлетворении «гнусных» инстинктов, пока они еще шевелятся в организме. Разврат, кутежи, порнография — вот высшие ценности, которым должен служить истинно разумный индивидуум! «Трудиться над книгами и повреждать очи — не лучше ли с кубком дни прогулять и ночи?» — вопрошал еще в XVIII веке русский поэт Кантемир. «Лучше!» — отвечаю я. Главное, чтобы вино было хорошее. Не меньше, чем по тысяче евро за бутылку.

Западная научная мысль не знает категории «авось». В этом смысле Украина — тоже сильно вестернизированная страна. В ее философском арсенале имеются только две упадочные сентенции по этому поводу: «Якось-то воно буде» и «Якби ж то знаття»... Между ними все наше прошлое и будущее и написано.

А москальское «авось» — короткое, бодрое, оптимистическое! Оно содержит в себе страшную энергию. Или вывезет, или погубит. Но скучно помереть точно не даст. Аналог его в высоких технологиях — метод тыка. Практика показывает — так тоже можно. Конечно, раз ткнешь в медвежью берлогу. Зато в другой — точь-в-точь в бочку с медом попадешь!

Но по-настоящему легкомысленными умеют быть только латиносы и негры. Классический пример — Бразилия и Куба, населенные представителями сразу двух этих человеческих пород. Умение трясти задни-

цей бразильцы превратили в национальную идею, чем и прославились. Полюбоваться на карнавал в Рио теперь съезжаются со всего мира. Экономика процветает, культура — тоже. Кубинцы же вопреки всем по-прежнему строят свой социализм с сексуальным лицом, совокупляясь с кем попало прямо на пляжах. Они поняли: для счастья не обязательно быть такими моральными и меркантильными, как американцы. Скорее, наоборот. Чем больше ты изменяешь жене, тем быстрее войдешь в царствие небесное уже при жизни. По крайней мере, хоть будешь знать, что это такое.

Наше же славянское легкомыслие несколько тяжеловесно. Большинство из нас не умеет грешить с огоньком. Все портит толстовщина с достоевщиной — шаг вперед, два шага назад. Сказки о запорожцах, валяющихся с перепоею на дорогах, и птицах-тройках, уносящих московских купцов к «Яру», остались в далеком прошлом. Теперь наши люди не успеют войти в бордель, как уже торопятся в церковь. Так и слоняются между тем и другим со своей нравственной сыростью. Даже бандиты. Смотреть противно: ни Богу свечка, ни черту кочерга!

Нравственности прибавилось, а жить стало не только не легче, но даже не веселей. От благотворительных фондов развелись нищие. От христианских организаций — сатанисты. А от рассказней подержанных «интеллектуалов» о национальной духовности и семейных ценностях народ просто перестал размножаться. То ли дело во времена моего дедушки — сделал законной бабе мальчика и сразу в загул с незаконными. Потому как война на носу — спешить надо.

А благонамеренному юноше, вступающему в жизнь с котомкой трезвых мыслей подмышкой, я пожелаю одно: чтоб тебя такого одни старушки любили! Высшую мудрость бытия знает только легкомысленный человек, даже если он не в силах ее сформулировать.

Энергия заблуждения

Золотой век закончился благодаря энергии заблуждения. Прогресс стал Богом. О настоящих богах забыли.

Большинство поступков представители нашего вида совершают, находясь явно не в здравом уме. Спьяну. Сдуру. От нечего делать. По причине переоценки сил. Даже рождаются теперь по ошибке. Потому что родители забыли предохраниться.

Колумб плыл в Индию, а приплыл в Америку. Отелло, сворачивая шейку Дездемоне, верил, что она ему изменяет, хотя бедняжка даже не засматривалась на чужих мужчин. Подстрелившая Ильича Фанни Каплан собиралась спасти революцию от кровавого уродца, но на самом деле только раскрутила маховик красного террора.

Человеку свойственно ошибаться. В этом нет ничего плохого. Плохо то, что обычно из ошибок не делают выводов. Излюбленное занятие царя природы — наступать на те же грабли. Он давит на них подошвой с таким энтузиазмом, словно удар черенком по лбу и есть высшее наслаждение, ради которого стоит жить.

Иногда мне кажется, что единственно возможная в нашем мире разновидность прогресса — это непрерывное усовершенствование граблей для человечества. Они становятся все тяжелее, превратившись за несколько тысячелетий из садово-паркового инвентаря в оружие массового поражения.

Прыщавые девицы, бросив захолустный уют, рвутся в Киев, чтобы стать Клавами Шиффер. Но становятся только вредными тетками, давящими друг друга в общественном транспорте. Кто им внушил, что их ждет великое будущее? Провинциалки, перенесенные из экологически чистых мест с коровками и курочками во враждебную среду, болеют, мечтают о собственных квартирах, поездке к маме на выходные и на отдых в Египет. Именно на них держится прибыль аптек, жилищно-строительных пирамид и турагентств, показывающих за триста долларов мумию фараона, похожего на сушеную воблу с человеческой головой. Причем, что удивительно (!), «Укрзалізниця» в испуге все увеличивает цену на билет, а девушки все едут и едут!

Бесчисленные рационализаторы, стремясь облегчить жизнь ближним, изобрели паровые машины и бензиновые моторы. Но осчастливили нас только гиподинамией и сплошной уличной пробкой. Что было бы плохого, если бы вместо машины под домом меня ждал конь? Сел и поехал! Одновременно занимаясь спортом и массажем внутренних органов. Полководцы-кавалеристы былых времен воевали в отличной форме до семидесяти лет! А наши могут только вяло прокатиться в открытом кабриолете, принимая парад...

Электрическая лампочка отучила нас восхищаться красотой лунной ночи, когда все освещено небесным фонарем, подвешенным прямо на звездах. Кинематограф убил театр. Психианализ — здоровую психику. Книгопечатание — крепкую память первобытного человека, передававшего знания посредством личного общения.

Изобретая все это, люди верили, что улучшают быт. В результате быта стало так много, что он всех заел.

Раньше деньги можно было не зарабатывать, потому что их не на что было тратить. Отсутствие телевизора и пылесоса вознаграждало индивидуума свободным временем, которое не нужно убивать для приоб-

ретения лишних вещей. Вместо того, чтобы смотреть канал Discovery, человек совершенствовался в искусстве охоты. А вместо путешествия по порносайтам занимался сексом и изобретал такие религиозные системы, до уровня которых создателям современных компьютерных игр как до неба!

Золотой век закончился благодаря энергии заблуждения. Прогресс стал Богом. О настоящих богах забыли. В прежние времена homo sapiens радовался жизни, как младенец. Проснулся живой — и хорошо! Будет день, будет и пища. Об остальном позаботятся ангелы-хранители.

Теперь счастье посещает его только в тот момент, когда он покупает какую-нибудь новую техническую дрянь — последнюю модель мобильного телефона, неведомую разновидность вибратора или кухонную многофункциональную кастрюлю, которая, по уверениям телерекламы, может служить по совместительству грелкой, орудием убийства и жилеткой, чтобы в нее поплакаться, когда все вокруг невмоготу.

Женщину, и ту хотят только виртуальную. Живая уже никому не нужна! У папы была такая. И у дедушки. А ему подавай только ту, что сидит, раздвинув ноги, в Интернете. Но и эту он обнюхает лишь, если ее предварительно пропустят через фотошоп.

Компьютерные мальчики совокупаются с компьютерными девочками только в компьютере. На поиск друг друга по электронной почте тратится столько времени, что сперма до адресата уже не доходит. Герой романа Новикова-Прибоя «Цусима» командир миноносца, всю жизнь проболтавшийся в море, верил, что «рано или поздно человечество изобретет прибор для брачного сожительства на расстоянии». Теперь такой прибор изобрели. Но оказалось, что пользоваться им омерзительно. Куда приятнее валить однокурсницу прямо в подъезде на бетонный пол голыми руками без помощи электронных систем.

Лучшее — враг хорошего. Зачем «Виагра», если и так стоит? Наркотики не нужны человеку с буйным воображением. Закрыв глаза, он видит такое, что недоступно ни дону Кастанеде, ни его обкурившимся ученикам.

Сторонники прогресса напоминают пьяниц. Те тоже с вечера верят, что если принять еще одну, то будет в самый раз. А с утра ищут сочувствия и клянутся больше никогда не мешать водку с пивом. Но ровно через шесть часов опять берутся за старое. И так день за днем, пока милиционерша с косой не задержит их окончательно, чтобы доставить в самый вечный из возможных вытрезвителей.

Путешественник, который закроет Америку, будет еще более велик, чем Колумб. Невзирая на все усовершенствования, мир по-прежнему плохо устроен. Человечество научилось пользоваться туалетной бумагой, но так и не разучилось отливать, где придется. От слишком интимного контакта люди защищаются презервативами. Но количество самоубийств от несчастной любви не уменьшается. Убивать на улице с помощью топора считается неэстетичным, но где-нибудь в Ираке с соблюдением обычаев и правил войны — даже полезным для блага цивилизации.

Если американский солдат выпустит кишки из одного отдельно взятого арабского мальчика, ковыряющегося в носу на перекрестке, его посадят. Но если он же в процессе боя высадит из гранатомета целый домик, где прячется с десятков таких мальчишек, даже наградят.

Сколько ни напридумывали разновидностей протезов, а отрывать ноги реже не стали. Скорее, наоборот. Поэтому, будь у меня выбор, я согласился бы вечно жить в дикости, чем медленно умирать в окружении всех благ цивилизации.

Любая реформа ничего не улучшает. Каждое открытие что-то навсегда закрывает. Все дороги, в конце концов, ведут только на кладбище. Истина — не в вине. Она — в заблуждении.

Поэзия запрета

Сильный стремится к свободе. Слабый — к покою. Каждый цензор убежден, что запретить следует саму жизнь.

Запретный плод сладок. Никто не помнит, кто это сказал. Но несомненно, что автор фразы страдал серьезными нарушениями психики. Мне пришлось продегустировать немало запретных плодов. Большинство из них оказались кислыми, горькими и гнилыми на вкус. Какими угодно — только не сладкими.

Запрещенный советской властью Солженицын в ближайшем знакомстве оказался нудным старикашкой, от чтения которого хотелось сбежать на Запад. Многопартийная система — балаганом. Джинсы — просто повседневной одеждой, довольно неудобной даже в сравнении с юбкой готтентота, не говоря уже об обычных армейских штанах. Зачем с ними боролись в СССР, уму непостижимо! Тем не менее, боролись! Точно так же, как с писаниями войновичей и всякой мелкой «парнасской сволочи», возвращенные имена которой теперь не помнят даже узкие специалисты.

Нужно быть действительно крепко не в себе, чтобы дочитать до конца «Лолиту». Сопливый рассказ

пожилого извращенца об уголовной похоти к прелестям двенадцатилетней дуры, наверное, может возбудить психоаналитика, надеющегося нагреть руки на «лечении» такого идиота. Но нормальный молодой человек, вступающий во взрослую жизнь, с куда большим интересом просто попрыгает часика два-три на ядерной бабенке, чем запустит в мозги эту литературную муть. А ведь было время! «Вы читали «Лолиту»? Как не читали? О, вы столько потеряли...» Даже не верится, что первое советское издание «Лолиты», которое во времена моей студенческой юности было днем с огнем не сыскать, в прошлое воскресенье попало мне на Петровке ровно за одну гривню — в стопке таких же «супервостребованных» книг.

А фильм «Покаяние»? С обслынявленной перестроечными критиками фразой: «Зачем нужна дорога, если она не ведет к храму?». Тоже ведь провалился пару лет на полке! Хотя, если следовать его логике, то никакие другие дороги вообще не нужны. Тебя ограбили? Беги к храму, а не в милицию. Проголодался? К храму! Прихватило желудок? Туда же. Пусть даже у тебя лопнет мочевого пузыря, но тебе не нужна дорога в общественный туалет. Тебе — к храму. Сейчас пафос этого киношедевра не вызывает ничего, кроме рефлкторного содрогания. Но в 1986-м толпы народа действительно усаживались, как зомби, у телевизоров, замороженные только тем, что еще вчера дорога к храму была запрещена.

Из той же оперы массовый успех кашпировских, глоб и чумаков. Если семьдесят лет держать под спудом народных целителей и астрологов, а потом внезапно открыть им шлюзы, ясно, что посмотреть на шаманьи пляски сбежится половина страны. А вдруг завтра опять запретят?

Покойный СССР вообще представлял собой уникальное место по части запретов. Когда в восьмом

классе я явился в школу с закатанными по локоть рукавами пиджака, учительница украинской литературы тут же обвинила меня в фашизме — в советских фильмах все немцы входили в завоеванные деревни именно в таком «неуставном» виде.

Но этот скорбный дух жив до сих пор! По крайней мере, всего несколько лет назад владелец типографии, где я собирался печатать «Вурдалака Шевченко», на полном серьезе требовал от меня справку из «какой-то цензуры», что такую книжку действительно можно издавать. Мой аргумент, что по украинской Конституции цензура запрещена, не произвел на него никакого впечатления. Отсутствие запрета пугало беднягу больше, чем запрет.

Впрочем, другие страны тоже стараются внести поильную лепту в сокровищницу мирового абсурда. В Израиле до сих пор запрещено исполнение музыки Вагнера на том основании, что покойный имел несчастье оказаться любимым композитором Гитлера. Тот факт, что у фюрера при всех его недостатках мог проявиться хороший музыкальный вкус, не приходит цензорам в голову. Чудовище обязано быть чудовищным во всем. Фюреру нравился Вагнер? Значит, Вагнер и породил фюрера! Если бы фюреру нравился танец «семь сорок», в Израиле запретили бы и его. Непонятно, как до сих пор не запретили автобаны, вегетарианство и высокие сапоги. Все эти вещи тоже когда-то пришлось по душе вождю немецкого национал-социализма.

В Японии считается порнографией изображение волосков на половых органах. Поэтому дух протеста тамошней индустрии разврата направлен на то, чтобы максимально подбрить перед съемкой все, что возможно, а остальное прикрыть трусами — лишь бы перенести поглубже границу дозволенного.

Человечество истово ищет, чего бы еще запретить, не успев избавиться от вчерашних запретов. Ничего

странного в этом нет. Сильный стремится к свободе. Слабый — к покою. Моцартов и Булгаковых делают в единичных экземплярах, а для миллионов обывателей высшее творчество — поиск очередного вождя, награждающего их новой порцией общеобязательных табу.

Никто не может сказать, откуда берутся бессмертные книги и великая музыка. Даже те, кто их создал. Во всяком случае, не от того, что покойный Бальзак имел вредную привычку хлебать ведрами кофе, а Шиллер держал ноги в холодной воде. Поколения подражателей делали то же самое, но ничего подобного «Шагреневой коже» так и не написали. Зато первопричина цензуры ясна, как день, — зависть. Стать гением невозможно даже при примерном поведении. А вот похвастаться тем, что вымарал строчку-другую у Пушкина, мог не только Николай I, но еще и толпа совершенно позабытых историей людей — ординарных, скучных и, в сущности, нужных, как заноза в пальце.

Ненавидя мир, стражи порядка делают вид, что спасают его. «Живем, как на вулкане», — вздыхают ханжи, даже если под ногами у них Вольно-Подольская геологическая плита, способная усыпить Везувий.

В глубине души каждый цензор убежден, что запретить следует саму жизнь. Он ненавидит инфляцию, течение воды в кране, изменение погоды и незаметное взгляду, но болезненно ощущаемое его шестым чувством движение материков.

Появившись на свет, как все, из материнской промежности, цензор, тем не менее, делает вид, что не имеет к этому месту никакого отношения. Три четверти слов для него неприличны. Остальные вызывают подозрение. Именно такие люди придумали выражение «молчание — золото». Хотя, если бы это действительно было так, потенциальные миллионеры добровольно отрезали бы себе языки.

Кухня самообороны

Самые жестокие войны ведут не профессионалы, а вооруженный народ.

Все войны начинаются со скуки. Но только на войне человек понимает, что такое настоящая скука. Втайне это осознает любой милитарист. Поднимающийся время от времени вой о разрешении свободной продажи револьверов недобитым интеллигентам — мужская разновидность кокетства. Мы и так вооружены до зубов. Штыковой удар костылем в брюхо подбрасывает жертву на три вершка от земли, а потом гарантированно низвергает на землю. Точно такой же, но в лоб — убивает наповал. Отточенный карандаш в холодных пальчиках специально проинструктированной студентки способен отправить к праотцам чемпиона по боксу.

Обычная же кухня представляет собой просто замаскированную камеру пыток. Топорик для рубки мяса, спички для поджаривания жертвы заживо, табулетки и сковородки для размягчения человеческих мозгов, иголки для прочистки примуса и памяти пленного, пустые бутылки из-под пива, изысканным ударом по батарее превращаемые в колюще-режущие предметы, и, наконец, пакетик с крысиным ядом для домашней химической войны — страшный список можно продолжить до бесконечности. Лично я выдавал бы каждую из

этих опаснейших вещей домохозяйке под роспись перед очередным приготовлением пищи. А потом отбирал все обратно и запирает в специальный оружейный шкафчик. Мало ли что может прийти негодяйке в голову?

Самые жестокие войны ведут не профессионалы, а вооруженный народ. Профессионал смотрит на боевые действия всего лишь как на работу. Его принцип: кому — война, кому — мать родна. А мечта — не труп врага, а вовремя полученная зарплата. Наемные армии всегда норовят превратить яркую быстротечную бойню в вялотекущий повод для получения премий и орденов. Их войны называются Семилетней, Тридцатилетней и Столетней. Последняя передавалась в родах рыцарей от деда к внуку — как наследственные доспехи. На ее крови выросли целые поколения ленивых душегубов.

Вершиной воинского искусства профессионалов стала одна из междоусобиц XV века в Италии. Тогда два до зубов вооруженных отряда кондотьеров из конкурирующих городов просто съехались на каких-то виноградниках, подсчитали количество своих и чужих, прикинули, у кого выгоднее позиция, выбрали по взаимному согласию победителя и, не потеряв ни одного человека, разъехались по нанявшим их городам.

Зато простая крестьянская девушка Жанна д'Арк, дорвавшись до командования, сразу заявила, что англичане уберутся или на свой остров или в ад, после чего с чисто партизанской непосредственностью начала наматывать кишки британских джентльменов на свои девичьи вязальные спицы.

Смешно, но императора Наполеона победил не дипломированный выпускник Петербургского кадетского корпуса фельдмаршал Кутузов, а дикий

русский мужик! Грязный и вонючий — без выправки, строевой подготовки и знания устава караульной службы. Этот крепостной скот, не различавший, где у него левая, а где правая нога, просто отказался давать фураж лошадям императорской кавалерии, а хлеб и мясо — ворчунам из Старой гвардии, отдубасившим пол-Европы в бесчисленных войнах. Но мало того! Полуживотное даже не понимало, какой подвиг оно совершило! Суть происходящего объяснили только его праправнукам, обучавшимся в общеобразовательной советской школе. Оно же докумекало только то, что в деревню пришли какие-то неизвестные господа в красивой синей форме, которых нужно побыстрее резать косой, как только они нажрались и завалились спать.

Комплектация армий давно ведется вопреки принципам разума. Годными защищать отечество признают только молодых и здоровых, обрекая нацию на вырождение. Хотя немощные и престарелые куда больше годятся для этой функции. Дожил до пенсии — марш на два года в казарму. При современном развитии техники прыть для марш-бросков — пережиток прошлого. К месту подвига старикашку подбросят на БТРе. А если ковылять к вражеским окопам на задних конечностях — свыше его человеческих сил, пусть ползет по-пластунски. Кстати, и в тыл такой пехотинец не побежит. Дал волю панике, обратился в бегство — сдох от инфаркта. Гарантированная стойкость пенсионеров в обороне избавит вооруженные силы от необходимости отвлекать личный состав на формирование заградотрядов.

Рождаемость в Европе снижается. Каждый боец — на счету. Глупо разбрасываться таким замечательным человеческим материалом! Любой дед все равно скоро отдаст концы. Так пусть проведет последние дни,

занятый не болячками, а интересным общественно полезным делом уничтожения себе подобных!

Лиц с неуправляемой агрессией разумнее всего определять в спецназовцы. Просто перед заброской в тыл противника их следует проинструктировать — впервые в жизни можете собой не управлять. Причем, абсолютно. Делайте, что хотите. Хоть головы откусывайте врагу! Родина только скажет спасибо. Война все равно всех делает психами. Так почему же мы так настойчиво прячем психов от войны? Если кто и готов к ее перегрузкам, так это — они.

Известие же о том, что на участок прорыва прибыл батальон кастратов, потерявших гениталии в предыдущих сражениях, повергнет вражеское командование в шок. В отличие от остальных, их не испугаешь взрывом гранаты между ног — им уже нечего терять. А войну они воспринимают как глубоко личное, интимное дело, которое ни за что нельзя перепоручать другим. Согласитесь, этим парням есть за что мстить врагу!

Конечно, воплощение этих принципов в жизнь потребует от политического руководства решительности. Но на то оно и руководство, чтобы быть решительным. Вялые личности не оставляют следа в истории.

На самом деле, патроны не в обоймах, а в головах. Арсенал под названием Земля к услугам каждого, кто захочет выбрать в его закромах приглянувшееся оружие самообороны. Глупо жаловаться на то, что взрослые дяди не дают купить пистолет, когда вокруг разбросано Господом столько замечательных камней!

Пир побежденных

От природы большинство людей — мазохисты. Им нравится страдать. Поэтому они любят великих страдальцев — свой облагороженный идеал.

Вечность есть два пути. Один — верхом на белом коне. Другой — у коня под копытами. Последний даже выигрышнее. Слегка примятые, но живые заслуживают большей популярности. Главное, чтобы не затоптали целиком. Зато за битого двух небитых дают.

Фатальная несправедливость истории состоит в том, что победой пользуются не победители, а уцелевшие побежденные. С победой вообще неизвестно, что делать. Вроде бы она есть. Но плоды ее — всегда воруют.

Так было со времен Троянской войны. Блистательного Агамемнона замочили сразу после возвращения свои. Чтобы он не открыл какой-нибудь новый фронт. Ахилл вообще не дотянул до победы, оплатив своей жизнью дорогу домой хитрецу Одиссею, всю кампанию просидевшему в тылу. Зато разбитый в пух и прах троянец Эней переселился не просто на новую родину, а в благословенную Италию. Теперь потомки «бедного» эмигранта живут в стране сплошного курорта,

визу у которой выпросить сложнее, чем у любой ее сестры по Евросоюзу.

Никто не оплакивает расстрелянных в 30-е годы красных маршалов — Егорова и Тухачевского. Оба они — бывшие царские офицеры, продавшиеся большевикам, получили свои пули заслуженно. А на то, что именно эта парочка, а не киношный Чапаев, выиграла гражданскую войну, всем наплевать.

Зато какой очаровательный миф раздули вокруг себя проигравшие белые! Миша Булгаков, прятавшийся от любой мобилизации, собрал полные залы на «Дни Турбиных». Деникин наваял чудные интеллигентные воспоминания — «Очерки русской смуты». Читаешь — слезы душат. И какого черта он поперся в артиллерийские офицеры? Строчил бы лучше передовицы для «Русского слова»! Славно бы выходило!

Ах, белый миф, адъютант его превосходительства, малиновые дроздовские погоны... Сам в юности, каюсь, подпал под ваше очарование и до сих пор не могу отделаться.

Между тем, истина убога. Именно эта элегантная мразь и просрала Россию. Даже страшно подумать, если бы они вместе со своим дураком Деникиным взяли Москву! Перевешали бы всех, кого поймали, на Красной площади. Расплатились бы с Европой по царским долгам. Ленин в Женеву сбежал бы — плевать из эмиграции «архизлобными» статейками. Скука-с, поручик...

«Хотите вы иль не хотите, но доблестнее победитель», — писал еще в XIII веке провансальский трубадур Кретьен де Труа. Если бы оно так и было! Читая мемуары битых генералов, сто раз убеждаешься: самые доблестные они! Именно потому, что проиграли. А победившие получили свою победу исключительно

из-за Божьего головоуятия. Не доглядел, видите ли, вездесущий — не тем распределил лавры!

Но правда — в ином. Побеждают всегда варвары. Или те, у кого варварства больше в крови. Гитлер был субъектом, намного интеллигентнее Сталина. С куда более утонченной нервной системой. Как и его полководцы, воспитанные на философской прозе Фридриха Ницше.

Неудивительно, что «Утраченные победы» фельдмаршала Манштейна так приятно читать. А чего вы хотите от «Воспоминаний и размышлений» крестьянского парня Жукова? Каких размышлений? О чем? Такую же книгу с еще большим успехом накрутила бы мясорубка! Или сенокосилка, подсоединенная через секретаршу к пишущей машинке.

Победители только так и пишут — скучно и обстоятельно. Если только успевают написать. У них много других неотложных дел. Вечные банкеты по случаю очередной годовщины победы. Парады. Встречи с наследниками боевой славы. Рука только потянется к перу, а адъютант уже в нее рюмку сует.

Зато каждая разбитая армия дает мощный толчок мировому искусству. Бездарный князь Игорь, попавший в плен, умудрился стать героем поэмы, оперы и даже мультфильма. Наполеон, которого успешно били Кутузов и Веллингтон, имеет почему-то репутацию великого полководца. Хотя, по-моему, парень просто чаще других просил дать ему по морде. Список его поражений перевесит любой Аустерлиц.

Но какой роскошный эпилог! «Максимы и мысли узника Святой Елены», на каждой странице которых бедняга доказывает, что был не так уж плох. Целые библиотеки воспоминаний, нашлепанных ветеранами, дезертирами и блядьми его армий. «Подвиги бригады Жерара» поверившего в эту сказку Конан Дойля.

«Война и мир» вредного старика Толстого. И, наконец, уже в XX веке тысячи километров киноплёнки, вновь и вновь воспевающей какие-нибудь «Сто дней» толстопузого недомерка в распиаренной треуголке. Ворчуны из Старой гвардии не прошагали столько, сколько пробежали дубль за дублем операторы с камерой в руках, пытаясь вызвать дух великого неудачника!

И конца этому помешательству не видно. Даже когда съёмки нет, члены бесчисленных исторических клубов, нацепив наполеоновские мундиры, собираются на Ватерлоо, чтобы отметить очередную годовщину самого выдающегося в мире поражения. Хоть бы один из них, сделав фанерную «тридцатьчетверку», поехал под Курск праздновать великую победу Красной Армии! Но уверен: если кому-нибудь придет в голову, что это еще и место поражения «непобедимых» танкистов фюрера, тут же явятся толпы идиотов, которые наклепают макеты «Тигров» из жестяных корыт, и будут кататься на них по колхозным полям, распевая немецкие марши.

Странная, на первый взгляд, поэтизация поражений имеет простую разгадку. От природы большинство людей — мазохисты. Им нравится страдать. Поэтому они любят великих страдальцев — свой облагороженный идеал. В любом классе найдется совсем немного мальчиков (чаще всего ни одного), которые бы признались: «Да, мне нравится снимать скальпы, расстреливать пленных, глумиться над женщинами и совершать другие преступления против мирного населения. Но я — маленький и еще не имею возможности это сделать. Поэтому пока пришлось удовлетвориться Петенькой, которому я просто заехал в нос». Попробуйте-ка найти такого героя! Зато каждый из двух пойманных учительницей за ухо негодяев, подравшихся на перемене, станет голосить, как изнасилованный,

указывая на другого: «Он! Он первый ударил!» А потом оба будут долго оплакивать на уроке все свои царапинки, как будто они золотые.

Настоящих садистов мало, так же как буйных и вожаков. Они постоянно заняты делом. Им некогда писать воспоминания. Слишком увлекателен процесс реального издевательства, чтобы заменить его сублимацией.

Мучители-профессионалы собираются в специально отведенных местах — парламенте, Кабинете Министров, генеральном штабе и всласть пьют кровь и сок из народа. Но так как крови и сока на всех не хватает, то время от времени приходится есть и кого-то из своих — особенно насосавшегося. Получается, как с тем крокодилом, который в конце концов пошел на дамскую сумочку. При жизни только то и делал, что жрал все вокруг. Зато теперь — жертва и укор каждой любительнице натуральной кожи. На свихнувшемся Западе защитницы животных за него голову оторвут. Или краской обрызгают. Точно так же, как и за шубку из соболя. Видели бы они того соболя, когда он ел птенчика из чужого гнезда! Или милую застенчивую белочку, пьющую из недосиженного яйца желточек! Может, тогда бы и поняли, что настоящие шубы делают только из суперхищников, нагулявших своими преступлениями особенно густую шерсть.

Украинское «розстріляне відродження» значит хоть что-то только потому, что его расстреляли. Доживи Есенин до старости, он был бы никому не нужен. Ни критикам, ни поклонникам. Но удачно подсунутая судьбой веревка в «Англетере» повесила его прямо в Вечности, где он болтается до сих пор.

В отличие от дырявой кастрюли, череп Маяковского ценен именно потому, что с дыркой. Через это пулевое отверстие вытекла самая совершенная строчка его

поэзии. Та, что без рифмы и размера — жизнь. «А не поставить ли точку пули?» — писал молодой Владимир Владимирович и в конце концов поставил, превратив свою биографию в недостижимый образец для любого неудачника рангом ниже.

Побежденные предпочитают пировать по-крупному. Любимые места их пьянок — суровая скандинавская Валгалла, куда собираются герои, убитые в бою, и мусульманский рай, где погибших за веру пророка ласкают полногрудые гурии и поят водой, которой им так не хватало на выжженном пустынном Востоке.

В хорошем обществе считается неприличным быть победителем. Аристократы любят спорт не из-за победы, а ради участия. Высший балл тут получают только рекордсмены гонки за титул самого униженного и оскорбленного.

Стереотип Голиафа

Нигде в мире давно уже не угнетают негров. Наоборот, это они потихоньку начинают всех угнетать.

Если верить Библии, Давид, отправляясь на бой с непобедимым Голиафом, выглядел крайне неуверительно. В одной руке он тащил какой-то грязный мешок, в другой — суковатую палку. Голиаф, сверкавший бронзовым панцирем, как майский жук, даже обиделся, завидев этого «бомжа». «Что я пес, что ты лезешь на меня с палками? — будто бы спросил он и тут же добавил: — Иди сюда, я отдам твою плоть птицам небесным!»

Но Давид извлек из мешка булыжник и запустил его великану прямо в череп. Филистимлянский богатырь рухнул, как спиленный дуб. Давид, в несколько прыжков преодолев разделявшее их расстояние, добил лежачего его же собственным мечем. Израильтяне бросились в атаку. Филистимляне — засверкали пятками, удирая с поля боя. Сказанное подтверждает — нет ничего опаснее стереотипа!

Подлинно страшное обычно имеет непритязательный вид. Ему незачем украшать себя дьявольской маской и потрясать над головой копьем «толщиной с ткацкий вал», которым размахивал Голиаф. Тем более издавать боевые кличи. Настоящий агрессор не проводит военных парадов. Он любит мирные конференции,

с которых удаляется с обиженным видом, чтобы сообщить нации о печальной необходимости снова взяться за оружие. На него постоянно нападают. Он всегда только защищается. И в результате — умирает окруженный всеобщим почетом, оставив наследникам империйку, всосавшую в себя все окрестности, до которых только смогла дотянуться его справедливая рука.

Угрюмые наполеоновские маршалы — ничто по сравнению со своим упитанным главарем, смахивавшим по экстерьеру на производителя спагетти. Гитлеровские генералы, эти «символы прусской военщины», робели перед коротышкой-фюрером — двойником комика Чарли Чаплина. А Троцкий — заходясь в истерике, совершенно напрасно обзывал Сталина посредственностью. Уютного вида Иосиф Виссарионович, попыхивая домашней трубочкой, достал своего соперника ледорубом аж в заокеанском Мехико! Вот вам и посредственность...

Все мы — рабы стереотипов. Будь вежливым — учат в школе. А что было делать тем украинцам, которые в середине 90-х не получали зарплату? Изысканно изощряться в красноречии? Не лучше ли было подстеречь директора завода прямо в аэропорту, когда он возвращался с кипрского пляжа, и допросить с пристрастием: «Каким это образом, шельмец, заводская база отдыха оказалась записанной на твою лупоглазую дочку в то время, как в цехах мыши скребутся? Где обещанные акционерам дивиденды? И за какие шиши ты, нищий, валялся на средиземноморском курорте?» Поверьте: такая бестактность мигом бы оздоровила экономическую обстановку в стране.

Есть личности, классы и даже целые нации, узурпировавшие право на жалость. Стереотип велит воспитанному человеку проливать над ними крокодиловы слезы. Нигде в мире давно уже не угнетают негров. Наоборот, это они потихоньку начинают всех угнетать. Немножко в ЮАР, что замечательно описано популярным романистом Кутзее. Чуть-чуть — в

Намибии, где без лишнего шума вырезали белых фермеров. А особенно — в Париже. Там вместе с арабами чернокожие всю зиму жгли автомобили ни в чем не повинных мирных французов. Но рамки приличия требуют в каждом из этих «язычников» видеть очередное воплощение несчастного дяди Тома из детской книжки — даже в той раскормленной харе, что каждый день скачет свой рэп по каналу MTV.

При этом я пасть порву любому, кто рискнет обвинить меня в расизме. Я обожаю мулаток! И мои потомки, уверен, тоже будут их обожать. А мулаток невозможно разводить, не скрещивая белых мальчиков с черными девочками. Я всего лишь за точность формулировок. «Нельзя называть их неграми, — поучала на очередном телешоу моего друга поднаторевшая в политкорректности киевская журналистка. — Правильно говорить — «афроамериканцы»! — «А если он в Зимбабве родился, — ответил тот, — его что «афроафриканцем» называть?» В конце концов, *niger* — по-латыни просто «черный». А черное — это черное. Вот и все.

Как-то на выставке африканского искусства я спросил одного симпатичного нигерийца, есть ли в их системе мироздания что-то наподобие нашего черта. «Есть», — сообщили мне. «А какого оно у вас цвета?». «Черного», — неожиданно засмутившись, признался мой собеседник.

Каждый вечер по телевизору мне втирают новенькое об израильско-палестинском конфликте. Меня оглушают серией взрывов с той и другой стороны и забивают голову непонятными словами: «шахид», «интифада» и «дорожная карта Буша», услышав о которой я почему-то представляю не процесс мирного урегулирования на Ближнем Востоке, а череду тexasских салунов, вдоль которых слоняется в сдвинутой на ухо ковбойской шляпе краснорожий американский президент с бутылкой виски в руке.

Все это продолжается столько, сколько я живу на свете. По крайней мере, в 1983-м году, когда я еще носил пионерский галстук, мне рассказывали о той же зава-

рушке в секторе Газа и на западном берегу реки Иордан. Только другими словами. С тех пор почти ничего не изменилось. Разве что «телечучело» Ясира Арафата износилась и исчезло с экрана, а Шарона хватил инсульт.

Делаю вывод: повышенное внимание мирового сообщества к этой проблеме совершенно не способствует ее разрешению. Давно пора просто оставить ее в покое.

Я совершенно согласен с арабами, утверждающими, что у израильтян нет никаких исторических прав на Иерусалим и его окрестности, поскольку их бездомные предки во времена Моисея просто шлялись по пустыне в поисках земли обетованной. Но я признаю и то, что у современных палестинцев на эту горячую точку не больше прав. Их предки тоже где-то шлялись. А жили и до евреев, и до палестинцев в Иерусалиме филистимляне. Они и имеют на него исторические права. Только где их теперь найти, если им еще при Давиде устроили геноцид? Так пусть теперь обе ветви семитского племени решают свои вопросы самостоятельно. Не надоедая мировому сообществу. Это их болезненное, но все-таки внутреннее дело. Вроде деревенской драки в кибуце. Достаточно просто приподнять раз в сто лет крышку над этой кипящей кастрюлькой и вежливо осведомляться: «Ну что, братья-семиты, уже договорились? Ах, еще нет...»

У Голиафа были все шансы выиграть сражение. Нечего было сорок дней подряд выходить на поле, вызывая бойцов на поединки! Уже на третий день, когда желающих не оказалось, нужно было переходить в наступление и разгонять морально подавленного противника кнутом. Но Голиаф, по-видимому, сам не очень хотел воевать. Ему больше нравилось сверкать своими технически передовыми доспехами на парадах, эксплуатируя славу великого героя и ... дожидаясь Давида с мешком булыжников.

Не бойся Голиафа!

Бойся стереотипа, утверждающего, что Голиаф — непобедим.

Эти шикарные белогвардейцы...

Это моя любимая забава. Бывает, закроешь глаза и словно с высоты увидишь степь, цепочки людей в шинелях, черные игрушки пушек. Только оказалось, что даже белый цвет имеет множество оттенков.

Отчетливо помню день, когда впервые прочитал «Белую гвардию» Булгакова. Это был 1983 год. Зима. Наверное, январь или февраль. Книгу мне дали на несколько дней. По большому благу. В андроповском СССР она была жутким дефицитом. За киевским окном шел снег. По улице медленно пробирался трамвай. А я стоял у окна, и в голове моей еще крутились петлюровцы, гетман, потемневшая от холода кокарда на фуражке Мышлаевского и бессмертная фраза на печке: «Слухи грозные, ужасные — наступают банды красные»...

Мне было четырнадцать. И я жалел об одном — что не родился в царствование государя-императора Николая Александровича и не могу, следовательно, быть кадетом, юнкером или лейб-гвардии штабс-ротмистром в кавалерийской длинной шинели. История, казалось, прошла мимо. Скука-с, поручик! Со мной происходило то же, что и с Дон-Кихотом. Тот, начитавшись рыцар-

ских романов, возжелал стать странствующим рыцарем. А я — белогвардейцем. Ведь что такое «Белая гвардия»? Самый что ни на есть настоящий рыцарский роман!

Впрочем, время на излете застоя идеально соответствовало таким мечтам. Глоток свободы можно было потянуть только из фильмов о гражданской войне. Победили в ней красные. Но фильмы нельзя снимать только о победителях. В них должны быть еще и «враги». И враги эти выглядели куда симпатичнее, чем большевики-революционеры. Разве мог маленький плешивый Ленин с бородкой тягаться с великолепным генералом Чернотой из «Бега»? Разве могла кровавая маньячка Анка-пулеметчица — явно латентная лесбиянка, лютой ненавистью ненавидящая мужчин, сравниться с идущим на верную смерть офицерским строем в «Чапаеве»? Помните того, с дымящейся сигарой во рту? Чем он был хуже японских самураев — этот русский шикарный самоубийца, прущий прямо на пулемет, лишь бы не жить в стране победившего социализма?

«Адъютант его превосходительства» агитировал против советской власти лучше любого «вражьего голоса», воркующего ночью за западные деньги по Би-Би-Си. «Тихий Дон» подтачивал колхозную систему надежнее всех кулаков в мире. Если ради этой системы погубили таких казаков, как Гришка Мелехов и Пантелей Прокофьевич, то на черта она нужна?

Поэтому с Советским Союзом в 91-м году я расстался легко. Меня тошнило от его красных знамен, членов партии, на глазах мутировавших в демократов и петлюровцев, и кирзовых сапог. Он не устраивал меня эстетически. Страна, не способная производить шелковые галстуки и развратные дамские чулки, не имела права на существование, несмотря на все свои успехи в социальной сфере. А вот с белыми я не расстался до сих пор. Это моя любимая забава. Бывает, закроешь глаза и словно с высоты увидишь степь, цепочки людей в шинелях, черные игрушки пушек. Только

оказалось, что даже белый цвет имеет множество оттенков.

Начнем с того, что большинство вождей белого дела вряд ли были готовы спеть «Боже, царя храни!» Генерал Корнилов — первый командующий Добровольческой армией — вообще имел демократические убеждения. Даже почти левые. Свой первый выход на большую историческую сцену он начал с поступка, который ни за что не мог попасть в советские фильмы, ибо с коммунистической точки зрения не имел объяснения. Это он во время Февральской революции лично арестовывал императрицу Александру Федоровну в Царском Селе. Как такой «хороший» человек мог потом пойти против советской власти? Но дело в том, что будущую Россию генерал видел как буржуазную республику с собой во главе. А себя — чем-то вроде нового Наполеона, который должен был прийти после смуты и навести порядок. Большевиков, естественно, в этой чудесной новой православной России без царя не предполагалось. Разве что некоторое их количество должно было болтаться для красоты на фонарных столбах после торжественного взятия Москвы.

«Генерала Корнилова считать монархистом было нельзя, — писал в мемуарах пришедший ему на смену Деникин. — Генерал Марков не скрывал своих монархических убеждений, но твердо считал, что выявить свои убеждения должно только после освобождения Родины. Генерал Кутепов, ярый монархист, поборол в себе свои чувства и влечения и заявил, что если воля Учредительного собрания остановится на иной, не монархической, форме правления, то он приложит руку к козырьку и скажет: «Слушаю!»

Генерала Алексева Деникин тоже называл «монархистом». Правда, это был какой-то странный монархист. Ведь именно он в марте 1917 года посоветовал Николаю II отречься от престола. Нет, чтобы сказать: «Вы что, Ваше Величество, спятили? Какое

отречение? Сейчас все вместе — по вагонам и в Петроград! Душить свободу!» Так на его месте (а место было высокое — начальник генерального штаба русской армии!) заявил бы любой настоящий монархист.

Вообще даже по происхождению интересная публика собралась у руля Добровольческой армии. Только что упомянутый Алексеев — сын солдата. Деникин — имел почти такую же родословную. Его отец — простой крепостной мужик — попал в армию при Николае I, когда служили целых двадцать пять лет, и из рядовых выбился в майоры. Женился на бедной польской барышне. От этого брака русского офицера «из народа» с полькой и родился Антон Иванович Деникин — киевский юнкер и убежденный адепт единой и неделимой России. В патриоты возрождающейся Польши его не потянуло — слишком хорошо понимал, какая смешная страна из этой затеи получится.

Чуть ли не единственным аристократом в верхушке белой армии оказался ее последний командующий — барон Врангель — гвардейский офицер, в начале мировой войны командир эскадрона лейб-гвардии Конного полка. Но этот был во всем исключением! Полный отморозок! В 1914 году под командой Врангеля конногвардейцы ударом в лоб захватили немецкие пушки. Это была едва ли не последняя в истории такая атака в конном строю. Представьте: две сотни всадников несутся вскачь навстречу залпам и смерти. Над ними хлопки шрапнели — передовая техника против сабель. Доскакал мало кто. Сохранилась фотография: тощий, как Кашей Бессмертный, ротмистр Врангель сидит после боя на взятом оружии. Глаза — стра-а-а-шные! Сам не понимает, что совершил.

Больше в такие атаки русская кавалерия не ходила — подходящих людей для них не осталось. Зато Врангель заслужил за это первый в той войне офицерский орден св. Георгия. ТАКОЙ мог взяться за безнадежное дело! Но и он к 1920 году был уже полным демократом. Даже

посылал гонцов к батьке Махно договариваться о совместных действиях против красных и собирался дать если не независимость, то широкую автономию Украине.

В кино все эти полутона исчезли. Вернемся к знаменитой психической атаке из «Чапаева» братьев Васильевых. Нечто подобное действительно имело место. Но инсценировали события так, что от правды остался только дым. В фильме в атаку на бойцов Василия Ивановича марширует, как на параде, «офицерский Каппелевский полк». В действительности, он не был офицерским и никогда не носил придуманных ему специально для кино черных длинных мундиров с отворотами. Не ходил он и в психическую атаку против чапаевцев. Прославилась в ней Ижевская бригада — удивительная часть колчаковской армии, сформированная целиком из уральских рабочих. Нюхнув комиссарской власти, эти пролетарии восстали и выдвинули лозунг: «За советы без большевиков!» Сложно поверить, но против красных они сражались под... красным стягом!

Ижевцы носили самые обычные защитные или белые гимнастерки с синими суконными погонями, офицеров своих выбирали и обращались к ним «товарищ поручик» или «товарищ полковник», а в наступление на Чапаева 9 июля 1919 года под Уфой двинулись, наяривая на гармошках революционную «Варшавянку»! Их психическая атака в полный рост без единого выстрела произошла не от хорошей жизни — у белых под красным знаменем просто кончились патроны. Вот и шли они, сверкая штыками и скрипя зубами...

Но все это не вписывалось в ту схему гражданской войны, которую навязывали в 30-е годы победители-коммунисты. Рабочие против большевиков? Да, не дай Бог, кто узнает! Поэтому белогвардейцев предписали изображать чистенькими лощеными дворянами, словно только что из салона красоты, несмотря на то,

что с прижизненных снимков на нас смотрит усталая завшивленная рвань в мятых погонах.

Сложно поверить, но выбор между службой у белых и красных чаще всего определялся по географическому принципу. Разваленная революционной пропагандой царская армия к началу 1918 года самораспустилась. По штатным спискам перед кончиной в ней числилось примерно 300 тысяч офицеров. За исключением трех-четырёх тысяч явных пассионариев, сразу оказавшихся на Дону у Корнилова, все остальные разъехались по домам. Тех, кто жил поблизости от революционных Москвы и Петрограда, мобилизовывала зарождающаяся Красная армия. Схема была проста. Бывшего царского офицера новая власть ставила перед выбором: или служите нам, или мы расстреляем вашу семью. Время сейчас трудное, войдите в наше положение... Так в воинстве Ленина и Троцкого появилась широчайшая прослойка «военспецов». Это они планировали операции, командовали дивизиями и полками. Именно для присмотра за ними, а не для душевных бесед со всякими Чапаевыми, и были придуманы комиссары.

А офицеры-южане и сибиряки, жившие на окраинах развалившейся империи, в основном оказались у Колчака или Деникина. Берет белая армия Харьков, и сразу в ее рядах оказывается все местное офицерство, отсидевшееся по домам. Захватывает Екатеринославль — вот вам еще пополнение. Взятый в плен у красных полк после расстрела десятка явных коммунистов тут же переформируется и становится белым. Такова была реальность! И красные поступали так же — к примеру, все оставшиеся после эвакуации деникинцев из Новороссийска донские и кубанские казачки тут же были зачислены в Первую конармию Буденного и отправлены на польский фронт — рубить воскрешую из небытия шляхту.

А кого только не заносило в белые ряды! События детектива «Адъютант его превосходительства» происходят в Харькове в 1919 году. У капитана Кольцова, которого сыграл Юрий Соломин, имелся реальный прототип — красный шпион Павел Макаров. Но и был ли он настоящим шпионом, до конца не ясно. Возможно, просто придумал эту версию, чтобы оправдаться в 20-е годы за службу у белых.

Зато известно другое. В отличие от интеллигентного Кольцова, Макаров был полуграмотным субъектом, писавшим с грубыми грамматическими ошибками — так, словно никогда не учился в гимназии. Когда в штабе Добровольческой армии это заметили, разоблаченный «двоечник» оправдался тем, что после контузии якобы забыл грамматику! Как ни странно, поверили. Даже пожалели. Добровольческой армией в это время командовал генерал Май-Маевский — пьяница, дебошир и добряк. В психологии он разбирался плохо. Мало ли что от контузии может быть? А адъютант — хороший... Ну и что, что пишет с ошибками?

Но невозможно поверить в то, как одет актер Соломин. Он носил элегантную форму императорской армии. Белые использовали ее покрой и основные элементы. Но не копировали слепо. В 1919 году адъютант командующего Добровольческой армией щеголял не в зеленом мундире и фуражке, а в форме одного из так называемых «цветных» полков — Дроздовского. Капитан Кольцов должен носить бело-малиновую фуражку и малиновые матерчатые погоны. Как раз в такой форме запечатлен его прототип Макаров за спиной Май-Маевского на снимке 1919 года. Качественных тканей во время гражданской войны не хватало. Даже офицерскую одежду часто шили из грубого сукна — того, что попадалось под руку. Поэтому Макаров на фотографии в толстом, далеко не изящном френче.

А в мемуарах прапорщика Марковской артбригады Николая Прюца есть забавный эпизод. После ранения он впервые выходит из госпиталя на прогулку в Ростове-на-Дону. Прапорщик пишет о себе в третьем лице: «Идя по Садовой, он увидел, что резко выделяется в толпе прохожих. Не получая никакого обмундирования и не имея достаточно денег, чтобы купить что-либо из-за дороговизны, он в летнюю жару шел в зимней солдатской папахе и в поношенной, простреленной юнкерской шинели». Денег у этого оборванца хватило только на то, чтобы заказать кофе с пирожным в кафе и приобрести «простую солдатскую фуражку, которую он потом носил половину восемнадцатого и целый девятнадцатый год. И это было все, что он приобрел за первые полтора года службы в строю своей батареи». А ведь Прюц служил в одной из самых прославленных и боевых частей белой армии! Даже после тифа и ранения в глаз он все равно вернулся в строй.

Знаменитый Михаил Фрунзе, командующий красным Южным фронтом — тем самым, что взял Крым, уже после гражданской войны помянул белых добрым словом: «В области военной они, разумеется, были большими мастерами. И провели против нас не одну талантливую операцию. И совершили, по-своему, немало подвигов, выявили немало самого доподлинного личного героизма, отваги и прочего. В нашей политической борьбе — кто может быть нашим достойным противником? Только не слюнтяй Керенский и подобные ему, а махровые черносотенцы. Они способны были бить и крошить так же, как на это были способны мы».

В конце концов, глядя на сегодняшнюю Россию с двуглавым орлом, трехцветным знаменем и прахом Деникина, перенесенным на родину, кто усомнится в том, что в гражданской войне победили все-таки белые? Победили уже после смерти, духом своим обелив красную страну.

Преступления детектива

В книгах преступления всегда раскрываются. Но только потому, что их придумывают сами авторы.

Не так давно в мои руки попался новомодный детектив о похождениях поручика Ордынцева. В разгар гражданской войны доблестный белогвардеец шляется по тылам своей не менее доблестной Белой армии и, вместо того, чтобы вешать комиссаров, распутывает темные истории. Обстоятельно, словно в кабинете на Бейкер-стрит. Возможно, кто-то и поверит в этот фантом.

Я же вспомнил своего дедушку — простого казака, 1902 года рождения, успевшего помахать шашкой в гражданскую. О легендарных временах он говорил несколько иначе. Дед зажмурился и с удовольствием выцеживал: «Тоди людыну було вбыты — раз плюнуть!» Лично я верю ему, а не детективу. В его словах чувствуется бесценное свидетельство практика о явном кризисе дедуктивных методов перед лицом массовой готовности к душегубству. Но даже когда этой готовности нет, метод все равно в кризисе.

У колыбели детектива стоял сумасшедший — Эдгар Аллан По. Глубоко уверенный в своем интеллектуальном превосходстве над окружающей действительностью, этот алкоголик в 1841 году написал пер-

вый в мире детективный рассказ — «Убийство на улице Морг». Чтобы поразить воображение обывателя, убийцей он сделал орангутанга, сбежавшего в Париже от своего хозяина-матроса. В мире как раз появились первые зоопарки, что необыкновенно расширило естественнонаучные познания среднестатистических граждан. Пролетарии водили своих подружек любоваться на пленных африканских обезьян, а те визжали от одной только мысли, что будет, если «чудовище» вырвется из клетки.

По, в конце концов, умер от алкоголизма. Но от него произошли все современные писатели-детективщики. А от его орангутанга с бритвой — все литературные преступники. Такие же свирепые и такие же «правдоподобные». Дурное семя принесло нездоровые плоды. Человеческая глупость, умноженная на безграмотность, дала удобрение городской почве, на которой выросли такие проходимцы, как Конан Дойл и Агата Кристи.

Детектив — всегда детище мегаполиса. Профессор Мориарти может процветать только в Лондоне. Фантомасу — нигде жизни нет, кроме Парижа. В деревне не бывает чудовищных преступлений. В уездном городишке тоже. Тут трудно украсть не то что алмаз Раджи, но даже кабана у соседа. Скудость провинциальной жизни заставляет всех шпионить за всеми. В каком-нибудь баварском захолустье Штирлица вычислили бы за неделю — как Павлика Морозова. Но в каменных джунглях затеряться проще, чем в настоящих. Тут есть что порасследовать.

Миф о всемогуществе литературных сыщиков породила убогость достижений штатной полиции. Все знают успехи Шерлока Холмса и мисс Марпл. Беда в одном — ни один из них не существовал в действительности. Представьте мужика, который живет в центре Лондона, ширяется дорогами наркотиками,

нигде не работает, не ходит по бабам и не интересуется гонорарами. Верите? Я — нет. За что-то же этот джентльмен должен существовать? Лично у меня две версии. Либо Холмс — германский шпион. Либо он с его страстью к переодеваниям — дорогая проститутка-трансвестит. В любом случае пора приглашать ребят из ведомства Берии. Они мигом разоблачат «врага британского народа».

В мировой литературе есть только один честный образ сыщика-единоличника — пана Штендлера по прозвищу «голова-шишка» из «Похождений бравого солдата Швейка». Все его детективное рвение уходило на выслеживание чужих мужей и жен во время случек «на стороне». Бедный Штендлер от этого ходил постоянно грустным и закончил тем, что сам однажды залез в постель к замужней даме, где и был мгновенно разоблачен детективом Шпахом из конкурирующего сыскного бюро. В повествовании Гашека кроется сермяжная правда. Расследование супружеских измен — максимум, чем занимаются реальные шерлоки холмсы. На большее просто нет спроса. Потрясающие воображение «пестрые ленты», собаки Баскервилей и бассейны с отравленными рыбками существуют только в воображении «мастеров детективного жанра». В книгах преступления всегда раскрываются. Но только потому, что их придумывают сами авторы.

Несмотря на все успехи криминального чтения, до сих пор не известно, кто «заказал» Тутанхамона, президента Кеннеди и царевича Димитрия, от которого «мальчишки кровавые в глазах». Правда, Кеннеди успокоили совсем недавно. Каких-нибудь сорок лет назад — явно мало для приличного расследования. Но с Тутанхамоном-то можно было разобраться за три тысячи лет? Кто стукнул его «тупым предметом по голове», как утверждают археологи? Или, может, он по неосторожности с трона упал? Египет — страна маленькая. Бежать некуда. Посредине — Нил. Справа, слева — пустыня. Но не нашлось ни одного правдолю-

ба, который бы спросил: «А что с нашим фараоном-то, братцы?»

Грустная истина гласит: вся мировая полицейская система до сих пор держится на двух китах — доносе и пытке. Первое деликатно именуется в уголовном кодексе «сообщением о преступлении». Второе — как бы вовсе не существует. Но, тем не менее, живет и здравствует. Не оставляющий следов на теле удар по почкам известен любому профессионалу.

Конечно, в старые времена было веселее! Петровская инструкция «как пытать» оговаривала все тонкости. Пытали три раза, поднимая на дыбу и выворачивая суставы в руках. Если показания во всех трех случаях совпадали — процесс прекращался. Если последственный начинал путаться, добавляли еще подъемчик-другой. И так, пока три попытки подряд бедолага не говорил одно и то же — искомую «истину». Метод варварский. Но в стране, где второе лицо в империи — князь Меньшиков умел только подписываться, а не писать, было не до тонкостей перекрестных допросов.

За годы журналистских приключений мне пришлось повидать разных следователей. Точно так же, как разных политиков и разных «звезд». Я помню интеллигентного капитана, устало пошутившего, что «живой мент, в отличие от киношного, расследует сразу двадцать пять преступлений в день и все без успеха». И разгильдяя-лейтеху, признавшегося, что не мог взяться за дело, так как «загулял вчера на дне рождения». И вполне реальную Каменскую лет сорока, пожаловавшуюся на то, что она стирала дома все воскресенье.

Честно говоря, эти встречи дали больше, чем чтение полного собрания сочинений Конан Дойла. Они избавили меня от веры в правосудие.

Любимым в детстве детективам я вынес собственный приговор — вечная ссылка на самую дальнюю полку в библиотеке. Хотя иногда подумываю: а не приговорить ли их к сожжению, как еретиков в средневековье?

Памятка отечественному законодателю

Власть — от Бога. Но законы — от людей, находящихся при власти. Поэтому в них мало божественного. То, что считается преступлением в одни времена, при изменившихся обстоятельствах может оказаться подвигом. В дни мира казнят за то, что поднял руку на соседа. А в дни войны — из-за того, что рука не поднималась.

Правовое государство у нас строят, как раньше коммунизм. С тайной надеждой — авось не доживем! Все только и говорят, что о верховенстве закона. А в глубине души желают ему провалиться в тартарары вместе с судами и уголовным кодексом.

Наш человек знает: жить не по лжи нельзя! Высшая радость для него: творить все, что взбредет в голову, и ни за что не отвечать. Ни один из героев украинских сказок не платил за квартиру, не служил в погранвойсках и даже не ездил по правилам уличного движения. «Анархия — мать порядка» — такой лозунг мог родиться только в нашей стране. Как и анекдот про

вуйка, свято уверенного, что убивать москаля можно без риска схлопотать сдачу. (Помните: «А якщо москаль вас вб'є?» — «О, а мене ж за що?»)

В Украине не придерживаются не только международного права, но даже простых норм человеческого общежития. Только наш патриот может верить, что дешевый газ бывает за карие очи и черные брови, а хорошее отношение — за плевков в борщ соседу. «Якби ви знали, як нас не люблять!» — часто жаловались мне национально свідомые упыри. На что получали ответ: «А кого любите вы? Поляки для вас — «ляхи», евреи — «жиды», а все остальные украинцы, кроме вас, — «зрадники». Чего ж вы хотите?»

Каждый из наших граждан настолько убежден в собственной справедливости, что напрочь отрицает ее у другого. Поэтому храмы отечественной Фемиды пребывают в запустении. Меньше всего типичный районный суд похож на программу «Судові справи з Ігорем Годецьким». Зайдите и убедитесь.

Вместо симпатичного судьи с интеллигентской бородкой — секретарши, дремлющие в канцелярии на засаленных папках. Вместо духа закона — запах принесенного из дому борща. Вместо строгой тишины, в которой пристало взвешивать человеческие вины, мышиная возня никогда не кончающегося ремонта. В зале заседания вас еще может поразить государственный тризуб, прицепленный набекрень, как шапка разбойника. Сразу чувствуется: в этом месте не жалеют времени на установление истины — ни о чем другом даже не думают! Гражданские иски тут могут мариновать годами, как во времена тяжбы Ивана Ивановича с Иваном Никифоровичем. Разве что мостовые перед входом стали заливать асфальтом, лишив свиней конституционного права принимать ванны в уличных лужах. В остальном же — свинства достаточно.

Пустячное дельце с одной газеткой, обозвавшей меня маньяком, мурыжили больше трех лет. Все выясняли: «маньяк» — это оскорбление или медицинский термин?

Редакция газеты практически переселилась в суд, а я был вынужден на время приостановить литературную деятельность, занятый только написанием полного собрания обвинительных речей. Все очень устали. Судья трижды ходила в отпуск, который, по закону, тянется у нее целых два месяца. Вражина-редактор то валялся у меня в ногах, умоляя принять отступного, то пророчил, заходясь в истерике, что я плохо кончу. Но я хотел, чтобы все было только по закону! И в результате получил-таки свои десять тысяч за нанесенную обиду. И в придачу — стальные нервы, которым не страшны теперь конец света и дорожные пробки.

Но, что касается удовольствия, то и я, и проигравшая сторона чувствовали себя жертвами правосудия настолько, что вместе отправились пропивать выплаченные мне деньги в ближайший ресторан, поклявшись, что в следующий раз будем выяснять отношения только на дуэли.

Кстати, в шоу Годацкого инсценировка этой истории заняла... пятнадцать минут! На экране все выглядело так, словно процесс — игра, а не повод для преждевременного инфаркта.

Попытки навести порядок в нашей правовой системе всегда напоминали генеральную уборку в квартире безумной домохозяйки. Устав от самодержавного гнета, в 1917 году придумали революционную законность. В результате отрубленные человеческие головы стали валяться на улицах, как гнилые арбузы. Не удовлетворившись достигнутым, через двадцать лет провели Большую чистку — выловили всех скрытых троцкистов и японских шпионов, а заодно тех, кто ни

слухом, ни духом ничего не знал ни про Троцкого, ни про Японию! «Я не могу быть американским агентом, так как не знаю американского языка» — жаловался в ЦК знаменитый революционный матрос Дыбенко, муж первой советской женщины-дипломата Александры Коллонтай. Но шлепнули и его — за то, что плохо учился.

А совсем недавно орали: «Бандитам — тюрьмы!» Причем, громче всех — те, по ком тюрьма плачет.

Коллективная безответственность неизбежно приводит к массовым репрессиям. Для полной справедливости нужно было бы посадить всю страну, а заодно — соседнюю (ту, что севернее), не разбираясь, кто в чем виноват. У нас трудно найти праведника, не обманывавшего государство, не грабившего народ, не расхищавшего социалистическую собственность или не добывавшего капиталистическую — незаконным путем. Сидеть должны все! Кто — за старое, кто — за новое. Остальные — авансом. За преступления, которые могут совершить в будущем, но еще не успели. Одновременно должны действовать «Судебник Ивана Грозного», сталинская Конституция и Декларация прав человека — чтобы опричник резал, зная свои права, а не просто так — по вдохновению.

Власть — от Бога. Но законы — от людей, находящихся при власти. Поэтому в них мало божественного. То, что считается преступлением в одни времена, при изменившихся обстоятельствах может оказаться подвигом. В дни мира казнят за то, что поднял руку на соседа. А в дни войны — из-за того, что рука не поднималась.

Узаконенный грабеж государством имущества обывателей называется налогом. А справедливое уклонение последних от попыток запустить руку в их карман — подрывом общественных институтов. При этом

только слепой не видит, что за последние пятнадцать лет власть прочно пересела в Мерседесы, а обыватель по-прежнему трясется на работу в трамвае. Или, в лучшем случае, в малолитражке — осторожно уступая Мерседесам дорогу.

То, что настоящая революция не за горами, не видно пока только верхам. Провернув изящную махинацию под названием «Майдан» и передав руль от Кучмы кучмистам (всех окрасов — от оранжевого до белосинего), министры-капиталисты не верят в мозолистую руку рабочего и булыжник пролетариата. Они думают, что желудок пролетария до краев залит дешевым пивом и водкой. Но забывают, что однажды этого успокоительного может не хватить.

В мире еще много сюрпризов, не учтенных ведомствами статистики. Какой-нибудь талантливый жучок за один сезон может погубить посевы ржи и пшеницы. Какая-нибудь сочувствующая революции тля одним махом способна уничтожить плантации хмеля. И тогда я посмотрю на державных мужей, давно продавших госрезерв налево и поставленных роком перед выбором: что выпускать из остатков урожая? Батоны для старушек? Или водку для алкоголиков? В любом случае — народного гнева не избежать. Ибо пятью хлебами накормить бомжей удалось только Христу — и то многие из осчастливленных погибли в образовавшейся давке.

Умный человек сам себе устанавливает правила. Я всегда говорю: судите меня после смерти, по каким угодно законам. А при жизни — я сам себя судить буду. А заодно — и вас.

Журналистика как ремесло падальщика

Обычно киллер выдает на гога свежий политический труп, довольно вытирает пот с чела, с аппетитом обедает лучшими его частями, а всякую требуху бросает падальщикам, с нетерпением ждущим своей очереди. Те обгладывают до косточек все, что осталось, истекая слюнями бесчисленных комментариев.

Журналистов называют «сторожевыми псами демократии». Это не совсем верно. А в мусульманских странах даже оскорбительно. Собака там — грязное животное. Пророк Мухаммед очень не любил собак, зато обожал кошек. Поэтому, если вы вздумаете польстить турецким или иракским «акулам пера», обратившись к ним со словами: «Дорогие сторожевые псы демократии! Желаем вам успехов в караульной службе!», они оскорбятся. Даже та «акула» обидится, что недавно бросала ботинок в Джорджа Буша и максимально приблизилась к стандартам бульварной журналистики «свободного мира».

Кроме того, кто сказал, что сторожить можно только демократию? Классическую монархию или тоталитаризм тоже очень можно сторожить и при этом

быть выдающимся журналистом. Может, кого-то и передернет, но даже в гитлеровской Германии хватало наших пишущих и снимающих братьев, до уровня которых многим еще тянуться и тянуться! Я — не о докторе Геббельсе. Он, скорее, не журналист, а отец современного пиара (те, кто впаривают нам сейчас на выборах кролика Сеню или бабу Юлю пусть помнят, кто их духовный папа!). Я — о Лени Рифеншталь, чьи документальные фильмы «Триумф воли» и «Олимпия» до сих пор разбирают по кускам и суют в свои опусы почти все авторы передач о Третьем Рейхе.

Даже Миша Ромм — добропорядочный советский режиссер, автор фильмов о Ленине, бедную Лени обобрал до нитки, надергав из ее шедевров кадров для своего «Обыкновенного фашизма» — обыкновенной халтуры, если честно, где ошибка уже в названии. Не было, господа, в Германии фашизма. У них был национал-социализм, сокращенно — нацизм. А фашизм — это итальянское блюдо. Куда более диетическое и отличающееся от нацизма, как Муссолини от Гитлера и пицца от сосиски.

В сталинском СССР тоже был свой выдающийся журналист — Константин Симонов. Будет время, прочитайте его «100 суток войны» — о первых трех месяцах Великой Отечественной. Симонов ездил по фронту в самые хреновые дни и описал то, что никто больше не успел или не посмел. Причем, часто глазами не только очевидца, но и участника. Ему чудом удавалось вырываться из окружения в Белоруссии, он ходил на задания вместе с моряками-черноморцами на подводной лодке и ползал под минометным обстрелом на Арабатской стрелке. Даже лично застрелил паникера на шоссе где-то под Бобруйском. Никакому американскому Хемингуэю, сочинявшему свои репортажи о гражданской войне в Испании из гостиничного ресто-

рана в Мадриде, такое не снилось. При этом Симонов до конца жизни оставался сталинистом. Ему принадлежит фраза о культе личности, сказанная уже во времена Хрущева: «Был культ, но была и личность!».

Это я к тому, что можно быть человеком весьма непопулярных ныне, как говорится, «реакционных» взглядов и при этом талантом первой величины! Был в России до революции такой ультраконсервативный публицист Михаил Меньшиков из газеты «Новое время». До чего его вся передовая публика ненавидела! Но статьи Меньшикова глотали взахлеб все, невзирая на политические взгляды — от эсера с бомбой за пазухой до монархиста. Недавно толстый том меньшиковского наследия переиздали — вроде бы все должно устареть, как переписка Энгельса с Каутским. А читаешь — не оторвешься: «Бутылка водки поистине сделалась осью русской земли... Интеллигентные тупицы кричат, что все это от народной необразованности. Дайте мужику просвещение, и он перестанет пьянствовать. Как будто не пьянствуют у нас — притом, до потери образа человеческого — просвещенные люди, даже профессора!»

Поэтому я предлагаю совсем другую классификацию пишущей и снимающей братии: по системе питания. Как и весь животный мир, она распадается на вегетарианцев и плотоядных. Вегетарианцы всю жизнь работают в отделах рекламы, расхваливая шампуни и «звезд». Больше всего они боятся кого-нибудь обидеть. Читать творения журналистов-вегетарианцев омерзительно — все у них или из травы (потому что только обкуренный может верить в то, что плешивый сын министра — секс-символ, барышня с задом, по которому словно лопатой хлопнули, — красавица, а сельский жлоб — меценат), или из сахара и патоки. Конечно, можно съесть кусочек, как съедаешь на

десерт пирожное, но читать такое постоянно — это как жить в мире, где кроме глянцевого журналов и рекламных проспектов вообще никакого печатного слова нет.

Куда интереснее творчество плотоядных — злобных охищенных особей, в арсенале которых, в зависимости от таланта, широкий выбор орудий творчества — от обязательного компромата до черного юмора, весьма не лишнего настоящему мастеру пера. Почему я говорю «охищенных»? Потому что настоящих хищников, в отличие от политиков и криминала, среди журналистов нет. Они только подражают повадкам людоедов, пыжатаются от важности и корчат из себя особ, равных тем монстрам, о которых пишут.

Но как бы то ни было, вся пресса живет по принципу: кому война, кому — мать родна. Это для обывателя падение гривны — неприятность. А для экономического обозревателя — повод блеснуть мозгами в новой статье. Крушение поезда, катастрофа на электростанции, массовое отравление детей — постоянная пища для ньюс-румов во всех газетах. О ней молят Бога каждый день желторотые девочки и мальчики, только что выпущенные из института журналистики: «Господи, труп насущный дай нам днесь!».

В зависимости от специализации, плотоядные журналисты делятся на киллеров и падальщиков. Киллеры работают по заказу. Это добрые чувствительные правдолюбы, твердо знающие, что порядочных людей на свете, кроме них, нет и быть не может. Своих жертв они не любят. Заказчиков — тоже. Но жить без заказчиков не могут, так как заказать кого-нибудь самому себе — непозволительная роскошь.

Обычно киллер выдает на гора свежий политический труп, довольно вытирает пот с чела, с аппетитом обедает лучшими его частями, а всякую трубуху бро-

сает падальщикам, с нетерпением ждущим своей очереди. Те обглаживают до косточек все, что осталось, истекая слюнями бесчисленных комментариев.

Лучший киллер нашей эпохи — вообще не профессиональный журналист, а бывший сторож — Мыкола Мельниченко. Он самого Кучму завалил, оставив падальщикам рассуждать, кому это выгодно, для кого сделано и что бы это значило. Своей деятельностью киллер Мыкола блестяще доказал, что журналист вообще может не уметь писать. Зато обязан уметь подслушивать. Полное собрание сочинений Мельниченко — тот самый цифровой диктофон, который он якобы под диваном прятал.

Когда-то мы спорили с моим редактором по «Киевским Ведомостям» Евгением Якуновым, должен ли журналист обладать хорошим стилем. Я считал, что просто обязан. А Якунов доказывал, что нет. Главное — добыть информацию, и читатели сожрут ее с хрустом, даже если она плохо прожарена и на битом блюде подана («битое блюдо» — это мой образ. Якунов выражался проще: «Читатели прочтут сенсационную статью, даже если она плохо написана»).

Случай с Мельниченко показал, что сенсационную статью прочтут, даже если она вообще не написана. Причем, главной жертвой этой статьи стал «известный писатель Кучма» — автор книги «Украина — не Россия», который тоже ее вряд ли писал.

Возможно, кто-то обидится на слово «падальщик». И напрасно. Я не считаю его обидным. Ведь вокруг столько падали развелось, что если не убирать ее с лика Земли, то все просто сдохнет от вони. Настоящему журналисту не в падло быть хоть киллером, хоть падальщиком. Главное — не стать гробовщиком, работающим на «кладбище» — в газете, которую никто не читает, и на канале, который никто не смотрит.

Мат компроматом

Когда не хватает правды, в ход идет обыкновенная ложь, приправленная рассказнями о свободе слова.

Человеку честному имидж не нужен. Ему и так хорошо — он довольствуется сознанием своей правоты. В отличие от него, подлец вынужден заботиться о своей репутации. Ибо массы, барахтаясь в житейской грязи, хотят видеть во главе себя только образец нравственности.

В их убогом представлении президент не имеет права ходить по бабам, воровать народные деньги и продавать национальные интересы. Ему запрещается хватать за задницу жену соседнего президента во время государственного визита, материться на заседаниях правительства и швыряться столовыми приборами по причине несварения желудка. Тем не менее, он тоже человек и ничто человеческое ему не чуждо. Идя по трупам наверх, особенно хочется тепла и сочувствия.

Представьте хоть на мгновение, что вы оказались в его кресле и вам «для ознакомления» принесли документы на приватизацию скромного горно-обогательного комбинатика. Кому отдать предпочтение? Вот этой серьезной фирме, представившей пачку безупречных обоснований? Или той банде прощелыг, поднявшихся на торговле наркотиками, но не забывших засунуть между листочками чек на пять миллио-

нов у. е.? Причем, на ваше имя и с аккредитивами солиднейшего швейцарского банка, излучающего вокруг себя атмосферу финансовой добропорядочности...

А у вас было тяжелое детство... А премьер-министр — вор и скотина. А на кабмине — клейма негде ставить. А ваши дети растут... И так не хочется, чтобы и у них было тяжелое детство. И до выборов — всего ничего. А за ними — мрак неизвестности и пайка пенсионера. Да ну их к лешему — государственные интересы! Кто их видел, на самом деле? Вокруг одни хищнические инстинкты!

И вот вы уже вызываете на ковер председателя Госкомприватизации (или как там его?) и даете ценные указания, кому нужно посодействовать в деле разумного перераспределения общественной собственности.

По-человечески вас очень даже можно понять. Но как не понять и того «честного» генерала вашей же спецслужбы, который сиганет на Запад, прихватив на память пару-тройку секретных бумаг, доказывающих, что вы отнюдь не тот ангел, за какого себя выдавали. А другой — чуть-чуть потемнее перьями. Ведь это вы, увлекшись «приватизацией», платили ему жалованье, равное сержантскому в приличной натовской армии! Так стоит ли теперь ныть, что вокруг одни предатели?

Молчание всегда дорого стоит. В X веке на Святой Руси еще не было горно-обогатительных комбинатов и приватизационных аукционов. Но дружинники князя Владимира уже возмущались, что князь лопает серебряной ложкой, а они — деревянными. Прислушавшись к критике, добрый князюшка приказал наделить всех приборами из чистого серебра. После чего изрек историческую фразу: «Серебром и золотом не добуду я другой такой дружины, а дружиной добуду и золото и серебро». Да, видать, позабыл кого-то наградить впопыхах! В результате мы знаем, что смолоду креститель славян был большой оригинал — и брата Ярополка заказал варягам, и Рогнеду растлил прямо на глазах у родителей, и даже человеческие жертвы

приносил Перуну. Как пить дать, донес на него какой-нибудь обойденный дружинник, которому не хватило столового серебра!

Компромат можно нарыть на каждого. Наивно думать, что вы лучше других только потому, что еще не выползли на свет истины. Добейтесь чего-нибудь. Получите мало-мальски значимый государственный пост. Заработайте первый миллион. Станьте звездой. На худой конец, завоюйте любовь красивой девушки. Вы тут же услышите со всех сторон, какая вы сволочь!

Какие-то полузабытые одноклассники припомнят, как в тысяча девятьсот бог знает каком году вы вместе воровали яблоки в колхозном саду. Брошенная любовница расскажет в прессе, что у вас маленький penis, но зато гигантская склонность к домашней тирании. А изгнанный за пьянку личный шофер поведаст, что вы — тупица, так как сами никогда не садились за руль.

В свое время бешеным успехом пользовались мемуары горничной принцессы Дианы, состоявшие из описания смятых простыней, скандалов с мужем и разносов обнаглевшей прислуге. Центральным местом в этом шедевре был «натюрморт» кровати принцессы с гигантским пятном спермы, оставленным ее любовником — гвардейским офицером. Может быть, именно эта картина окончательно побудила принца Чарльза подать на развод. Но я не ручаюсь, что пятно существовало в действительности. Возможно, оно — всего лишь плод фантазии литературно одаренной горничной, искавшей славы и гонораров.

Правда состоит в том, что люди гораздо охотнее верят в мерзость, чем в доброту. Они с удовольствием будут слушать, как во время службы в армии кто-то насилует ни в чем не повинных туземных девочек, но только скептически хмыкнут, если вы расскажете, как делились с этими девочками хлебом, проклиная судьбу за то, что она загнала и вас, и их в эту дыру. И попробуйте доказать, что во время войны вообще мало хочется кого насиловать — на спине килограмм сорок

казенного барахла и короста соли от пота, а в голове только две мысли — уцелеть и выпасться!

Когда не хватает правды, в ход идет обыкновенная ложь, приправленная рассказами о свободе слова. Перед очередными выборами большим успехом пользовалась статья в одном из киевских бульварных листов. Она называлась примерно так: «Нет, мы не писали, что политик N — гомосексуалист». Суд совершенно справедливо оштрафовал редактора «горчичника» на восемьдесят тысяч зеленых за распространение порочащих слухов, хотя в частном разговоре судья, выносивший решение, признался, что с большим удовольствием набил бы мерзавцу морду.

Когда Хрущев начинал кампанию по дискредитации покойного Сталина, он даже не догадывался, что сам роет себе могилу. Когда Горбачев, с куда большим размахом, повторяя его судьбу, обрушился на пороки взрастившей его коммунистической системы, правдолюбцу и в голову прийти не могло, что вскоре его полная несостоятельность как политического вождя станет ясна в СССР последнему идиоту.

В отличие от них господин Путин предпочитал помалкивать о грехах предшественников — хотя, наверное, много бы мог о них рассказать. По-видимому, ему было куда больше по душе высказывание того же Сталина, деспотизм которого спас мировую демократию от нацистского зла: «На мою могилу нанесут гору мусора, но ветер истории развеет ее!»

В школе злословия давно следует ввести обязательный спецкурс под названием «Расплата». Глава в учебнике о ней должна начинаться так: «Компроматометание — занятие для лиц с крепкими нервами и кристально чистой репутацией. В противном случае, из палача вы рискуете превратиться в жертву со всеми вытекающими последствиями — презрением окружающих, головной болью и последующим захоронением без воинских почестей под горой обрушившегося на вас со всех сторон компромата».

Безукоризненное несовершенство

Плохо не то, что существует человек толпы. Плохо то, что он перестал стесняться.

Плыть против течения почетно, но тяжело. Сначала тащишься от своей крутизны, потом ноешь от одиночества и, наконец, спрашиваешь: зачем мне это надо? Не лучше ли быть таким, как все — приятным в общении и незамысловатым?

На заре жизни почти всех нас донимает тяга к прекрасному. Мы соперничаем за любовь ближних, мечтаем о самой красивой девушке в мире, миллиарде долларов на счету и Оскаре за лучшую роль. Но однажды замечаем, что все это не важно — мир принадлежит уродам. Только они получают подлинное удовольствие от существования в то время, как мы отравлены нелепой эстетикой совершенства.

Герои колониальных войн возвращаются домой, чтобы услышать от чиновника в военкомате: «Я вас туда не посылал!» Олимпийских чемпионов забывают на следующий день после ухода из большого спорта. Конкурсы красоты обновляют состав участниц ежегодно. А уши Микки-Мауса никто даже не собирается

отнести в клинику пластической хирургии — их образцовое уродство приносит прибыль и так.

Цель никогда не оправдывает средства. Мой приятель угробил десять лет на возведение дома своей мечты. Растоптав экологические нормы и законы Украины, он урвал кусок заповедника на берегу Днепра, изгнав оттуда бобров, зайцев и местных жителей, и воздвиг замок, в сравнении с которым французские «шато» в долине Луары кажутся вигвамами индейцев.

Но настоящий хозяин в этом феодальном раю — не мой друг, а его садовник! Именно он живет тут круглый год, наслаждаясь чистым воздухом и живописным видом из окна в то время, как номинальный владелец собственноручно убивает себя на работе, борясь за звание ударника капиталистического труда. Бросить «каторгу» бедняге не дано — она принадлежит ему целиком до последней акции и приносит хорошие дивиденды. Одна беда — не ясно, кто кем руководит. Фирма — директором? Или директор — фирмой?

Рафаэли и Фидии — только досадные отклонения на магистральной линии развития человечества. Нормальный обыватель ничего не слышал о гармонии и принципе «золотого сечения». Бывший мэр Омельченко перенес архитектурные кошмары своего родного села в Киев без комплексов и сомнений. Его не волновало, что колонна на Майдане Незалежности «слизана» с точно такой же в Будапеште, а идея переустройства самой площади напоминает торт, выпеченный на кондитерской фабрике им. Карла Маркса. То, что до него тут творили еще какие-то «архитекторы», тоже не беспокоило градостроителя-самородка. Он самовыражался из любви к лопате и зарытым бюджетным деньгам. Если бы судьба сделала его мэром Рима, от Колизея тоже остался бы только подземный торговый центр!

Необъяснимый, на первый взгляд, успех Малевичей и Пикассо в XX веке покоится на железобетонном фундаменте. Искусствоведы будут молиться не только на черный квадрат, но даже на дырку в холсте — лишь бы иметь право издеваться над принципами красоты, а не работать в поле под плетью надсмотрщика. Втайне они знают: обывателю нет никакого дела до подлинного искусства. Если граждане, не испытывая никаких неудобств, всю жизнь проводят в уродливых квартирах, женятся на Пронях Прокоповнах и одеваются «у Воронина», значит Малевича они тоже схавают. В квадратные головы удобнее всего вкладывать принципы кубизма. То и другое идеально создано друг для друга.

Все примитивное всегда побеждает. Оно берет числом, а не умением. Русские завалили мир матрешками, украинцы — писанками, американцы — пробочками от Кока-колы. Глядя на предметы народных промыслов, хочется уничтожить народ.

Мы редко задумываемся, что все прекрасное в нашей стране было создано в короткий промежуток между 1700 и 1917 годами. Насмотревшись в заграничном путешествии европейских чудес, Петр I захотел привить своим подданным хороший вкус. Из Италии и Франции завезли учебники и специалистов по высокому стилю. Естественно, не лучших, а тех, которые согласились поехать. Петербург и Москву по мере сил наполнили копиями из Парижа и Венеции. На губернские центры пошло то, что осталось. Поэтому, если Царское Село передирали с Версаля, то Киеву досталась только тень тени — одноэтажный Мариинский дворец, представляющий собой карликовый вариант Зимнего.

Два музея, которыми так гордится наша нынешняя независимая столица — Западного и Русского искус-

ства, — всего лишь частные коллекции миллионера Терещенко и его зятя адвоката Ханенко, отобранные у хозяев советской властью. Больше ценителей изящного в Украине XIX века не нашлось — сахарозаводчик Лазарь Бродский вложил деньги не в картины, а в более доступный его практическому уму Бессарабский базар. Подлинных шедевров в Киеве так мало, что даже в музейные вору идут одни дилетанты — красть в общем-то нечего. А если и украдешь, то некому продать! В стране, где даже президент коллекционирует колеса от крестьянских телег и расписные деревянные корыта, а высшим достижением национального духа считается печной трипольский горшок, эстетизм нужно классифицировать как психическое отклонение. Странно, что тут еще не закрыли Оперный театр, перепрофилировав его в зал игровых автоматов — зачем народу бельканто, если каждый может купить караоке?

Накануне Октябрьской революции отшлифовавший художественную выучку в Петербурге потомок запорожских казаков Дмитрий Мережковский ужаснулся, почуяв интуицией приход «грядущего хама». Своей пророческой брошюрой он думал отвратить беду. Но хам все равно явился! И не сам, а с хамкой! Наплодив бесчисленного хамья, это чудовище определило стиль нашей эпохи.

Плохо не то, что существует человек толпы. Плохо то, что он перестал стесняться. Раньше, проходя мимо королевской резиденции, простонародье чувствовало, что за зеркальными окнами скрывается какая-то другая высшая жизнь. Мраморные статуи богинь с телами, которых никогда не бывает у кухарок, мундиры гвардейцев и мелодии Моцарта, доносившиеся из дворцовой капеллы, убеждали, что тот, кто это заказал, не может быть таким, как все. Власть имела тайну,

а искусство обязано было ее поддерживать. Но теперь музы служат не монарху, а конюху.

Вокруг этого полупьяного субъекта вертится теперь вся художественная жизнь. Толпы продюсеров и кураторов бегают наперегонки с вопросом: «Чего тебе еще хочется, мужичина?» Чудовище уже наелось чизбургеров, налилось пивом, вылюбило свою такую же объевшуюся и обпившуюся даму сердца с пупком, вывернувшимся вместе с животом за ширинку джинсов, и теперь блаженно порыгивает, само не зная, какого рожна еще пожелать. Самое разумное было бы натравить на него взвод конных драгун, чтобы оно убралось с загаженной площади. Но продюсеры не унимаются: а может все-таки развлечь его искусством? Мыльной оперкой? Сериальцем? Какой-нибудь музычкой? Может, оно облагородится?

Да оставьте его в покое, господа! Никакого искусства оно не хочет! Оно давно уже просит кнута. И тот, кто первым ему этого даст, снова двинет вперед и живопись, и оперу, и роман.

Матерная сила

Как показывает опыт, из языков завоевателей туземцы, прежде всего, усваивают ругательства.

Напрасно сдерживать себя правилами приличия. Там, где пробуксовывает вежливость и замирает высокий штиль, действует матерная сила. В некоторых ситуациях она незаменима. Бессмысленно успокаивать толпу хамов у пивного ларька рассказными о высоком предназначении человека. Но фраза: «Какое у вас тут все-таки, блядь, бескультурье!» немедленно вызовет у них чувство глубокого раскаяния. Некоторых даже удастся вернуть на путь истины.

Происхождение матерной ругани покрыто мраком времен. Странно, что поколениями обосновывая свой приоритет в изобретении лампочки и радиосвязи, открытие мата славяне упорно приписывают татарам. Такое равнодушие к своим истокам не радует! Чтобы гореть, лампочке необходимы провода. Радио умолкает, как только из него вынули батарейки. В отличие от них, мат бьет не в бровь, а в глаз везде, где есть самый обычный, даже ни дня не ходивший в школу человек. Мату не нужны электростанции, запчасти и техобслуживание. В его применении есть что-то от первобытной магии — того «слова», которым, как в стихах Гумилева, останавливали солнце и разрушали города.

Связанная с важнейшей для существования человека половой сферой, матерщина представляет собой исконный, уходящий корнями в глубь тысячелетий пласт языка. Выражение, стыдливо заменяемое эвфемизмом «ерш твою медь», несомненно, на порядок древнее, чем слово «хлеб», появившееся только после того, как человек перешел от собирательства к земледелию. Согласитесь, и «ерш», и «медь», и то, что они заменяют, существовали даже у обезьян, а «плюшка» — изобретение куда более поздней эпохи. Подозреваю, что мат — это чудом сохранившиеся в народе остатки священного языка древних славянских жрецов, исторгнутого из официального обихода введением христианства. «Еб же ж твою душу, мать-перемать, о великий, Перуне!» — взывал верховный служитель культа, после чего вымогал у Бога, чего было надобно. Мозг, в отличие от компьютера, нельзя перегружать мусором. Он задерживает только важнейшее. Отсутствие у славян письменности требовало сильных выражений, намертво врезающихся в память.

Отсюда, от прежней языческой святости матерщины, та упорная борьба, которую вела со сквернословием «культура в законе». Дажьбога, Волоса и Триглава христианство объявило демонами. Все относящееся к их почитанию — бесовским порождением.

Отчасти церковь была права. Древнее язычество — совсем не та культурологическая игра, в которую забавляются сегодня некоторые чудаки. В Купальскую ночь не только водили хороводы и прыгали через костер, но и топили вполне настоящую девку — в дар водяному. А Перуну, кроме петухов, резали выбранных по жребию балбесов призывного возраста. Причем, никакой комитет солдатских матерей даже пикнуть не смел! До того, как стать сказкой с русалками и лешими, язычество было такой реальностью, от которой мороз по коже!

И все же не обошлось без перегибов. Вместе с водой чуть не выплеснули ребенка. Народ сопротивлялся этому, как мог. Стоило его хоть чуть-чуть подучить

грамоте, как он тут же начал материться в письменном виде. Неприличные выражения то и дело попадают в Киеве на стенах древнерусских соборов. Самые безобидные из них, случается, проникают в научные издания. Но по-настоящему вкусные пересказываются археологами только в своем кругу — под пиво, рыбку и разговор по душам.

Почти незамеченной прошла находка в культурном слое летописного Вышгорода XI–XII веков детали от прялки с надписью, гласящей, что принадлежала она некой Бляди. Словно стесняясь собственной смелости, автор статьи в журнале «Археология» прокомментировал, что слово это употреблено в «полностью положительном смысле», «воплощая судьбу в ее женских причинах, приближенных к природным силам интимнейшей сутью человеческого бытия».

Да черта с два видел в этом кто-то уже тогда положительный смысл! Нечего нас дурить! Еще церковный устав Ярослава Мудрого однозначно гласил: «Аще кто назовет чужую жену блядью, а будет боярская жена великих бояр, за срам ей 5 гривень злата, а митрополиту 5 гривень, а князь — казнить». Облаять блядью жену «меньших бояр» стоило только 3 гривни, причем, без риска для жизни, а еще три — митрополиту. Зато всего за 60 резан — весьма мелких, по сравнению с гривней, монет — можно было обложить тем же термином сельскую бабу, что являлось недорогим развлечением, доступным даже человеку со средним достатком. Облегчил душу, и всем хорошо — и тебе, и бабе, и княжьей администрации.

Как показывает опыт, из языков завоевателей туземцы, прежде всего, усваивают ругательства. Вызрев в горниле Древней Руси, напитавшись живительными соками народной мудрости, матерное слово победно двинулось во всемирный освободительный поход. В Советской Армии мне приходилось общаться с представителями народностей, о существовании которых большинство даже не подозревает. Даргинцы и турки-

месхетинцы, гагаузы и зыряне, почти бессловесные горные таджики, которых ни за что на свете нельзя путать с равнинными таджиками-кулябцами, не говоря уже о куда более популярных в широких научных кругах молдаванах и кабардинцах, тут же приходили во вполне вменяемое состояние, заслышав перлы из сокровищницы русской речи. Практика показывает, что десяток этих отборных лексем вполне заменяют присягу и все уставы, вместе взятые, включая боевой.

Один умный узбек-сержант по фамилии Таджикиев, сын муллы, питавший глубокое уважение к тому, что до армии я успел проучиться целых два курса в университете, на полном серьезе убеждал меня, что матерщину придумал сам Аллах, чтобы народы жили в мире и лучше понимали друг друга.

Мат чрезвычайно многообразен. Он преисполнен совершенно взаимоисключающими смыслами. Все зависит от интонации. Одно и то же слово может означать и высшую степень презрения, и романтичнейшее признание в любви. Отрицательная энергия, заключенная в нем, тут же трансформируется в положительную, и наоборот. Девушка, умеющая ругаться в постели, как дореволюционный извозчик, — подарок небес. У нее, наверняка, не бывает проблем с оргазмом. Скрытая матерная сила, заключенная в ней, способна превратить ужин в постели на двоих в незабываемый праздник. Особенно, если это профессорская дочь, протестующая таким образом против ханжеского воспитания родителей.

Но, как говорил Зошенко, «во всяком безобразии следует соблюдать приличия». Мат плох не сам по себе, а там, где неуместен. В парламенте и суде он так же смешон, как пьяный боксер, принявшийся размахивать кулаками на благотворительной вечеринке. Но на поле боя, в борделе и в уличной драке мат незаменим. Разговаривать с бесами можно только на понятном им языке. Иначе они так и не поймут, что пора покинуть приличное общество.

Насилие высокой культурой

Вся высокая мировая культура замешана на крови низших каст.

Старый маразматик профессор Преображенский проповедовал: «Никого драть нельзя! На человека и на животное можно воздействовать только внушением!» А что бы он сказал, если бы встретился не с безопасным Шариком, а с бешеным бультерьером?

Цивилизация любит противопоставлять себя варварству. Толпы миссионеров облагораживают Африку в уверенности, что туземцы обязаны без промаха мочиться в унитаз и помнить десять христовых заповедей. Болтуны-политологи громоздят пирамиды доказательств, обосновывая преимущества демократии. Благородные речи о необходимости мирного совершенствования всего и вся несутся в режиме «нон-стоп» с телеэкранов и парламентских трибун. Все убеждены в благотворности культуры, так, словно она — залог гуманности и духовной гигиены.

Но подлинная культура — достаточно жестокая вещь. Она всего лишь форма, в которую варвары вливают свою горячую живую кровь. Киевский гимназист Миша Булгаков навеки остался бы никому не ведомым интеллигентным наркоманом, не случись в его стране одна из самых чудовищных революций. Революция выгнала его на мороз из уютной квартиры на Андре-

евском спуске, столкнула лицом к лицу с петлюровскими рожами и дала тему для творчества. В результате рассказы о встречах с морфием заняли в булгаковском наследии подобающее им скромное место! Зато у нас появилась возможность щелкнуть каблуками и отдать честь автору «Белой гвардии». А если бы петлюровцы, не дай Бог, не пришли?

Культура — отнюдь не то, что она о себе мнит. Современная цивилизация напоминает любительницу мясного, не способную лично зарезать курицу. Мир для нее — гигантский ресторан. Но на кухню, где орудует ножом здоровенный негр, она предпочитает не заглядывать. Хотя шинкует-то негряка для нее! Ведь, если бы для себя потел, давно бы уж прикончил не курицу, а хозяйку! «Скажите, Бен, — спросил я как-то у одного знакомого американца, — вам никогда не снилось, что индейцы скупили Голливуд и снимают фильм об очень плохих ковбоях, которых вешают с соблюдением всех формальностей римского права?» «Отличная шутка!» — ответил Бен.

Однако у этой шутки есть все шансы стать реальностью. Просто индейцы будут не из резервации, а из соседней Мексики. Такие милые симпатичные «пеоны» в круглых сомбреро величиной с колесо от телеги.

От природы простой человек — достаточно скучное существо. Его потребности редко выходят за пределы физиологических. Фантазия приближается к нулю. Учебники трактуют его как «гомо сапиенс». Гуманисты называют «царем природы», несмотря на то, что оставленный без присмотра «царь» тут же начинает подыхать от тоски.

Одиночество для него непереносимо. Свободная минута вызывает животный ужас и тягу к самоуничтожению. Убивая время, он убивает себя, и если не орет на футбольном матче, то хлещет пиво или экспе-

риментирует с новыми разновидностями наркотиков. При отсутствии же средств просто колотит соседа табуреткой по голове или таскает жену за волосы.

Этот симпатяга — идеальный объект для воздействия культурных сил. Поп или раввин необходимы ему, чтобы в порыве раскаяния он не наложил на себя руки. Трероризирующая двойками учительница литературы — дабы привить кое-какое уважение к государственным институтам (в конце концов, она тоже чиновник, хоть и низшей категории). Пара-тройка ба-сен об Эйнштейне и Бетховене, величия которых скот все равно не поймет, тем не менее, запугают его идеей чего-то темного и ужасного, что значительно превосходит по разрушительной мощи его жалкий интеллектуальный потенциал. Если же всего этого недостаточно, в дело вступит полицейский со свистком и палкой. На рутинной деятельности последнего и держится вся пирамида культуры.

До тех пор, пока мент на посту, любой профессор может рассуждать не только о правах человека, но даже питекантропа. Но стоит стражу порядка отойти в сторонку, как по университетским коридорам начинают толпами бродить недоучившиеся питекантропы, круша все на своем пути. Очередная революция ввергает мир в пучину варварства.

С научной точки зрения, разница между культурой и бескультурьем только в степени специализации. Дикарь все делает сам. Лично охотится за водяной крысой. Лично свежует тушку. Никому не доверяя, печет ее на углях. А набив живот, развлекает себя игрой на там-тэме. Какая энциклопедическая разносторонность! То ли дело у нас, где даже обычную барабанную дробь выбивает обученный в консерватории специалист за строго оговоренную плату!

Конечно, человек цивилизованный не станет отрезать пленным половые органы или пить кровь врага.

Но только по причине брезгливости! Мало ли какие бактерии плавают в этой крови?

Зато с чувством глубокого удовлетворения он стравит парочку дикарских племен, живущих на приглянувшемся ему руднике, и будет любоваться, как те кромсают друг друга на куски каменными ножами. После чего введет миротворческий контингент, на вербованный из подонков цивилизованного общества — тех самых, «по ком тюрьма плачет».

Наведя порядок, brave парни познакомят местных жительниц с технологией применения презерватива и усядутся слушать вагнеровский «Полет валькирий», воображая себя героями фильма Фрэнка Коппола «Апокалипсис сегодня». Помните: вертолеты, хижины, чудные пляжи и немного вьетнамцев, которых нужно разогнать пулеметным огнем, чтобы покататься на серфе.

Вся высокая мировая культура замешана на крови низших каст. В поэзии Пушкина мне чудится визг его африканского предка, отбивающегося чумазыми пятками от лап работорговцев. В порхающей музыке Моцарта — груз деспотизма Австрийской империи. В репинских «Бурлаках на Волге» — страдания молодого приказчика, сумевшего запрячь толпу алкоголиков в речную баржу.

Выбор между культурой и дикостью — вопрос не морали, а вкуса. Кому-то нет большей сладости, чем развалиться в грязи у трактира и орать песни о тяжелой народной доле. А кто-то, разогнав нагайкой толпу студентов, начитавшихся Фрейда и Маркса, предпочитает скоротать вечерок над томиком Петrarки. Лично я на стороне последнего. Чем утонченнее культура, тем строже должен быть пропускной режим — чтобы ее окровавленные страницы не залапали невымытыми пальцами новые варвары.

Цивилизация колеса против цивилизации забора

Разве нужно было тогда отгораживаться от соседа забором до неба? И у него, и у тебя (и у всех!) такая же хата с белеными стенами, такой же воз, такой же горшок и такая же Галя с карими глазами. Или Одарка. И такая же общая судьба — ДОЛЯ, где ты вписан в сотню, в полк, в Войско Запорожское. Выше — только Бог.

Государства, как люди. Делятся на открытые и закрытые. Одни — едут. Другие — огораживаются.

Имя создателя первого забора так же неизвестно истории, как и то, кто изобрел колесо...

Ясно только, что по характеру это были совершенно противоположные люди. Изобретатель колеса хотел куда-то ехать. Первооткрыватель идеи забора не только никуда ехать не собирался, но и не желал, чтобы к нему заезжали. Человек, придумавший колесо, по-видимому, искал впечатлений и счастья. А тот, кто нуждался в заборе, счастье явно уже нашел и не желал им с кем-либо делиться. Мое счастье. Самому надо. Огорожу-ка я его забором повыше, чтобы другим не досталось. Дальше оставалось только выбрать

строительный материал: камень, дерево, колючую проволоку с пропущенным по ней током. Как говорится, дело техники.

Все когда-либо существовавшие человеческие общества условно можно разделить на цивилизации колеса и цивилизации забора.

Яркий пример чистой цивилизации забора — государства доколумбовой Америки. Они вообще обходились без колеса. Все тяжести у ацтеков и инков — от строительных материалов до драгоценных персон местных владык в паланкинах — переносили на своих спинах рабы. Порядок поддерживался жесточайшей иерархией, круто замешанной на садизме. Восход Солнца «обеспечивали» с помощью заблаговременно вынимания с вечера сердца жертвы на вершине священной пирамиды. Дисциплину оживляли обильными кровопусканиями. По-видимому, в древней Мексике вопрос стоял так: зачем пытаться изобрести колесо, чтобы облегчить жизнь себе и другим? А не собирается ли господин изобретатель просто удрать из нашего лучшего из миров? Даже если кто-то случайно и придумал в таких условиях колесо, то ему сразу же наверняка перерезали глотку, чтобы не подавал дурной пример другим. Ничего удивительного, что эту древнюю Америку открыла Европа, а не наоборот. Европейцы хотели ехать. Ацтеки и инки — стоять.

Зато современная Америка — типичный пример цивилизации колеса. Недаром даже один из лучших ее романов называется «Колеса» — об автомобильной промышленности Детройта, когда там еще была эта промышленность. Автомобиль в США — БОГ. Наемные работники то и дело переезжают с места на место. Морские пехотинцы вообще «путешествуют» по всему миру. Домики построены преимущественно из легких материалов — снаружи все красиво, но ткни кула-

ком — развалится. Все это — от неукорененности, неутоленной жажды странствий. Поэтому и заборы в Соединенных Штатах низенькие. Символические. А вдруг скоро опять в дорогу?

Ничего плохого в таком порядке вещей нет. Я много критиковал Америку. Но не за это. Кукольные ограды вокруг чистеньких американских домиков с газончиками, которые можно подстричь за пять минут, лично мне всегда нравились. Если и перенимать у американцев какие-то традиции, так эти.

Таким насквозь просматриваемым заборчиком, который можно просто переступить, типичный американец словно подсказывает другому типичному американцу: мне нечего от тебя скрывать, я — такой же, как ты. Не бойся — я не буду устраивать оргии по вечерам и мастерить за высокой оградой взрывное устройство.

Правда, от всего остального мира Соединенные Штаты отгородились берегами океанов и непроницаемыми крепостными стенами виз. Колесить к нам — они не против. Ответить такой же взаимностью — не дождетесь! Даже на границе с Мексикой соорудили стену, чтобы мексиканцы не перебежали в Штаты за американской мечтой. Стена, правда, плохо помогает. Мексиканцы лезут и лезут, мечтая снова вернуть себе Калифорнию и Техас. И, боюсь, никакой забор их не остановит. В том же Техасе, по данным статистики, латиносов снова большинство. Пухлая пятая точка многомиллионной Дженифер Лопес скоро накроет США от западного побережья до восточного.

А вот Китай, конечно же, цивилизация забора. Символ ее не только Великая Китайская стена, но даже... письменность. Вглядитесь в иероглифы. Что это такое, если не маленькие запутанные заборчики, с помощью которых закрытый китайский мир хочет скрыть великую тайну о себе. Чуть-чуть передвинуть

забор для китайца — смысл всей его жизни. Пограничные споры с Россией за какой-нибудь островок на Амуре тянулись десятилетиями. Граница с Индией — тоже вечная проблема. Тибет удалось затащить за китайский забор. Но Запад это не признает, и беспрестанно колет Китай в ахиллесову тибетскую пятку дипломатическими нотами. Вдумайтесь: только в Китае есть территория со странным названием Внутренняя Монголия! То есть одна Монголия — просто так, сама по себе. А другая — НАША, КИТАЙСКАЯ, ВНУТРЕННЯЯ! Мы ее пограничным забором обнесли и радуемся. А заодно боимся — вдруг кто-то ее у нас обратно отберет и к обычной Монголии присоединит.

В этом и есть главная китайская загадка. Распухая заборами-границами без меры, Китай то и дело рвался на куски, как воздушный шарик. И тогда начиналась очередная Война семи царств, а сквозь дыры в Великой Китайской стене, а то и просто в обход, лезли монголы Чингиз-хана, маньчжуры Маньчжурской династии или сибирские стрелки русского царя, а с моря — англичане, немцы, японцы... И даже (что уже никто не помнит!) австро-венгры, тоже наводившие вместе с другими «великими нациями» чуть больше века назад порядок в китайских селах и весях. Во время так называемого Боксерского восстания.

Когда заборов не было, Старая Украина была страной колес. Запорожцы возили ее с места на место, словно арбу с сеном. Вообще непонятно, где тогдашние ее границы. Как американские ковбои двигались с восточного побережья на Дикий Запад, скрипя колесами крытых брезентом повозок, так казачий стан медленно углублялся в степи Дикого Поля, заселенного племенами кочевников.

Именно от того времени остались плетеные из лозы оградки вокруг украинских хат, знакомые большинству

в основном по историческим фильмам. Еще в пору моего детства они попадались по селам — вокруг старых хат с просевшими стенами, за которыми доживали свой век старухи, помнившие еще дореволюционные времена. А потом старухи умерли. А тыны исчезли, сменившись другими типами «охранных систем».

Тын — не забор. Тын — это символическая ограда украинского дворища эпохи колеса. Такой же символический, как нынешний двухфутовый заборчик вокруг американского дома. В тыне всегда был перелаз к соседу. Чтобы в любой момент попросить огня. Или соли. Или ласки соседской дочки. Или просто, не выходя на улицу, зайти на чарку, как казак к казаку.

Разве нужно было тогда отгораживаться от соседа забором до неба? И у него, и у тебя (и у всех!) такая же хата с белеными стенами, такой же воз, такой же горшок и такая же Галя с карими глазами. Или Одарка. И такая же общая судьба — ДОЛЯ, где ты вписан в сотню, в полк, в Войско Запорожское. Выше — только Бог. А гетманом ты и сам станешь, если не испугаешься держать в руках булаву. Хотя... Какое это наказание держать булаву в Украине! Только возьмет кто-то, как тут же тысячи бросаются к нему, чтобы выхватить и сделать своей, хоть на час, хоть на мгновение!

Но теперь тот тын можно увидеть разве что в Музее народного быта в Пирогово. Вместо пирогов — чизбургеры. Вместо тына — заборы. Такой высоты, будто именно по ним их хозяева собираются залезть в рай. В гости к Господу Богу. Лишь бы не ходить к соседу.

Взгляните окрест. Вся Украина ныне, к сожалению, страна глухих заборов. Если деревянных, то только не на просвет. А чаще кирпичных, бетонных, каменных. В последнее время даже из железного рифленого листа с краями острыми, как лезвие бритвы. Так, видите ли,

дешевле всего. В три, в четыре, в пять (!) метров высотой. С толченым стеклом по кирпичному верхнему краю. С навершиями из железных копий.

За заборами ПРЯЧУТСЯ И ПРЯЧУТ. Все, что нажили. Или все, что натащили из прежней общенародной собственности. А также друг у друга. Сколько их уже было, этих реприватизаций. Одна справедливее другой! Кто не смог спереть завод, хоть кирпича из разобранного колхозного свинарника наволок. И тем счастлив. Как в песне Высоцкого: «Каждый взял себе удел, кур завел и в ем сидел, охраняя свой удел не у дел»...

Я ничего не выдумываю. Мне много пришлось поехать по сельской Украине, снимая цикл фильмов «Следами пращуров». И везде попадались разрушенные колхозные подворья, стены которых ушли на «индивидуальное» строительство. Коллективная собственность умирала в 1990-е. Частная расцветала, не зная удержу. Стандартные бетонные заборы, которыми в советские времена окружали так называемые «объекты» (секретные и не очень), везде сменялись частными «тынами». Но уже не из старосветской лозы, а из кирпича как минимум в три метра.

Что значит этот обломок глухой китайской стены, что вы возводите на меже к соседу? Знать тебя не знаю. Видеть не хочу. Чтобы ты сдох. Провалился. Мой забор мне во сто крат милее твоего лица.

И такой же ЗАБОРИЩЕ на улицу. Не заходите. Не спрашивайте. Я есть. Эта стена до неба тому подтверждение. Но для вас меня нет. И не будет. Никогда. И даже воды не дам. Слизывайте росу с моего забора.

Тогда же стали расцветать «замки» — пародии на средневековые рыцарские, но непременно с башнями, словно их хозяева постоянно высматривают, не подходит ли враг? Типичные проекты этих «феодалных

гнезд» имелись во всех архитектурных каталогах. А воплощениями в кирпиче и камне можно полюбоваться даже в самом Киеве — в районах с частной застройкой. То ли детские мечты о рыцаре Айвенго двигали их заказчиками, то ли стремление вырваться «из грязи в князи» и обрести душевный покой за толстыми стенами под башней, вызывающей, несмотря ни на что, ассоциации с... водокачкой.

Глядя на эти сооружения новых «помещиков», я почему-то вспоминал графа Льва Толстого. Его имение Ясная Поляна было окружено только едва заметным ровиком, через который могла переступить даже курица. Крестьяне шлялись туда-сюда. Граф тоже не ограничивал себя в передвижении по окрестностям и никого не боялся — между прочим, ездил в поезде в вагоне третьего класса, который сегодня называется «общим». Полное отсутствие стен не только спасло это «дворянское гнездо» в эпоху двух революций, но и не помешало мыслям «яснополянского чудака» проникнуть во все уголки земного шара. Пусть спорят, насколько адекватно действительности его учение о непротивлении злу насилем. Но стенами от него не отгородишься. Нет-нет, а подумаешь: может, Лев Николаевич был все-таки прав?

Впрочем, популярности толстовства среди наших современников что-то не замечается. Одни строят заборы. Другие их жгут и ломают. Счастья нет ни у тех, ни у других. Потому что никто не хочет поднять голову ввысь и увидеть небо, где нет никаких заборов. И даже возможности их построить. Впрочем, я не совсем прав. Современные государства поделили даже небеса, оставив только «воздушные коридоры». Куда бедному крестьянину податься, а заодно и бедному графу?

Забор — не метод. Обычно за вами приходят, когда достроен ваш последний забор. Самый главный. Самый надежный. С охраной. И умными глазами камер слежения. Когда, наконец, вы чувствуете себя за ним в безопасности. Ибо забор — это ваш страх. А страх всегда притягивает беду. Чем сильнее страх, тем выше забор. И тем отчетливее видно, что именно за ЭТИМ забором есть, чем поживиться. Сюда стоит зайти без приглашения.

Пока Римская империя была державой колеса, расширяясь во все стороны света, она строила ДОРОГИ. Когда же она стала страной ЗАБОРА, то отгородилась от варваров ЛИМЕСОМ — чем-то вроде Великой Римской стены, представлявшей собой ров и вал с частотоколом. От Ламанша до самого Черного моря! Представляете? Никому ныне такую стену не построить. Круче Берлинской была! А ведь и от нее уцелели одни развалины. Да и то не везде.

Бросьте строить свой забор выше неба. Не смешите Бога. Это бесполезное занятие. Пустая трата времени. Заборы просто мешают видеть вещи в их истинном свете. Колесо надежнее. Особенно колесо Истории. Оно едет. Оно стремится. У него есть будущее. А у огранки — только прошлое. Только память о подвигах вчерашнего дня. Цивилизация колеса всегда победит цивилизацию забора.

Из цикла «Женщина глазами мужчины»

Мой дорогой Читатель! Прежде чем познакомиться со следующим разделом «Моей философии», советую Вам вооружиться чувством юмора, здоровым цинизмом и постараться перенестись во времена своей молодости...

Верните женщинам гаремы

Полигамия — красивый древний обычай наших предков, уничтоженный из зависти средневековыми фанатиками, ненавидевшими все прекрасное.

Втайне женщины мечтают о многоженстве. Им нравятся социальные гарантии. Кофе по-турецки — на завтрак. Шашлык — на обед. И рахат-лукум с утра до вечера. Не существует, по их мнению, места более похожего на рай, чем гарем. Специально обученный евнух ударом палки по пяткам отгонит любого насильника. Массажистка явится прямо в спальню. Портниха тоже.

Можно сутками разгуливать по сералю в прозрачных шальварах, купаться в фонтане и валяться на музейных коврах. Кроме того, весь дом полон подружек, живущих на тех же правах. Солидарность, уют, взаимовыручка! И никаких противных мужчин, кроме того, кто все это обеспечивает. Восточная сказка!

Равенство полов — сплошной обман. Мне довелось немало повидать владельцев богатых офисов, оснастивших себя секретаршами в качестве спецтехники. И только однажды — хорошо отреставрированную мадам лет шестидесяти, конвоирующую на невидимом поводке ручного негра, втрое моложе ее. Экваториальный самец шествовал уверенно, как леопард. Но было видно, что не он владелец счета, определяющего маршрут прогулки.

Матриархат — еще хуже. Власть предполагает ответственность. Пилить за финансовые просчеты придется только себя. Обвинять во всех грехах — тоже. И рано или поздно — подавать в отставку. А это болезненно для уязвимой женской психики. То ли дело — гаремные нравы!

Мысль, что именно мы, мужчины, мечтаем содержать вас взаперти, арифметически увеличивая число «узниц» до бесконечности, — глубоко порочна. Женщины сами просятся в рабство. С нас довольно и простых развлечений. Поход по девочкам — в сто раз дешевле содержания постоянно действующего притона только для одного клиента. Даму сердца (я хотел сказать, любовницу) можно взять, уволить и снова взять. Многоженство, напротив, предполагает строгую законность на фоне процветающей экономики.

Позволить себе такое в наших краях могли только истинные секс-богатыри — языческие князья древнего Киева. Лаконичность летописей не должна смущать исследователей. Историк отмечал только экстраординарное — мор, глад и набег печенегов. Привычное его не интересовало. Кратко упомянув о шести женах и восьмистах (!) наложницах князя Владимира, Нестор-летописец сразу же перешел к вопросу о крещении Руси.

Но мы можем вообразить, как это было! До крещения Владимир прокняжил в Киеве восемь лет, ежегодно совершая по военному походу. Следовательно, едва

вернувшись с грабежа, будущий святой тут же затевал очередную свадьбу с периодичностью раз в шестнадцать месяцев. Наложниц же употреблял ровно по сто штук в год!

Девы сами надоедали ему приставанием взять их на содержание — жить у князя за пазухой куда удобнее, чем стирать портянки простому мужику. Народ в благодетеле души не чаял — «отец родной» только то и делал, что буйствовал да женился. В результате вся дань с покоренных племен ушла на содержание гарема. Не выдержав напряжения физических и нравственных сил, утомленный князь смирил гордыню и принял христианскую доктрину единобрачия.

С тех пор наши женщины, вместо привольной гаремной жизни, обречены на тяжкий труд в поте лица. Но современный плюрализм позволяет исправить ошибки прошлого. Мир переходит к многоукладности. Свирепый тигр и трепетная лань мирно дискутируют в Верховной Раде, спускаясь после дебатов в парламентскую столовую заморить червячка: кто скромной, кто вегетарианской пищей. Геи и лесбиянки заключают однополые браки, а капитализм и социализм настолько тесно переплелись в объятиях, что породили понятие «смешанной» экономики. Не прискорбно ли, что на фоне такого вольнодумства женщины до сих пор лишены законного, облегчающего их нелегкую повседневную жизнь права делиться мужем и домашней работой с себе подобными?

Аргумент, что подобный подход не соответствует европейскому духу, лишен даже намека на истинность. Полигамия — красивый древний обычай наших предков, уничтоженный из зависти средневековыми фанатиками, ненавидевшими все прекрасное. В суровые времена, требующие решительных мер, к нему неизменно возвращались — например, в Германии после Тридцатилетней войны, когда население на две трети сократилось от чумы и от подвигов. А наше время как

раз такое. Женщины нуждаются в бережной защите и особом внимании. Где еще они найдут их, как не за уютными гаремными стенами?

Вопрос производства евнухов не считаю существенным. С этим не будет проблем. Уверен, что многие милиционеры, вынужденные ныне канючить мзду на перекрестках автомобильных дорог, добровольно согласятся оскотить себя в обмен на высокооплачиваемую и престижную службу по охране сверхсекретных гаремных объектов. Так будем же европейцами, господа!

Идеальная женщина

«Если ты идешь к женщине, возьми с собой кнут».

Фридрих Ницше

Существует мнение, что идеал — вещь индивидуальная. Как зубная щетка. Одни любят щетку с жесткой щетиной, другие — с мягкой. Будто бы так и с женщинами: кому-то нравятся брюнетки, а кому-то — ласковые, тихие русалки, давно позабывшие естественный цвет своих волос — столько раз приходилось перекрашиваться под очередного партнера.

Все это — чушь. Любому мужчине нравятся только строгие и высокомерные (цвет волос не имеет значения), готовые ради него не то что перекраситься, а остричься наголо. Ибо по-прежнему самая модная пьеса — «Укрощение строптивой». Даже сейчас, в эпоху демократии и голливудских поделок.

Идеал — это классика. А классика неподвластна времени. Просто до нее трудно дотянуться. И женщинам. И мужчинам. Всем мечтающим вписаться в ее каталог.

Разложите девять женских фотографий. Добавьте десятую — из «Плейбоя». Девяносто девять процентов мужчин скажут: «Мы хотим вот эту — последнюю. Она нам нравится». И даже тот, кто промолчит, тоже ее хочет. Просто мама в детстве не научила его говорить правду. И он боится признаться. А потому ничего не получит.

В «Плейбое» же все просчитано правильно. Все пропорции. Именно тут то золотое сечение, что выводит из себя любого англосакса и готтентота, доказывая единство человеческой расы.

Готтентот рычит и потрясает копьем. Англосакс вынимает бумажник и осведомляется, не подскажет ли кто ее адрес. Природа берет свое и в том, и в другом случае.

«Вы хотите девушку из “Плейбоя”? — ухмыльнется какая-нибудь скептически настроенная мадам. — Вы цените только внешность? А как же душа?»

Да, что бы вам ни говорили другие, мы больше всего ценим внешность. Ее трудно изменить. Даже пластической операцией. Ведь нельзя же натянуть на женщину новую кожу?

А вот душу можно выдрессировать. Это легче. Дешевле. И, значит, менее ценно. Просто нужно выбросить из нее все капризы, ампутировать дурное настроение и слегка пригрозить непомерным желаниям тем самым кнутом, о котором любил говорить Ницше: «Если ты идешь к женщине, возьми с собой кнут».

И тогда окажется, что безупречная дама, во-первых, должна быть преданной. Во-вторых, выполнять свои обязанности (то есть мои желания) быстро и в срок. И, наконец, воспринимать их не как тягость, а как наслаждение.

Меня смешит, когда на заднем сиденье «Мерседеса» я вижу «тружениц» с такими лицами, будто они не в автомобиле с кондиционером, а на каменоломнях. Такие лица нужно запрещать законодательно. На то есть парламент, и он не должен бездействовать.

Фраза: «Ты — неудачник, который ничего не достигнет» — бессмысленна и приведет только к тому, что вы превратитесь в ничего не достигшую жену неудачника. Совершенная женщина просто обязана несколько раз в день повторять как заведенная: «Ты — гений!» Это примитивное заклинание оказывает на мужчину то же магическое воздействие, которое

вызывало у солдат появление Суворова. Все бросали пить пиво и шли брать Измаил.

Кроме того, идеал просто не может не стирать, не убирать и не гладить. Это его внутренняя потребность. И если вы скажете, что такая женщина — несбыточная мечта, то глубоко ошибаетесь. Она была! Совсем недавно. В XIX веке. Женщины индейских племен смотрели за детьми, шили одежду, собирали хворост, сушили мясо на зиму и любили своих мужчин. А если их спрашивали, как дела, отвечали: «Хорошо. Пока наши мужья в холод и зной гоняют бизонов по прерии, мы сидим в теплых вигвамах и ничего не делаем».

Американские колонизаторы уничтожили это идеальное общество. И что же получили взамен? Эмансипацию! Теперь каждая «белая скво» может подать в суд за «сексуальное домогательство» даже на президента! Была ли Моника Левински «американской мечтой» Билла Клинтона? Сомневаюсь. Думаю, у него, как и у меня, в молодости были совсем другие идеалы. И очень жаль, что жажда карьеры заставила его подыгрывать сексуально обделенным избирательницам, изображая «идеального мужа». Из Билла вышел бы хороший плейбой. А он растратил себя на политику.

Идеал — зеркало, в которое смотрится бескомпромиссная юность. Пока дерево молодо, оно тянется вверх. Только естественный упадок сил заставляет нас идти на компромисс и искать другой дряхлеющий ствол, на который можно опереться. Это не мудрость, а утечка энергии. Первый звонок старости. Мы прощаем морщины на женской коже только потому, что они появились у нас самих.

Я согласен, что мои слова жестоки. Но не более, чем резец скульптора, убивающий все лишнее в мраморе, из которого выйдет вечная Афродита. Мрамор молчит. Так же должна молчать и девочка, пока из нее высекают идеал.

Ибо нет другого способа заслужить право на идеального мужчину.

Супербаба

Оглянувшись назад, каждый из нас увидит силуэт сильной женщины, сыгравшей в его жизни выдающуюся роль.

Интеллект женщины утонченнее мужского. Это понятно. Природа не наделила лучшую половину человечества мощными бицепсами, челюстями вепря и рогами бизона. Женские ногти имеют, скорее, декоративное значение. А длинные ноги (если они есть) предназначены не так для преследования дичи, как вместо постамента — чтобы привлечь дополнительное внимание к их обладательнице. Несомненно, в случае с женщиной эволюция должна была пойти другим путем — усовершенствования мозга и повышения стервозности.

В результате мы даром получили высокоорганизованное существо, способное выполнять широкий спектр задач и постоянно совершенствоваться. Типичная сильная женщина не засыпает на лекциях, не играет на них в карты и старательно ведет все (!) конспекты. Параллельно с этим выбирает лучшего кандидата на брак и математически точно вычисляет тактику его оболъщения, даже если учится на гуманитарном факультете.

Может трудиться в двух, трех, четырех местах одновременно. Но если нужно, не умрет и на полставки. Знает где, что и когда дешевле, хотя с одинаковым успехом взвинчивает цены на протухший продукт, руководя коммерческой фирмой.

Ее не страшат кризис, депрессия и стагнация. Ее не берет инфаркт. При необходимости ее годами можно эксплуатировать даже на погрузочных работах, применяя для питания стандартный рацион солдата срочной службы. Только увлеченность глобальными оборонными проектами не давала нам возможности обратить внимание на это полезное неприхотливое существо!

А напрасно!

Оглянувшись назад, каждый из нас увидит силуэт сильной женщины, сыгравшей в его жизни выдающуюся роль. Недисциплинированные и свирепые, мы никогда не завидовали целеустремленным одноклассникам, далеко опередившим нас в деле усвоения наук. Ибо понимали: они созданы для того, чтобы было у кого сдирать контрольные по химии. То, что при этом их постоянно ставили в пример, нас не волновало — мы и они жили по разным системам ценностей.

Именно превосходство женской воли в борьбе со скучными предметами позволило мне до сих пор не научиться печатать на компьютере! Самая бездарная секретарша кажется мне олицетворением силы, когда набирает мой очередной шедевр, а я уж лучше продиктую, беспомощно сложив руки на груди.

Слабые и нерешительные, мы покорно наблюдаем за интенсивной борьбой между нашими мощными женами и любовницами за нас же, не способных совершить осознанный выбор. Каждая из них доказывает, что только она, взяв нас за руку, отведет в светлое будущее. Мы же, прекрасно понимая их превосходство над собой, втайне наслаждаемся тем очарованием силы, с которым они растрачивают свой энергетический потенциал.

Эту энергию следует немедленно направить в полезное для общества русло!

Непредвзятый опыт свидетельствует: с любой ролью в служебной иерархии женщина справляется лучше самого элитного специалиста-самца. Когда во вверенном тебе отделе начинается массовый загул, не стоит переживать, если среди подчиненных есть хоть одна дама. Проявив стойкость, она напишет годовые

отчеты сразу за всех да еще и распереживается, хорошо ли у нее получилось.

Если же загуляешь ты сам, твоя начальница всегда поймет, почему ты не мог поступить иначе, и тоже сделает все за тебя. Да еще и пожалеет за усталый вид.

Конечно, именно мы изобрели самолет, будильник и ликеро-водочный завод. Но какая от них польза? Самолеты бьются, как стаканы. Будильник истощает нервную систему. А ликеро-водочный завод нужен только для производства спирта, чтобы промывать наши душевные раны, полученные в бессмысленных драках. Куда полезнее борщ и котлеты, придуманные неизвестными эдисонами женского пола. Без них теряет смысл деятельность любого героя.

Только благодаря женщинам с интеллектуальными запросами мы можем избавиться от совершенно ненужных излишков финансовых средств. Страшно даже подумать, на что бы мы тратили свои деньги, если бы не существовало дам, шагающих в авангарде технического прогресса. Мы так никогда и не узнали бы о появлении очередной стиральной машины новейшего типа, которую обязательно нужно купить. Как бедна была бы наша жизнь!

Большинство трагедий на производстве происходит из-за некомпетентности и необязательности мужчин. Я уверен, что в будущем мы отстроим нас от общественно полезного труда, заменив в целях безопасности специально подготовленными, неутомимыми женщинами.

Мужчины же будут выполнять свои прямые, чисто декоративные функции — округлять мышцы в тренажерных залах, орать на стадионах и участвовать в показательных брачных поединках с тупым оружием. По здравому размышлению неизбежно приходишь к выводу, что в мужчинах нет необходимости. Женщины могли бы легко обойтись без нас. Единственное, что хоть как-то оправдывает наше существование, — это то, что мы помогаем человечеству в производстве сильных женщин и вносим некоторую остроту в их пронизанную духовным атлетизмом жизнь.

Удавка женской верности

И хотя все женщины постоянно убеждают в своей верности — все это миф, чтобы держать нас на коротком поводке. С кем-то же мы им изменяем?

Много лет назад я впервые открыл дверь своего дома девочке, интересовавшей меня не только как одноклассница. Девочка внимательно осмотрела стены в резном дереве из коллекции отца и спросила: «Ты ценишь в женщинах верность?» В тот момент я больше всего ценил в женщинах ноги и мечтал наконец-то добраться до них руками. Но со свойственной мне иногда вежливостью согласился, что верность — тоже неплохая вещь.

Правда, когда девочка добавила: «Я могу быть **ОЧЕНЬ** верной!», напирая на слово «очень», мне послышалась скрытая угроза. Да-да! Я даже скажу, что это напомнило, — змеиный шорох самурайской сабли, вынимаемой из ножен! И хотя считается, что мужчины просто помешаны на оружии, я поежился.

Что значат наши забытые в дальних ящиках столов газовые револьверы по сравнению с блестяще оснащенной психологическим оружием женщиной, нависающей над тобой, как штурмовик на бреющем полете? К тому же женщина со своим арсеналом не расстанется никогда. И это не какие-нибудь невинные

«макаровы», а коварство, хитрость и изысканно демонстративная беспомощность!

Но на самом опасном месте в дамском оружейном шкафчике — удавка верности. Тот, кто хоть раз испытал на себе воздействие этого страшного приспособления, всегда будет рефлекторно потирать шею при встрече с очередной прекрасной незнакомкой — может, пройти мимо? Оно бы и лучше. Здоровее будет. Ибо мораль в нашем обществе — прерогатива женщин. А нам остается либо ее нарушать, либо позорно приспособляться, всегда помня мамино: «Нельзя!»

Задумывались ли вы, почему именно женщины требуют верности? А ведь отгадка проста! По той же причине, по которой установлены ограничения скорости на дорогах. Чтобы тихоходным малолитражкам (дамам) не пострадать от спортивных скоростных красавцев, уносящих за горизонт свои страстные обтекаемые тела в надежде сломать голову себе или очередной сексуальной жертве. Женщин не устраивает наша непоседливость и, следовательно, неверность, ибо сами они отчаянно неповоротливы, а значит, по-черепашьи верны.

Я бы даже сказал — преступно неповоротливы, если бы не знал слишком хорошо законы природы, мирящие меня с этим запрограммированным свыше уродством.

Ведь смысл мужчины — в беспорядочном порхании с цветка на цветок. «Рыцарь опыления» готов вечно пожирать пространство, растрачивая силы на все новые поля. Кто скажет, какой из его ценных генов окажется нужен непредсказуемому будущему? Вот он и старается.

У женщины задача — сохранить жизнь конкретному попавшему в нее гену, который для нее лучше остальных только потому, что уже «свой». Они вообще

все очень быстро начинают считать своим. Стоит только понаблюдать, с каким энтузиазмом тараканов-старожилы они перебирают лапками у тебя на кухне, попав туда впервые, или планируют твою жизнь до самой смерти всего лишь на сто двадцать третьей встрече.

Бесполезно спорить с барышней, решившей использовать свой самый «верный» (простите за каламбур) аргумент.

— Давай расстанемся, — говоришь ты.

— Но я же тебе верна!

— Меня тянет на сторону.

— Верна!

— Я уже был на стороне!

— Я...

И тут ты находишься:

— Абсолютно верна?

— Абсолютно!

— А тому парню, которого ты ради меня бросила? Вот видишь — абсолют недостижим. Так что я не полностью подлец, а ты совсем не святая.

И хотя все женщины постоянно убеждают в своей верности — все это миф, чтобы держать нас на коротком поводке. С кем-то же мы им изменяем?

Конечно, некоторые делают это с мужчинами. Но таких мало. Не более пяти процентов по самым оптимистическим подсчетам. А все мы, остальные мужики, тем или иным способом изменяем с женщинами, причем обладающими обычно репутациями образцовых жен!

Общества, не превратившие женскую верность в культ, живут в атмосфере первобытного счастья. Французы, бразильцы, итальянцы хмелеют от любви, а не от второй поллитровки. У поляков вообще неизвестно, какой национальный напиток — то ли наша

водка, то ли немецкое пиво. Зато все держат их за отчаянных бабников, приходящих в щенячий восторг от каждой юбки. И только закомплексованные ирландцы, так похожие на нас, известны в основном тупым сидением в пабах.

В своей жизни я лишь однажды наблюдал массовую мужскую акцию в поддержку женской верности. Это была толпа у пивного ларька. Измученные лица жертв дамских иллюзий, обесформленные их развращающей властью, вдохновенно тянулись к желтой пузатой бочке. Вялые губы причмокивали, словно от жажды невозможных поцелуев.

Уж лучше бы они стояли в очереди в публичный дом!

Ведь если женщины хотят покончить с мужским алкоголизмом, они должны навсегда расстаться с тем, что называется моралью, открыв перед нами невиданный мир развратных удовольствий.

Извращения внешности

Недовольство заложено в женщинах от природы. Каждая из них все время что-то улучшает — себя, мужа или материальное положение.

Типичный мужчина убежден, что женщина, беснуясь вокруг своей красоты, старается ради него. Взгляд, лишенный даже призрака истины! На самом деле, эгоистка мучается во имя себя.

Женской популяцией правят те же законы, что и населением курятника. «Самоулучшаясь», каждая особь жаждет повысить свой статус среди себе подобных. Кудахтанье, доносящееся время от времени из мест дислокации дам, свидетельствует о том, что идет опробование очередной новой технологии, прививающейся, как обычно, вопреки законам общечеловеческой логики.

Любой мужчина знает: чтобы похудеть, нужно поменьше лопать и побольше бегать. И только женщина полагает, что для этого необходимо еще что-то съесть — что-то такое «для похудения». И сразу привлечь — «чтобы лучше подействовало».

Представительницы прекрасного пола редко спорят по поводу государственных границ и не имеют склонности сбиваться в бандитские группировки, истребляющие друг друга за контроль над рынками. Но

публичное обсуждение вопроса о том, какой сажей правильнее мазать ресницы, способно собрать две полноценные команды девиц для телевизионного ток-шоу, а не попавших в кадр — намертво приковать к экранам на весь вечер, пока идет передача.

Страшно подумать, что могло бы произойти, остановись хоть на год парфюмерное производство. Женщины утратили бы цель в жизни и впали бы в мировую скорбь, по сравнению с которой меланхолия Шопенгауэра показалась бы веселой пионерской песенкой советских времен.

Доказано практикой: изменения в женской моде никак не действуют на мужское естество. Истинного джентльмена интересует не одежда, а то, что под ней. Все остальное только отвлекает от главной цели. Мучения женщин по поводу того, что одеть, вызывают у нас лишь зевоту, тщательно замаскированную воспитанием.

«Тебе нравятся юбки со шлицей или без?» — спрашивает она. Откуда я знаю? Разве я портной? Меня зовут Олесь БУЗИНА, а не Ив Сен-Лоран. Мне нравится, когда вообще без юбок.

В идеале мужчина предпочел бы держать представительниц слабой половины человечества на пляже, слегка прикрыв их бикини монашески строгих цветов, и, прогуливаясь по этой выставке, выбирать достойнейших. Но из-за несовершенства нашего климата это невозможно — специалисты предполагают, что зимой девушки замерзнут. Мы согласны на компромисс: маленькое черное платье от Коко Шанель (пожалуйста, самое маленькое, какое только бывает!) и лакированные туфли на высоком каблуке (на самом высоком из всех, какие только допустимы при нынешнем уровне развития техники!). Остальное — неважно.

Прическа? Скромность, скромность и еще раз скромность. Например, волосы, собранные в пучок (так глаза кажутся больше). Хотя если вам захочется побриться наголо, мы только поприветствуем это. Поверьте моему опыту: ничего более гигиеничного еще не изобрели. В конце концов, вы уже позаимствовали у нас все, что возможно. От штанов до игры в футбол. Почему бы теперь не прихватить еще и стрижку?

И, наконец, макияж. Не надо никакого! Женщины придуманы не для того, чтобы ими любоваться. У мужчин нет никакого желания питаться вашей помадой, тенями и пудрой. Боюсь, наши желудки еще недостаточно закалены, чтобы это усвоить.

Недовольство заложено в женщинах от природы. Каждая из них все время что-то улучшает — себя, мужа или материальное положение.

Но деньги даются не всем.

Мужья так и норовят смыться налево, маскируя предприятие производственной необходимостью.

А вот внешность — тот праздник, который всегда с ней.

Последняя территория женской свободы.

Ее стартовый капитал.

Грядка, которую она обречена возделывать, пока хватит сил.

Лошади верхом на принцах

Мужчину не изменить. Научно доказано: у него очень низкие адаптационные способности — на уровне волчьих. Он самого угодно приспособит к себе.

Все женщины делятся на одну категорию: инстинктивно жаждущих замуж. Разница в накале этого навязчивого желания столь незначительна, что дальнейший разброс на подтипы следует прекратить по причине нецелесообразности.

Важно другое: каждая готовая к воспроизводству барышня считает себя зрелищем не менее увлекательным, чем футбол, не понимая, что матч длится всего полтора часа, а законно оформленный брак тянется годами.

Чем меньше остается нам до последнего заплыва, тем легче променять свободу на пироги. Чистые носки — тоже хорошая вещь. Но истинный гусар удовлетворится и портянками. Что же касается прилагающегося к невесте безопасного секса, то нет такого верного супруга, который хотя бы раз в жизни не взбирался на неопознанный сексуальный объект без презерватива, защищенный только цитатой из классика: «Кто

я — тварь дрожащая, или право имею?» Так было и пребудет вовеки!

Стенания женщин на этот единственно верный порядок вещей не должны трогать истинного виновника семейного счастья. Праздный самовлюбленный сибарит — лучшее, чем природа может наградить грешницу. Куда хуже, если в спутники жизни ей достанется высокоодаренный энергичный индивидуум вроде маркиза де Сада или Синея Бороды. Тогда для жалоб просто не останется времени.

И нечего ставить в пример времена рыцарства! Сумасшедших хватало всегда. Если безумцы, дравшиеся на дуэлях из-за немых средневековых дам, в лобках которых кишели вши, в конце концов, перебили друг друга до последнего, — значит, такова воля естественного отбора. Остались лучшие. Ими и наслаждайтесь. Недовольные могут утешиться тем, что невест больше не похищают у реки по две-три сразу, как это делали древние славяне, по уверениям профессора Грушевского. Хотя лично я восстановил бы этот милый пережиток варварства. Просто. Дешево. И без кукол на автомобильных бамперах.

Кран же на кухне обязан течь всегда — чтобы было о чем поговорить с женой. А фразу «Я не сантехник» не следует считать пределом мужского цинизма. Куда хлеще другая: «С точки зрения теории относительности это ко мне не относится». Она универсальна и может быть употреблена по любому поводу.

Естественно, больше всех скулят самые везучие. Те, которым вместо стандартного сибарита в цветастых трусах достался герой нашего времени верхом на «Мерседесе». Возможно, ему и не хватает утонченности чувств. Но смешно требовать от человека, помнящего, по чем украинский сахар в Гонолулу, еще и

подготовки профессионального спекулянта живописью. Если же вы так переживаете, что любимый не может отличить Шишкина от Дали, радуйтесь, что он вас отличает от Шишкина.

Все не удовлетворенные стилем жизни в золотых клетках могут легко поменяться местами с любовницами. Теми, что положены по штату. Уверен: последние охотно согласятся. Учитывая патологическую склонность женщин вступать в браки (смотри начало), незаменимых в этой области нет.

Жизнь не состоит из одних рекламных проспектов. Дамские любимцы в кино слишком хорошо получают для того, чтобы нравиться широкой аудитории. За такую сумму я сам согласен повторять любую глупость. И даже читать феминистические манифесты с продолжением по радио. История мне простит.

А вот рестораны существуют не для выгуливания жен, а для молниеносного одурманивания очередной золушки перед мимолетным сексом. Иначе эти благородные заведения превратятся в загоны для семейных очередей, а профессиональные соблазнительницы будут вынуждены подкрепляться перед очередной операцией хот-догами на улице.

В любом случае, мужчину не изменить. Научно доказано: у него очень низкие адаптационные способности — на уровне волчьих. Он сам кого угодно приспособит к себе.

Поэтому в третьем тысячелетии, когда ни клонированием, ни искусственным осеменением уже никого не удивишь, женщине лучше всего выходить замуж за женщину. Сходство взглядов на мужчин обеспечит идеальный брак. Семейную драку можно будет считать не гнусным издевательством сильного пола над слабым, а спортивной разминкой двух истинно равно-

правных существ перед совместным приготовлением ежедневного праздничного ужина. Носков же в доме не будет вообще — останутся одни колготки.

Но пока что любая женщина, выйдя замуж, ведет себя, как лошадь, оседлавшая принца. И если принцы гуманно подгоняют своих лошадей шпорами, то наглые лошади сразу дают бывшим всадникам копытами по бокам. А потому любой здравомыслящий человек предпочитает действовать согласно старинной мудрости: женщина — восхитительное блюдо, одинаково ценимое во всех национальных кухнях. Но истинный гурман обязан съесть его, не расплачиваясь. И, по возможности, быстро. Так оно легче усваивается.

Воспитание воспитательниц

*Женщина совершенно не представляет
высоких целей воспитания.*

На воспитание мужчин женщина смотрит, как неопытный садовник на живую изгородь. Она считает: чем больше стричь, тем лучше результат. Но стричь, возможно, вообще не нужно — умная природа уже обо всем позаботилась.

В детстве я дружил с девочкой из музыкальной школы. Среди ее одноклассников числился жуткий громила, ничуть не похожий на моцартовского мальчика. Физические данные позволяли ему отжаться от пола 120 раз, но упрямая мамаша почему-то решила превратить юного орангутанга в Шопена.

Все закончилось тем, что однажды он вытащил пианино в коридор прямо на уроке и, сыграв на прощанье «собачий вальс», заявил, что навсегда уходит из музыки. Родительница билась в истерике, не в силах расстаться с навязчивыми педагогическими иллюзиями. Но внутреннее чутье не подвело бунтаря — теперь он мастер спорта по боксу и совладелец фирмы, торгующей сантехникой.

Этот пример неопровержимо доказывает: подобно Колумбу, женщина-воспитатель всегда стремится в

Индию, а открывает Америку. Точно так же и моя мама хотела, чтобы я рос тихим спокойным мальчиком. В результате к седьмому классу я уже состоял на внутришкольном учете, да и сейчас — не последний задира в нашем литературном мире, предпочитающий, скорее, ходить с исцарапанной физиономией, чем со скукой в глазах.

Справедливости ради, замечу: женщина совершает совсем немного педагогических ошибок. Но она способна повторять их бесконечно.

Часто ли вам приходилось видеть мать, требующую, чтобы ее сын влез на дерево, отодрал за уши хулигана или вывалялся в снегу? Такие случаи я могу пересчитать по пальцам. Зато невероятное количество раз, проходя мимо детской площадки, я слышал обрывки одних и тех же запретов: «Не лезь! Не трогай! Ты разобьешься! Отойди от него подальше!»

Потом это стремление от всего оградить мужчину выльется в знаменитое: «Вася, только не вмешивайся!» И ручной Вася не вмешивается ни во что, внутренне содрогаясь от сознания своей бесполезности. Никому не заметными шагами он тихо следует к неотвратимому инфаркту — финальной точке истинно женского воспитания.

И ведь в сущности вины женщины в этом нет! Господь просто не предназначал ее для муштровки лиц мужского пола, вышедших из грудного возраста. Цивилизации древности беспрекословно следовали этому принципу. Мудрые спартанцы с трех лет отбирали мальчиков у заботливых матерей. Тарас Бульба справедливо поучал сына: «Не слушай ее! Она — баба!» Дореволюционная мужская гимназия не знала педагогов-женщин. Зато недаром ее называют классической.

Правда, как-то мне рассказали об одной преподавательнице истории, давшей блестящий совет ученику.

Того методично изводил забияка-одноклассник. Учительница не вызывала родителей, не ставила агрессору двоек по поведению, подобно Организации Объединенных Наций, и вообще никак не провоцировала его на дальнейшие подвиги. Она просто предложила жертве подойти к мучителю в самый неподходящий момент, когда тот давился на перемене бутербродом, и, не тратя времени на дебаты, захватить ему в челюсть, что и было с успехом проделано. В немецкой армии такая стратегия называлась «Блицкриг». Если ею не злоупотреблять, она всегда приводит к успеху. К сожалению, о ней часто забывают. Хотя, на мой взгляд, умная училка заслуживает памятника не меньше, чем герои войн.

Но найдется совсем немного дам, способных последовать ее примеру. Остальные навязывают нам совершенно негодные моральные принципы, то и дело извергаясь вулканами скандалов под неизменное: «Почему ты меня не слушаешься?!»

К тому же, женщины (в буквальном смысле слова) не могут остановиться в педагогическом порыве. Я встречал 80-летнюю энтузиастку, тиранящую сразу три поколения своей семьи — в том числе и престарелого мужа. По ее мнению, он все никак не дотягивался до приемлемого уровня, но был еще в достаточной физической форме, чтобы выслушивать ее нотации. Мне же кажется, что поведение такой «мадам Макаренко» заслуживает возбуждения против нее уголовного дела за членовредительство. Подозреваю, что ее супруг мог бы жить вечно, если бы по ошибке не повстречался с такой неуместно энергичной особой.

Общеизвестно, главный педагогический принцип прост: рассказ дополняй показом. Имеется в виду, что сама воспитательница должна хотя бы кое-как уметь делать то, что внушает детям.

Но как часто я наблюдал нерях, проповедующих о чистоте! Безалаберно одетых теток, шлифующих в подопытных детях чутье «высокого» стиля. И даже одну половую неудачницу, изваявшую на основе своего тщедушного постельного опыта толстую, как кусок сала, брошюру, озаглавив ее «Комплексные исследования украинского секса». Воистину, милосердие Божье неисчерпаемо! Ведь если бы эти дамы взглянули на себя со стороны, они бы умерли со смеху! Господь же снисходительно сохраняет им жизнь, предпочитая ужасам репрессий капельные дозы гуманных реформ, исправляющих несовершенную женскую природу.

Но страшней всего то, что женщина совершенно не представляет высоких целей воспитания. У нее не философский склад ума. Она не может увидеть явление в целом, отвлекшись от мелких деталей, как не в состоянии заменить штурмана официантка, вызванная в разгар бури на ходовой мостик, и растерявшаяся среди разложенных перед нею навигационных карт.

Сколь прекрасен затянутый в ремни юный командир взвода, отдающий беспрекословные приказы! И сколь жалко зрелище консилиума из бабушек и мам, неспособных унять всего одного капризничаящего отпрыска!

Спросите любую мать, каким она хочет видеть своего ребенка. Что вы услышите? Чтобы человек был хороший... Что это значит? Почему со всех концов несетя неизбывный плач: «Я же все для него сделала! А он...»

Не надо делать ВСЕ! Это воспитает в нем только умение вообще ничего не делать. Нам нужны не хорошие мальчики, покорно открывающие рты, а герои и мученики, способные повести за собой толпу от победы к победе.

Сексуальность непорочных дев

Крещатик днем смотрится развратнее, чем гамбургский квартал красных фонарей в полночь.

Сексуальная свобода объявлена давно и решительно. Но, в отличие от Бразилии, у нас ею никто не пользуется. Отечественные проститутки выглядят, как разжалованные ангелы, не оставившие надежду вернуться в рай даже с окружной дороги. У стриптизерш — глаза курсисток, сбившихся с праведного пути. Групповой секс по-прежнему путают с очередью.

На самом деле, среднестатистическую отечественную самочку пирожок с повидлом интересует больше, чем встреча с живым Казановой. От пирожка в крайнем случае разболится живот. А сексгигант вместе с охапкой цветов несет еще и букет гипотетических проблем — от душевных до физических. Поэтому «Кама-Сутре» местная порода женщин предпочитает «Книгу о вкусной и здоровой пище» — истинный бестселлер наших широт.

У жаждущих секса оговорок нет. Зулуска не требует у своего зулуса комнату в пятизвездочном отеле и ортопедический матрас под зад, а погрязает в раз-

врате прямо в саванне, не обращая внимания на проносящихся мимо скорпионов и гиен. Латиноамериканки не достают мачо наглыми требованиями «щоб усе було прилично». Каждая из них готова отдаться прямо во время танго. Таков национальный темперамент. У нас естественный отбор погнали в другую сторону. Опередившую век шевченковскую Катерину изверг-отец выгнал из дому. Последствия исторического преступления сказываются до сих пор — мини-юбки наших городских красавиц, как и в первобытные времена, стянуты поясом верности их сельских прабабушек.

Иностранцы, попадающие сюда, поначалу воображают, что оказались в стране сбывающихся эротических грез — по манере одеваться наших бизнес-вумен действительно можно спутать с их шоу-герлз. Увы, манера раздеваться у них радикально противоположная. Крещатик днем смотрится развратнее, чем гамбургский квартал красных фонарей в полночь. Но только потому, что он оккупирован секспровокаторшами. В действительности голые пупки и высотные каблуки хотят не неутомимого орангутанга в людском обличье, а стандартного мужа, заранее готового преданно шевелить плавниками в то время, когда они будут зудеть у него над ухом. Секс в браке называется «супружеский долг». Я еще не видел существ, которые бы платили долги с удовольствием.

Желание женщины спугнуть еще проще, чем боевой порыв дезертира. Оба способны наступать только назад. «Не так» посмотрели, «не то» сказали, и африканской страсти как не бывало — улитка спряталась в панцирь и не шевелит рожками. Она обиделась. Ее тонкую натуру не оценили. Зато когда такие оригиналки дают себе волю — жди беды.

Принцип: или нельзя ничего, или, если можно, то чтоб до безобразия — по-прежнему актуален в наших пампасах. Записные скромницы освобождаются от химеры совести проверенным способом — перекладывая ответственность на противоположный пол. Один из моих знакомых — тренер по культуризму, человек без моральных принципов и инстинкта самосохранения — спешно ретировался, выслушав сексфантазию любимой, которую он должен был воплотить. Для достижения интимного счастья девушка требовала, чтобы, изображая насильника, он ворвался в ее квартиру, предварительно взломав дверь. При этом она должна была звать на помощь и звонить в милицию. Без последнего условия почитательница маркиза де Сада обойтись никак не могла — не достигала экстаза.

Практичные древние греки давно заметили, что женщины делятся на два сексуальных типа — очень горячий и очень холодный. (Промежуточный «умеренно теплый» не обнаружен до сих пор.) Очень холодных брали в жены. Очень горячих определяли в гетеры во имя гражданского спокойствия. Сортировку производили просто, но с неподражаемой точностью. В период сексуального созревания подростков обоих полов помещали в нечто вроде интерната, предоставив им полную свободу самовыражения. Несмотря на вседозволенность, девственность теряла только каждая двадцатая. Именно этим пяти процентам и предназначалась роль античных «гейш», сочетавших высокий профессионализм в любострастии с любовью к пению и пляске.

Гетер содержали на паях за счет добровольных пожертвований. О пропитании жен каждый заботился индивидуально. Зато чужаку, посягнувшему на эту частную собственность, полагалась смертная казнь.

Система действовала бы до сих пор, если бы не общее для всех типов женщин желание выскочить замуж. Потенциальная гетера Елена, скрыв свои подлинные порочные наклонности, затащила в загс спартанского царя Менелая, а потом сбежала с проходимцем Парисом. Вспыхнула десятилетняя Троянская война. Погибла целая цивилизация.

Последствия воцарившегося хаоса приходится расхлебывать до сих пор, выискивая среди глыб сексуального льда горячие «пещерки», готовые вместить неистовость наших желаний.

Ввиду вышесказанного, задача эта столь трудна, что вполне может стать смыслом жизни.

И только если вдруг какая-нибудь смелая особь отважится первой ошеломить меня каскадом неприличных предложений, я изменю свое мнение о женской природе и, почтительно отдав нахалке честь, прикажу прицепить ее распутные кружевные трусики на флагшток моей яхты. Вместо вымпела. Чтобы плыть в секс-революцию дальше.

Увольнительная для кухонного солдата

*Мы по-прежнему остаемся неко-
ронрованными владыками мировых
вершин.*

Коты и женщины — два вида существ, ждущих март с особым нетерпением сердца. Параллель между ними не надуманна. И те, и другие ведут полную забот и тревог жизнь мелких хищников, приспособившихся перебиваться остатками с барского стола. И те, и другие вновь и вновь возвращаются к опостылевшему очагу.

Первым, пожалуй, даже легче. Господь наделил их неизносимой шубой и желанием ловить мышей. Женщинам не досталось ни того, ни другого. Да и какой самый затравленный кот с орденом невезения в виде консервной банки на хвосте способен представить изощренные психологические пытки, которые круглые сутки изобретают для «красных шапочек» неутомимые донжуаны в смокингах поверх волчьих шкур?

Но в марте коты и дамы оживают. На пороге брачный период и Международный женский день. Мелких хищников будут любить и задабривать подарками.

Юмористические журналы моего детства обожали эту вечную тему комедии человеческого бытия. Нака-

нуне 8 Марта их страницы пестрели неизменными карикатурами на мужей, пытающихся приготовить женам праздничный завтрак или вручающих им по ошибке презент, предназначенный для любовницы. (Обычно это было мини-платье размером с перчатку, которое пыталась натянуть на себя супруга с пропорциями оперного театра.)

Созерцание этих картинок повергало в ужас совсем юного тогда автора данных строк, подталкивая его к единственно правильному выводу — отменить 8 Марта раз и навсегда как день мужского позора. Но сегодня я не столь радикален.

Подвергая особой слабого пола беспристрастному анализу, давайте, в конце концов, с той же мерой научной объективности вгрыземся и в себя.

Несмотря на пробудившееся кое-где женское самосознание, мы по-прежнему остаемся некоронованными владыками мировых вершин. В наших руках нити политических интриг и русла финансовых потоков. Как в старые добрые времена, мы можем позволить себе любую дурь и, плюнув на все, отправиться на сафари в Африку или (на худой конец) за пивом, легкомысленно позабыв о бизнесе или неполученной за полгода зарплате. Нам можно все.

Женщина же обречена вечно заботиться о завтрашнем дне. И если мужчина, по крайней мере, способен объяснить, почему он женится («чтобы было кому готовить обед и убирать в берлоге»), то женщина вообще не может ничего сказать в свое оправдание. Согласитесь, трудно поверить, что она по доброй воле так стремится стать живым придатком к стиральной машине или с затравленным видом метаться пулей по продуктовому рынку в поисках творожка для любимого.

Так почему бы нам не дать этой заложнице собственного альтруизма увольнительную записку от себя самой? Ну, хотя бы разок в году? Наш кухонный солдат заслужил ее по праву! Как мотылек, он верно летел на испепеляющий блеск наших глаз. Как ангел, врачевал наши раны.

Так пусть теперь поваляется лишний часок в постели, бездельник! А мы влезем в его нежную шкурку, слабо приспособленную к тяготам походной жизни, даже по сравнению с кошачьей, и осторожно подойдем к плите. Вспомним, как она зажигается. Вскипятим чайник. Приготовим праздничный завтрак. Точнее — то, что так назовем. Например, питательную сосиску (кошки это любят!) с гарниром из «быстрой» вермишели. Или разогрею в микроволновке пиццу из супермаркета. Порадуемся собственным кулинарным талантам. Умилмся себе. И отнесем ей прямо в постель.

Она требует еще и цветов?

Так купите ей их, в конце концов! Пойдите даже на преступление, если нет другого выхода. Ограбьте цветочный киоск. Накосите роз в оранжерее, предварительно распугав сторожей. Пусть убедится, что вы ее любите. Что ее тоска не от дефицита вашего внимания, а от ее собственной тоскливой внутренней сущности.

Без дамы-консервы на юг ни ногой!

Даже цивилизованные люди теряют тут не только верхнюю одежду, но и атавизмы стыда.

Каждый мужчина на отдыхе верит, что из моря вылезет Афродита и бросится именно на него. Реальность жестче — прибрежное мелководье кишит не богинями, а неудовлетворенными дочерьми человеческими, ждущими, что с небес свалится всемогущий Зевс, специализирующийся на решении женских проблем.

Наша задача — хитроумно выдавать себя за него. Любое коварство должно быть позволено. Моральные принципы втоптаны в песок. Отдых — это работа. За мгновенье счастья придется заплатить тяжелым трудом.

Одну даму — так называемую «консерву» — иногда полезно прихватить с собой. Но только одну! И только в том случае, если она убийственно хороша. Ее предназначение — служить приманкой. Завидев рядом с вами писаную красавицу, обитательницы местных пределов непременно откликнутся на ваше самое неприличное предложение. Женщины завистливы и любопытны. Это следует учитывать.

Если же исследуемое побережье окажется бедным на подходящую дичь, «консерва» скрасит несколько

неудачных дней, выпавших на мужскую долю. В отличие от салями, выбрать этот «продукт» легко. Можно даже в последний момент — накануне курортного сезона рубрики знакомств кишат объявлениями юных авантюристок, жадных до дармового юга. Стесняться не стоит — при минимальных расходах их энтузиазм гарантированно окупит любую павианью тоску.

В случае нехватки свободных средств истинный супермен тоже не должен унывать. Слава Богу, мы живем не во времена военного коммунизма. Скучающие бизнес-леди, жены богатых мужей, не знающие, куда девать нажитый несправедливым трудом капитал, и богатые иностранки не перевелись еще под тропическими небесами.

Мягкий климат и отсутствие производственных проблем склоняют к падению в море разврата. Даже цивилизованные люди теряют тут не только верхнюю одежду, но и атавизмы стыда. Пляжи — естественный театр для молниеносных побед. Когда Ржевского спрашивали: «Вы, поручик, с женщинами, наверное, только про постель разговариваете?», он отвечал: «Почему же? Еще и про кусты!» Берите пример с кубинцев, «брачующихся» прямо на набережной Гаваны. Экономический кризис не повод отказывать себе в биологических удовольствиях.

Самый длительный курортный роман должен вписаться в два оборота часовой стрелки. Утром самец лежит на гальке и тщательно отслеживает обращенные на него женские взгляды. Вечером подходит к обладательнице самого обжигающего и обращается с краткой выразительной речью: «Конечно, вы можете отказать мне, но я бы непременно хотел пригласить вас в ... (далее варианты — ресторан, бар, кафе, шашлычную и т. д., исходя из ваших возможностей и ранга совращаемой)».

Остаток вечера посвящается одурманиванию. Ночь — собственно процессу. С утра можно перебираться на соседний пляж.

Нет смысла напоминать, что выигрывают предусмотрительнейшие. Сани готовят летом, а плавки — зимой. Тренажерные залы построены не для того, чтобы играть в них в шахматы. Упоение Нарцисса на летнем пляже при виде любительницы искусства, пожирающей глазами его эстетичную плоть, — награда за пот, пролитый еще в декабре. Времена хиппи давно прошли. И даже не верится, что они были. Теперь не до философских бесед. Не тот фасон бицепса, и все — симпатии нету.

Женщинам тоже нет смысла расслабляться. Жажущим, чтобы их душу посещали хотя бы по пятницам, придется основательно поработать над телом всю неделю. Сердце ангела стучит в плоти зверя. Таковы правила — не нам их менять.

Современный мир пронизан бизнесом даже на отдыхе. Тут приемлема любая форма расчета. Наличные в таком же ходу, как и натуральный обмен. Красивые ноги сдаются в аренду за право прокатить их в продуваемом страстью кабриолете. Мощный торс меняется на ягодицы, упругие, как детские резиновые мячи. Широкие плечи — на такие же бедра. Узость взглядов компенсируется толщиной бумажника.

Каждый товар обретет своего покупателя — истинный мужчина всеяден, хотя может это интеллигентно скрывать. Как голодный пес, он готов грызть и весело хрустящие кости, и сочащийся соком рубенсовский бекон. Только возраст и упадок сил заставляют его обратить благочестивые мысли в сторону сексуальных диет. Не так страшно, что вы у него пятнадцатая. Важно, что где-то вас поджидает ваш тридцать четвертый.

Обижаться нет смысла — на этой ярмарке упоительно жесткие законы. Если вы приехали на курорт, не теряйте времени на праздную болтовню. Делайте свое дело и уходите. В спину вам уже дышат новые поколения отдыхающих.

Женщины и юмор — две вещи несовместные

Только женщина может производить шутки бессознательно, сама не понимая, какой вклад в сокровищницу мировой культуры вносит.

Природа не терпит пустоты. Та щель, где в мозгу самца размещено чувство юмора, в женском отведена состраданию. Поэтому, если в цирке типичный добрый молодец покатывается от хохота, даже когда тигр жрет у него на глазах дрессировщика, то его хрупкая спутница замирает от ужаса уже при виде клоуна, грохнувшегося на арену с высоты своего полутораметрового роста.

Дамы всегда более склонны к серьезности. Они требуют гарантий. Им хочется знать, где вы были с девяти до одиннадцати и почему на воротнике у вас чужая помада. Ответ: «Сам вымазался, чтобы тебя рассмешить!» — ни за что не будет признан женщиной шедевром остроумия. Смеются почему-то одни мужчины.

Если же женщина из вежливости все-таки присоединится ко всеобщему веселью, то сделает это со всей свойственной ее организму специфичностью. В отличие от нас, она не может «гоготать» и «ржать», а

только прилично «хихикает» или «звенит, как колокольчик». Конечно, изредка попадаются громогласные экземпляры, сотрясающиеся от смеха всем телом, однако в общей классификации их место — в узкой графе «Исключения».

Дамы старой закалки ценят в шутке, прежде всего, изысканную галантность. Они никогда не употребляют неприличных слов, хотя знают их значительно больше, чем мы. Разговаривая с такой женщиной, то и дело рискуешь поскользнуться на ровном месте. Зато можно смело пересказывать при ней хоть полное собрание анекдотов о поручике Ржевском, если только по окончании с виноватой улыбкой не забудешь добавить: «Родился в казарме, до 17 лет общался только с унтер-офицерами и лошадьми. Первую женщину увидел в борделе. Отсюда — все воспитание». За тяжелое детство вам все простят.

На фоне бесконечных рядов юмористов-мужчин (от Рабле до Задорнова) профессионалок в этой области можно пересчитать по пальцам. Зато только женщина может производить шутки бессознательно, сама не понимая, какой вклад в сокровищницу мировой культуры вносит.

Когда она говорит, что любит вас просто так, ничего смешнее быть не может. Особенно, если в рубриках знакомств постоянно встречаешь объявления вроде: «Молодая симпатичная девушка познакомится с состоятельным нежадным мужчиной». И не найдете ни одного типа: «Хочу подарить свою молодость и красоту нищему квазимодо, ведущему нездоровый образ жизни. Искателям приключений моложе 80 просьба не беспокоиться».

Несмотря на то, что прогресс по-прежнему делает отчаянные успехи, а цензура запрещена Конституцией, ряд тем для юмора остается под спудом тяжелых

дамских табу. Как и во времена дикого средневековья, нельзя шутить над тем, во что женщина одета и что ей по-настоящему дорого.

Одета она, естественно, всегда очень хорошо. Более того — элегантно. Что бы ни нацепила. И на кого бы при этом ни была похожа.

А дорого ей такое, на что нормальному человеку и посмотреть без содрогания нельзя. Например, дети. Скольким благодарным слушательницам я ни пересказывал выражение: «Конечно, детей пороть нельзя, но ведь что-то же, в конце концов, с ними нужно делать?», ни одна не поверила, что это всего лишь безобидная шутка юмориста Хармса. Все спрашивали, сколько за нее этот маньяк отсидел.

Но зато нет ничего более смешного, на женский взгляд, чем мужчина. Вот уж, действительно, ошибка природы! Удивление, с которым представительница лучшей половины человечества взирает на нас, не сравнимо даже с тем изумлением, что испытывает домашняя болонка при виде бродячего пса — и жить по-настоящему не умеет, и шляется где попало, и голову того и гляди сломит! Мужчины растрачивают свои силы не на то и не так. Вместо того, чтобы прислушиваться к чуткому женскому существу, питая его приятными впечатлениями, они то и дело приносят ему одни огорчения. Грезят о гаремах, не понимая, что свой единственный и неповторимый в виде одной законной наложницы — уже навсегда рядом. Растриваются из-за женских измен, хотя должны были бы их только приветствовать. Не хотят делать предложение, «хотя все подружки уже вышли замуж». И, к тому же, храпят по ночам. Ну разве это не повод для смеха?

В конце концов, все получается, как в одном пока еще малоизвестном анекдоте, который я, однако, усиленно пропагандирую:

«Приходит жена аспиранта к сексопатологу.

— Доктор, мой муж пишет кандидатскую диссертацию, и у него от переутомления совершенно пропало либидо. Что бы вы посоветовали?

— Коня.

— ???!!!

— Кони никогда не пишут кандидатских диссертаций».

Прослушав этот шедевр, дамы признавались, что так в нем ничего и не поняли.

Словом, женщина и юмор — две вещи несовместные. Как гений и злодейство. Но сколько бы я это ни повторял, они все равно с этим не согласятся. Ибо больше всего на свете ненавидят очевидные истины.

Уроки феминизма

Самое слабое место феминистической теории — секс.

Феминисткам очень хочется, чтобы их ругали. И лучше — чтобы с утра до вечера. Во-первых, бесплатная реклама. Во-вторых, возможность сказать: «Мы же предупреждали: все мужики — сволочи!»

Но давать им такую возможность я не намерен. С какой стати мне ругать феминисток и, тем более, их бояться?

Разве кто-то слышал, чтобы они взорвали поезд, подложили бомбу под парламент или занялись киднепингом? Я, например, никогда. Конечно, в какой-то мере они духовные террористки. Но настоящему мужчине это должно только приятно щекотать нервы, а не выводить из душевного равновесия. Ведь, несмотря на все их усилия, многие до сих пор даже не знают, что такое феминизм. Как пишут в социальных опросах, «затрудняются ответить».

Между тем, прогрессивная, изданная в свободном обществе (в самом Оксфорде!) Хатчисоновская энциклопедия объясняет явление невероятно просто: «Убежденность в равных правах и возможностях женщин».

И тут я сразу скажу: не согласен! У женщин возможностей больше! Они умеют рожать! Между прочим, это не я придумал. Так всегда Толстой отвечал, когда его доставали «женским вопросом». А он все-таки был гений.

Феминизм, как и коммунизм, пустил первые ростки в конце XVIII века — в эпоху, слишком мало знавшую о биологических особенностях человека, а потому бредившую утопией равенства. Но сколько нас с тех пор не ровняли, мы все равно разные.

Мужчины тяжелее, костистее, рискованнее. Физически сильнее. В массе выше, хотя попадаются и низкорослые особи. Живут меньше.

Женщины зато биологически выносливее. Легче нагуливают жирок — в генетической памяти остался резерв, чтобы при потере кормильца дотянуть до момента, когда заметит новый партнер. Даже глаза наши по-разному устроены. Мужской, охотничий, лучше реагирует на движущиеся цели. Женский — на неподвижные. Все еще с тех времен осталось, когда мы бродили по степи, высматривая мамонта и собирая корешки. А о феминизме вопрос вообще не стоял. Потому что специализация у нас разная. Женская — рожать. Мужская — находить пищу и защищать.

И тогда главный аргумент феминисток (несправедливо, что мужской труд оплачивается выше) отпадает сам собой. Да, мы, мужчины, зарабатываем больше. Но куда потом тратим деньги? На женщин! На цветы, развлечения, на квартиры, ремонты, учебу детей и т.д. Разве нам самим все это надо? Да, по примеру холостяка Канта, мы вообще ни в чем не нуждаемся, кроме звездного неба над головой! Замечено же, что лишенный женского общества мужчина невероятно быстро дичает. Если не верите, то хоть «Робинзона Крузо» почитайте.

Феминистки любят высматривать, где только можно, пережитки патриархальщины — просто, как пыль в доме. И чуть что, нас за эту патриархальщину ругать: заскорузлые, мол, консерваторы, враги прогресса. Но разве так плохо было патриархальное общество?

На самом деле, роль отца в нем часто играла мать. А на должности короля работала королева. Чем не патриархален российский XVIII век? Между тем, у историков он носит название «царство баб». Ровно шестьдесят семь лет из ста правила дамы — Екатерина I, Анна Иоанновна, Елизавета Петровна, Екатерина II. И Суворова не унижало, что он кровь проливал за «матушку-царицу». А проливал не фигурально, не ради красного словца — под Кинбурном на нем живого места не осталось. Едва уцелел. И знаменитый глаз Кутузова из-за нее, из-за Екатерины, потерян.

Причем, никакой гипертрофированной гуманностью эти дамы не отличались. И ссылали, и фаворитов выгоняли с таким треском, который даже не снился нынешней секс-секретарше, уволенной по приказу шефа.

Феминистки почему-то считают, что систему подавления придумали мужчины. Что именно они методично и жестоко, чуть ли не на каждом шагу да еще и с садистским удовольствием терроризируют женщин. Но я мог бы привести сотни примеров обратного — того, как подавляют и унижают маленьких мужчин в детском саду, в школе и дома. Как душат их теплыми шарфиками добрые мамы, считающие, что именно так, а не закаливанием, спасают от простуды, как насмежаются, а то и лупят линейкой по пальцам преподавательницы. Я до сих пор с содроганием вспоминаю свою учительницу рисования. Сия особа, призванная сеять в душах прекрасное, швырялась альбомами,

ломала кисточки и доводила весь класс до истерики своим слоновьим ревом. Феминисткам давно пора ею заняться. Ведь она унижала не только мальчиков, но и девочек!

Иногда женская властность доходит просто до абсурда! Случай из минувшего лета. Выхожу из моря — чистый, довольный, никого не трогаю. На берегу сидит злобная тетка, раздутая гневом, как воздушный шар:

— Молодой человек, вы не могли бы не заплывать так далеко?!

— А что? — спрашиваю.

— Мой внук пытается вам подражать и приводит вас в пример.

Но меня не так-то просто вывести из себя и заставить отказаться от моей знаменитой вежливости. Улыбаюсь всеми тридцатью двумя зубами, особенно тем, который недавно побывал у врача:

— Если бы ваш внук действительно мне подражал, он давно бы уже утопил такую бабушку, как я когда-то свою. А моя, между прочим, была куда лучше! Я даже плакал немного.

Надеюсь, тетушка оценила мой юмор. Хотя не уверен — сразу после этого ей вызвали скорую и куда-то унесли.

Зато я убежден в другом — матриархат был раньше патриархата. И в каждой отдельной человеческой жизни он тоже стоит в самом начале — когда мальчик под присмотром мамы делает первые шаги. Вот там и ищите истоки насилия.

Но самое слабое место феминистической теории — секс. Секс и все, что с ним связано. Две вещи крайне тревожат эту категорию дам — то, что мужчина смотрит на женщину, прежде всего, как на сексуальный объект, и то, что он любит порнографические фильмы.

Это, видите ли, оскорбляет — почему, мол, не на душу в первую очередь обращает внимание?

Яркий пример женской логики и не более того! Мужчина ищет то, чего недостает на рынке. Если бы женщины предлагали секс направо и налево всем желающим, то в дефиците была бы душа. Если бы они выставляли напоказ интимные места своего тела, а закоулки души превратили в заповедную зону, то каждого мужчину как истинного браконьера именно эти потаенные лесные тропки, а не ноги, сводили бы с ума.

Что же касается порнографических фильмов, то в них наряду с женщинами снимаются и мужчины. Причем, как свидетельствует статистика, зарабатывают меньше дам. Как и в модельном бизнесе. Давайте не резать права актеров. Это нечестно. Им так хочется самовыразиться. Не меньше, чем феминисткам.

Иногда мне кажется, что если феминизация общества пойдет и дальше, то какой-нибудь технический гений из чувства мести изобретет женщину-трансформер. Податливую, готовую выполнять любые причуды игрушку. А потребность в настоящих отпадет навсегда. Но я понимаю, что подобного не случится. К счастью, на свете достаточно прекрасных дам, не оскорбленных тем, что мы видим в них воплощение наших фантазий. На наш век хватит.

А о воспитании новых поколений мы позаботимся.

Изгнание из рая

Джентльмен бросает женщину, как сигарету — недокуренной. А эстет — едва успев стряхнуть с ее кончика первую порцию пепла.

Женщины — не дети. Бросать их не только можно, но и должно. Регулярная их смена повышает интеллектуальный потенциал, обостряет память и освежает эмоции. Важно только соблюдать правила.

Хороший обычай придумал Генрих VIII. Зная, что женщины переносят душевные страдания куда хуже физических, этот просвещенный монарх казнил каждую из своих жен, как только она начинала ему надоедать.

К сожалению, способ не прижился. Современная цивилизация требует от нас гуманности даже там, где она противоречит здравому смыслу. Поэтому старинную русскую потеху выгонять бабу из избы вместе с детьми на крещенский мороз прямо под равнодушно мерцающие сибирские звезды следует считать такой же устаревшей, как катанье на розвальнях в обнимку с пьяным попом и расписным тульским самоваром.

Сладкое для всех время домостроевщины кануло навсегда! Куражиться и глумиться безнаказанно не дадут уже никому. Тем более провожать изгнанную

из сердца даму «узорчатым, втрое сложенным ремнем», как любил, бывало, изгаляться над Анной Андреевной Ахматовой талантливейший поэт серебряного века Николай Гумилев. В век, когда каждая дура может купить газовый пистолет, такое поведение, по меньшей мере, непредусмотрительно. Сегодня мужчина имеет право применять ремень только, если дама мазохистка — да и то исключительно по ее просьбе.

В целях безболезненного расставания связи с женщинами должны быть кратковременны и беспорядочны. Уже в начале знакомства, стоя в весьма неудобной позе с пучком роз в руке, вы должны не перебирать в уме поджидающие вас порнографические картинки, а обдумывать рецепты будущего отхода.

Грамотно организованный роман никогда не превышает трех-четырёх недель. Ровно столько заняла кампания Вермахта в Польше. Связь продолжительностью в два месяца уже следует считать опасной. Полугодичная свидетельствует о вашем непрофессионализме и притупленном инстинкте самосохранения. За роман, тянувшийся более года, по законам бывшего СССР, вполне можно обвинить в преступной бездеятельности — настоящий солдат никогда долго не залеживается на достигнутом. Джентльмен бросает женщину, как сигарету — недокуренной. А эстет — едва успев стряхнуть с ее кончика первую порцию пепла. Именно за этой чертой начинаются истерики и дамское свинство.

Меньше всего нас должно беспокоить, переживает ли брошенная мегера психологический стресс. Собственное спокойствие и душевный комфорт — вот наша задача! Не гони бабу силой! Убеждай по-доброму! Взови к ее разуму! Человек цивилизованный предпочтет, чтобы она исчезла с глаз долой после маленькой национально-освободительной войны, а не в результате

его добровольного желания избавиться от надоевшей колонии. Благородный жест раскаявшегося империалиста туземка все равно не оценит.

В идеале необходимо достичь эффекта, когда женщина галлюцинирует, будто не вы ее, а она вас бросила. Умело создавайте у нее эту иллюзию! Пользуйтесь достижениями пропаганды! Денно и ночью лепите из себя образ врага!

Расскажите, что ваш папа был очень ревнивый и по воскресеньям гонялся за мамой с топором, а прадедушка в пору революционного беззакония повесил свою невесту на воротах родового гнезда — то ли за то, что она была комиссаром и спала со всеми, то ли из-за обычного несходства взглядов на будущий семейный бюджет. Как бы между прочим, оброните в разговоре с любимой, что ваш приятель-доктор считает, будто мужчина должен регулярно изменять для пользы здоровья, и что только эти взгляды вы считаете научно верными. В крайнем случае, купите в поликлинике справку, что вы сексуальный маньяк.

От вас отвернутся. К вам больше не потянутся. Возможно, даже сменят половую ориентацию. Некоторое время вы сможете наслаждаться философским покоем, помня, что путь каждого настоящего мужчины устелен телами брошенных женщин, переступить через которые следует не спотыкаясь.

Но даже несмотря на блестяще проведенный отход и заслуженное поощрение в виде фразы: «Забери зубную щетку и никогда тут больше не появляйся, негодяй!», не исключено, что вы станете жертвой рецидива. Тактика хищниц изощряется. Болезненная привязанность к одному отдельно взятому самцу превышает все мыслимые пределы.

Изучив наши слабые места, они могут соблазнить самым сокровенным. Даже предложить заняться сексом

прямо на улице во время служебной встречи через неделю после разрыва. В этом случае следует принять неприступный вид и со сдержанной печалью в голосе ответить: «После того как я расстался с тобой, я утратил всякое желание заниматься сексом. Кроме того, сегодня я уже дважды им занимался»... Обычно после этого она сразу же отбежит в сторону, скуля, как после заряда крупной дроби.

Если же больная упорствует и даже обещает стать вашей рабыней, контракт с нею можно условно продлить на специально оговоренный непродолжительный срок с возможностью новой пролонгации.

Всякое здоровое существо стремится к приумножению. В конце концов, не для того мы завоевываем женщин, чтобы всех их сразу бросать.

Истребитель женщин

Снимая одежду, ты должен быть уверен, что ослепишь еще чем-то, кроме шелковых семейных трусов, свидетельствующих о твоём высоком общественном положении.

Рожденный в Украине избавлен от поисков смысла жизни. Идеальное место для подвига — родная страна, густо заселенная отборным женским поголовьем, всегда под рукой. На ее просторах есть где порезвиться породистому самцу. Главное — правильно выбрать тактику для покорения империи непуганных амазонок.

Женщины не любят грязные, пахнущие соляжкой танки. Побеиваются непредсказуемых гранат, несмотря на то, что их кольца так похожи на обручальные. Есть только один род войск, опытом которого можно воспользоваться в борьбе за право удовлетворять разнужданные инстинкты, — авиация.

Трудно найти что-нибудь более похожее на летающий фаллос с крыльями, чем задравший нос к небу молодчага-истребитель. Только этим, даже не будучи фрейдистом, можно объяснить странное, на первый взгляд, тяготение слабого пола к пилотам. Поскрипывающая кожей форменных курток, «рыцари неба» еще в эпоху только что победившей пролетарской революции уже работали на революцию сексуальную. Отшлифованную в двух мировых войнах тактику

воздушного боя можно смело переносить на арену любовных схваток.

Правило первое — бей на взлете. Ничто так не заводит настоящего хищника, как охота на юную диетическую дичь. Гигантские победные списки немецких асов заполнены, в основном, за счет необстрелянного молодняка. Присматривайся к обитательницам детских площадок еще в то время, когда они интересуются бесплатными качелями, а не походом в дорогой ресторан. Через несколько лет несмышленные ангелы получают статус совершеннолетних, а ты — законную лицензию на их “отстрел”. Возражения опытных дам, что такие победы не прибавляют чести, отклоняются. Подержанные девушки просто завидуют. Твое пушечное мясо должно быть свежим и непротухшим.

Правило второе — набирай высоту. Забудь о лживых советах приятелей не делать карьеру. Поднимаясь по ее ступеням, больше шансов встретить потенциальную жертву. А достигнув высокого положения — использовать его в личных целях. Просторные кабинеты с мягкими диванами и право вербовать секретарш — прерогатива больших начальников. Неужели ты хочешь лишиться себя этого удовольствия только потому, что кто-то сказал: «Легче верблюду проскользнуть сквозь игольное ушко, чем богатому — в царствие небесное»?

Правило третье — нападай только на растерянного, утратившего моральную стойкость противника. Самая неприступная красавица переживает порой приступы одиночества и тоски. Ас должен вынырнуть из-за облаков только в тот трудноуловимый момент, когда ее выгнали с работы, бросили в личной жизни и обругали в общественном транспорте. Внуши, что именно ты тот самый, кого небеса послали, чтобы решить все ее проблемы и даже принести кофе в постель. На несколько недель можешь забыть о мужском достоинстве. Умоляй и стой на коленях. Прикидывайся помешанным на почве неразделенной страсти. Симулируй даже любовь до гроба, если нет другого выхода. В случае удачи ты себе все простишь. Ведь это не более чем отвлекающий маневр, венцом которого должна стать

длинная, сладострастная очередь раскаленной спермы, посланная прямо в цель. После чего — неизменный боевой разворот и уход к новым встречам в сияющем небе.

Надеюсь, не нужно напоминать, что атака получится эффективной только в том случае, если ты следишь за своим оружием и мотором. Час в день в бассейне или на турнике — профессиональная обязанность донжуана высокого полета. Блестящая физическая подготовка повышает психологическую устойчивость. Снимая одежду, ты должен быть уверен, что ослепишь еще чем-то, кроме шелковых семейных трусов, свидетельствующих о твоём высоком общественном положении. В противном случае из элитного истребителя есть риск превратиться в неповоротливый ночной бомбардировщик, покоряющий женщин только метанием толстых пачек долларов.

Замечено, что жертвы автомобильных катастроф подсознательно стремятся к оживленным дорогам. То же самое можно сказать и о клиентуре соблазителя. Привлеченные мощной воронкой агрессивной ауры, беспомощные нежные создания будут сами втягиваться в шлейф твоей славы, теряя волю к сопротивлению. И тогда встанет только один вопрос: как отмечать одержание победы?

Для этой цели на моем рабочем столе всегда стоит модель МиГ-3 — самого элегантного истребителя Второй мировой. Красными звездочками, как в советских ВВС, к его фюзеляжу пригвождены души сбитых женщин. Белыми, как у американцев, — если соблазненная имела честь быть девственницей. Случайные, не имевшие продолжения связи в поездах и на курортах обозначены скромными черными палочками на хвосте — так шифровали удачи асы люфтваффе.

В этой коллекции нет только так называемых «побед в группе» — они не достойны джентльмена, уважающего уголовный кодекс.

Укрощение корыстолюбимой

*Букет для женщины всегда слишком мал.
Любой подарок — всегда слишком дешев.
Она всегда заслуживает чего-то лучшего.*

Женская алчность так же безгранична, как Вселенная. И так же, как Вселенная, имеет тенденцию к расширению. Шагающую в ногу с веком мадам уже не удовлетворишь марш-броском в Крым и заряженным любовью принцем на белой «девятке». Чтобы испытать экстаз, ей необходим «Мерседес» и утренний бриз на острове Тенерифе — хотя она до сих пор не помнит, где это находится. В идеале же рай для дочери человеческой должен помещаться прямо в банке, а Бог работать кассиром, оплачивающим счета по первому требованию.

В жадности женщины есть что-то от наивности дикаря. Тот, кому приходилось бывать в недоразвитых странах, знает, в какой восторг приходит абориген при виде белого человека. Каждый турист кажется ему как минимум Рокфеллером, готовым тут же вливать доллары в местную экономику в обмен на замызганные бурнусы и огрызки папируса с портретом жука-скарабея.

Примерно те же переживания сотрясают и женщину, в убогой жизни которой появляется элегантный красавец, созданный в тренажерных залах и секретных лабораториях парижских кутюрье. Почему-то она считает, что представитель этой редкой породы мужчин тут же уподобится языческому жрецу и начнет вызывать магические дожди из банкнот, осыпаящих бедную Золушку с головы до ног. При этом ей невдомек, что молодой человек, возможно, уже совершил несколько преступлений против человечества за право носить ремень от Hugo Boss, а потому мечтает только о том, чтобы отстегать им кого-то по хитрой пухлой заднице, корыстолобиво подрагивающей на высоких каблуках.

Излюбленные женские поговорки «неплохо бы купить» и «хорошо бы приобрести» преследуют мужчину всю жизнь вплоть до того момента, когда он окончательно убеждается, что выгоднее всего вложить капиталы в простой сосновый гроб. Причем, не для нее, а для себя. А до этого несчастный десятилетиями блуждает по выбранному женщиной ложному пути, отovarиваясь никому не нужными стиральными машинами и таблетками от головной боли.

Наиболее трагическая ситуация, как всегда, сложилась в Соединенных Штатах. Бездонные американки уже давно мутировали в обыкновенные счетчики с вторичными половыми признаками. Только по форме сохраняя человеческое подобие, эти игральные автоматы заняты исключительно выдумыванием новых поводов для сдирания штрафов с заокеанских мужиков, отупевших от пожирания дешевой гамбургятины. Громадные бройлерные культуристы и директора крупнейших корпораций безропотно платят отступное своим бывшим супругам, вместо того, чтобы, купив

систему федерального правосудия на корню, скопом отправить их вместе с отпрысками в воспитательный дом.

Женское взяточничество еще кое-как объяснимо, если речь идет о заслуженных патриархах мужского мира, наполненных жизненным опытом до краев — генералах в отставке, подержанных киногероях и миллиардерах на покое. Чтобы высечь из этих пресыщенных самцов хоть искру прежнего воодушевления, действительно необходим изощренный профессионализм. А профессионализм всегда чего-нибудь стоит.

Но бандиты в юбках пытаются запустить руку даже в карман прыщавого юнца, подсчитывающего свою первую зарплату, и начинающего менеджера, из последних сил разорившего своего первого конкурента.

Втайне женщины всегда будут обожествлять наши финансовые просчеты. Судьба Клеопатры, которую Цезарь взял на содержание вместе с ее обанкротившимся царством, вместо того, чтобы отдать на растерзание озверевшей солдатне, служит для них вечным примером. Они мечтают ничего не делать и иметь все. Но, к счастью, есть и другие исторические прецеденты. Великий Петр в ответ на счет, присланный одной из английских актрис, только хладнокровно заметил, что в своем отечестве привык покупать женские поцелуи по копейке за дюжину.

Букет для женщины всегда слишком мал. Любой подарок — всегда слишком дешев. Она всегда заслуживает чего-то лучшего.

А поэтому лучшее, что можно придумать, не дарить ей ничего.

Тем более себя.

P.S.¹ Если в пример для подражания пробивается полоумный субъект в съехавшей на ухо шапке, сотрясающий ресторан ночным криком: «Гуляй, бояре!» и требующий шампанского себе (ящик), своей лошади (ведро), своей даме (ванну) и своим цыганам (каждому по бутылке), то такое общество можно сразу тащить в лапек приема стеклотары. Ему конец.

Не спорю, парня в шапке можно назвать великому-чеником щедрости. Но страшно даже представить, если все мы, прочие мужики, станем ему подражать. Финансовый кризис обеспечен.

Всем хорош Сергей Паратов из «Жесточкого романа». Только пришлось ему расстаться со всем — и с пароходом «Ласточка», и с любимой Ларисой. Прощай кутеж, привет похмелье! Так почему же о Паратове тоскуют женские души? Лучше бы он был рыцарем скупости. Тогда бы драма на Волге обернулась легкой комедией.

Откровенно говоря, я просто не понимаю, зачем нашим дамам цветы. Вещь — бесполезнее огурца. Что — ими закусывать можно? Поддерживая эту выгодную только цветочным фирмам традицию, мы оказываемся глупее обезьян. Самец шимпанзе подарит своей избраннице банан. Но коллекционную орхидею — никогда! Зато никто не слышал, чтобы джунгли сотрясала великая депрессия. У них там все разумно устроено. Потому что никто никому не дарит цветы.

Стоит ли печалиться, если вместо одного жалкого пакетика импортных макарон ваш кормилец (за ту же цену!) притащил две роскошные, неподъемные пачки отечественных? К тому же серых — значит, экологи-

---

¹ Тема оказалась столь важной для судьбы цивилизации, что впоследствии я вынужден был еще раз вернуться к ней.

чески чистых, без красителей и вредных добавок! Ваш друг — умный. Он о вас заботится. Кроме того, он поддерживает национального производителя.

Вы не довольны, что пригласивший вас мужчина предложил в баре только стакан апельсинового сока? А, по-моему, он просто кутила! За ту же цену на оптовом рынке можно купить полтора литра точно такого же. И распить их на лавочке, дыша свежим осенним воздухом.

А как вам понравится, если я скажу, что в Европе каждый, независимо от пола, расплачивается за себя сам — если он, конечно, не проститутка и не проститут. А мы движемся в Европу! Пора привыкнуть, что даже на оптовом рынке сок на двоих придется покупать вскладчину! Чтобы чувствовать себя независимой личностью, а не девушкой на содержании.

Предложение кавалера выпить в баре рюмочку дорогого ликера должно привести благоразумную барышню в содрогание. Первое, что подумала бы на ее месте любая волчица: «Этот волк хочет, чтобы я умерла от цирроза печени — только поэтому он собирается купить мне такой дорогой яд!»

Почему кого-то должно удивлять, что в моей квартире отличный ремонт, а в полупустом холодильнике лишь самые необходимые здоровые продукты? Только умеренностью можно достичь благосостояния. Финансовые махинации и игра на бирже — не для всех. Остальным придется потуже затянуть пояса, если они хотят отремонтировать в евростиле хотя бы будку для любимой собачки.

Кроме того, неужели толстый, одышливый, «ни в чем себе не отказывающий» жених, рискующий схватить инфаркт прямо в разгар любовных игр и вогнать вас в безумные траты на врачей, лучше тощего скупер-

дядя? Пусть он ничего не ест и вам не дает! Не нужно будет платить за препараты для похудения.

Богатые нации имеют плохую репутацию. За копейку удавится — говорят о немце. А ему хоть бы что. У него все нормально с самооценкой. Он знает, что обязательно найдет свою милую умную Гретхен, которая, если он расщедрится, одернет ефрейторским тоном: «Ты что, Ганс, хочешь нас разорить? Это платье мы купим мне только, когда оно появится на распродаже!»

Апофеоз женщины будущего

Чтобы заставить дам занять по праву полагающееся им место в авангарде прогресса, мужчинам следует объявить временный мораторий на сексуальные отношения.

Богатства женской души — ничто в сравнении с сокровищами ее сундуков. Первые — улечиваются, как хорошее настроение. Вторые — можно щупать вечно. Это понимали даже варвары. В старые времена счастливую невесту со свекольными щеками везли в дом жениха верхом на горе перин в сопровождении обоза с домашним скарбом и ревущего стада крупного рогатого скота — зрелище не менее сильное, чем завоз товара в супермаркет. В качестве обязательной юридической формальности новобрачной полагалось иметь при себе грамоту, торжественно удостоверявшую, сколько десятин пахотной земли отныне переходит в цепкие лапы ее любящего супруга.

Возвышенную красоту этой сцены отрицали только воинствующие большевики, пытавшиеся ради мирового счастья скрестить двух полуголодных разнополых строителей коммунизма в предоставленной государством конуре заводского общежития. Но эксперимент не удался. Будущее принадлежит усовершенствованным идеалам прошлого.

В третьем тысячелетии первобытный размер женской груди и естественный цвет волос не будут представлять ни малейшей рыночной ценности. Новые технологии этого не позволят. Женское тело станет всего лишь инструментом в руках диетологов и косметических хирургов. Моду на тряпки заменит помешательство на метаморфозах красоты.

Уже в 201... году «в струе» будут «ноги-ходули» и «бюсты-невидимки», а толпы девушек бросятся в распахнутые настежь ворота ремонтных заводов, требуя немедленно удлинить первое и уничтожить второе. Но уже через пару сезонов диктаторы эстетических норм убедят всех в том, что высшая ценность состоит в обладании хорошо откормленной плотью рубенсовской красавицы. И несмотря на то, что женщины, как известно, ненавидят сладости и больше всего на свете обожают изнурительные занятия спортом, модницы примутся поглощать вагоны пирожных, а особо нетерпеливые — обзаводиться пикантными силиконовыми животиками и искусственной кожей, имитирующей целлюлит, по цене дороже крокодиловой. И никто даже не догадается, что новое поветрие будет вызвано переизбытком производства текстиля в Юго-Восточной Азии и продуктов питания в Украине, которая вступит вдруг ни с того, ни с сего на тропу бурного экономического развития.

Следующим шагом изобретательных акул прекрасного станет появление стиля «унитело», превосходящего все остальные массовостью маркетинга. Каждая будет считать долгом чести иметь все такое же, как у любой другой каждой — среднюю талию, средние бедра, выразительные средние глаза, объединяющие основные признаки европеоидной и монголоидной рас, и практичную, требующую минимального ухода пигментацию мулатки. Параметры, выведенные на

основании математических формул, женщины воспримут с тем большим энтузиазмом, что реклама убедит их: только наличие универсального среднестатистического тела — единственный действенный способ застраховаться от мужских измен.

Естественно, выдержать все эти удары судьбы сможет только финансово независимая, твердо стоящая на ногах «селфмейдвумен». Третье тысячелетие — эпоха мужского отдыха, право на который мы заслужили изнурительным умственным трудом.

Именно мы вывели комбайны на просторы полей и кухонь, заменили крестьянскую лошадку неутомимым железным жеребцом и оснастили машины автоматическими коробками передач, сделав управление ими доступными даже пятилетней девочке. Мы открыли Америку, слетали на Луну, навели порядок и демократию и даже придумали противозачаточные таблетки — хотя последнее никоим образом нас не касалось! Женщины же за это время, закоптив миллиарды сковородок, в лучшем случае научились более-менее сносно жарить котлеты. Настал час потрудиться и им.

Они так долго добивались равных прав, что пора рассчитаться за них соответствующими обязанностями. В законодательстве развитых стран должна появиться статья, сурово наказывающая женщин за попытку травмировать мужскую психику бестактными требованиями инвестиций. Финансовое обеспечение вашей самореализации — не наше дело. Нам это не интересно. Мы плохо воспитывали детей. Мало зарабатывали. И совсем не заботились о будущем. Все это вы сделаете лучше нас — ибо на то вы и лучшая половина человечества. И раз женщины так убеждены в своем умственном превосходстве, то пора на деле доказать свой чрезмерно разросшийся «ай-кью».

Биржи, офисы, научные лаборатории и даже генеральный штаб следует предоставить в их полное распоряжение. Легко обвинять мужчин в звериной

жестокости, когда, забрызганные кровью невинных жертв, они приносят в дом вкусную диетическую булочку, дабы возлюбленная-вегетарианка не упала в голодный обморок. Женщины, естественно, устроят мировой порядок без этих антигуманных эксцессов.

Колониальные войны и перестрелки на улицах отойдут в легендарное прошлое. Политических соперниц будут устранять не громыхающим выстрелом в висок, а аптечно выверенной порцией яда. А преступников перевоспитывать в обычных школах, доводя до столбняка проповедями учительниц, ознакомленных с тайнами бытия, согласно инструкции Министерства образования.

Конечно, не все женщины сразу шагнут на путь восхождения. Многие из них хотят жить постаринке, в силу природной застенчивости подталкивая вперед не себя, а нас. Но я знаю способ, как переломить ход истории.

Чтобы заставить дам занять по праву полагающееся им место в авангарде прогресса, мужчинам следует объявить временный мораторий на сексуальные отношения. Примерно на протяжении двух недель общение с женщинами будет ограничено совместными походами в театр и обсуждением просмотренных фильмов. Для современных мужчин, ослабленных алкоголизмом и гиподинамией, такое непродолжительное воздержание не будет утомительным. (Высокоспортивный и некурящий автор этих строк не в счет, но ради общего блага и он попробует пострадать.) Зато потом мир вступит в эпоху сбывшихся женских грез. Причем, сразу всех. Даже высказанных как бы между прочим.

И тогда я торжественно провозглашу начало апофеоза совершенной женщины будущего — единственного существа, которое я способен добровольно прославлять. Но только при условии, что оно самостоятельно заплатит за свой постамент.

Из цикла «Хамло женского рода»

Ударницы гламура

*И как таких ярких птиц занесло
в наши глухие малофоссийские хутора?*

Простая баба расстается с жизнью легко. Намучившись и натерпевшись, она уходит незаметно, как жила. Другое дело — светская дива. Ее провожают на тот свет, как любимую собаку или маршала Жукова — с военными почестями и всенародной скорбью.

У Украины это еще впереди. Сливки общества у нас регулярно слизывали во время революций и голодоморов всяческие упыри. Аристократов резали на корню. Голубой кровью заряжали городские фонтаны. Так что всех наших нынешних так называемых «светских дам» сделали в советские времена. В лучшем случае на Броварской мебельной фабрике. Отсюда и проблемы. Киевский высший свет выглядит как банда атамана Грициана Таврического, въехавшая в господский особняк и нацепившая чужие вещи. Манер нет. Традиции утеряны. Антиквариат растащен быдлом. Совсем недавно ведущие светской хроники даже не могли решить, о чем спрашивать такого гостя в первую очередь: каких художников предпочитаете или какие трусы носите? Я не шучу! Это исторический факт!

Да и сейчас мало что изменилось. Месяц назад один такой «интервьюер» пытал-пытал меня о секретах творчества в передаче якобы «о литературе» (хотя сомневаюсь, что он вообще умеет читать), пялился-пялился на мой костюм, а потом взял да и брякнул о наболевшем: «Вам какие модные брэнды ближе всего?» Пришлось ответить наглецу: «Все одинаково далеки, кроме формы офицера русской императорской армии!»

Между прочим, мундир этого самого офицера (только мундир — без штанов, фуражки, сапог и шпор!) сейчас стоит на антикварном аукционе 10 тысяч долларов. По цене — вполне «от кутюр». Готов поспорить: ни их Гальяно, ни наш Залевский такого не пошьют! Секрет утрачен еще в 1917-м! Уже Ленину пришлось бегать по броневичку в пролетарской кепочке и кургузом пиджачке.

По сей причине мною приветствуются любые попытки изобразить «хороший тон». Даже самые дикие. Это ничего, что супруги наших «новых» иногда похожи на самок белого какаду с Молуккских островов. Зато рассуждают они, как жены британских лордов: «Образование детям нужно давать только в Британии... Это однозначно... Лучшие бутики в мире — лондонские...» — все из их перлов! Непонятно только, как таких ярких птиц занесло в наши глухие малороссийские хутора. И почему эти гранд-мадамы так любят распространяться о своем аристократическом происхождении. Дескать, служил прадедушка в лейб-гвардии, забыла в каком полку... Как же, так я и поверил! Служил он в лучшем случае кучером в петроградском ЧК — там и на аристократов насмотрелся, когда их выводили в расход.

Гламурная жизнь требует исключительной выносливости организма. Нужно с утра до вечера навязыв-

вать себя как новую разновидность тампакса. Это только по официальной версии глупая пресса души не чает в своих героях. Папарацци к ним в окна лезут. Журналисты стоят в очередь, чтобы записать для истории очередную нетленную мысль. Хакеры взламывают домашние электронные архивы с пикантными снимками. А я помню другое. Как ломилась в дверь отдела культуры газеты «Киевские Гадости», где я тогда трудился, «всемирно известная красавица и фотомодель, мисс Украины и ее окрестностей» Саша Неналаенко (дадим ей такой псевдоним — надеюсь, узнаваемый). Бедняжка только что съездила в США и обходила редакции с пачкой фотоснимков, которые сопровождала комментарием: «Смотрите, как интересно! Это я на яхте в каюте, где однажды спал Клинтон!» С тобой он, что ли, на той яхте спал? Добрая наша заведомо Вика бедняжку-золушку пожалела и фотки для публикации взяла, а потом по секрету, когда Сашенька уже улепетнула, вильнув карьеристским задком, цинично объяснила: «Все равно писать ничего не хочется. Да и ставить нечего — забьем полосу фотографиями койки, на которой Клинтон ночевал».

А сколько пришлось мне побегать от «выдающегося художника» Сережи Пиаркова! Вот же прилипучий был человечик! Гора идей! Я в парламент — он уже там. Зайдешь в Минкульт — с порога в нашего Рафаеля вступишь. Он там одно время то ли сторожем, то ли советником на общественных началах при госпоже-министерше Оксане Белозвизд подъедался. Мобильник с утра включишь — опять Пиарков! Звонит, проповедует панамериканизм, не спится ему! И чего, спрашивается, не в Техасе, а под Киевом поместье свое бетоном обводит? Команчей боится? Так наши мужички его надежнее любых индейцев во время

очередной «колиивщины» сожгут! Напрасно он их народную смекалку недооценивает.

«Олесь! Ты должен взять у меня интервью! — наседал Пиарков, тряся жидкой бородашкой, как у сельского дьячка. — Это будет круто! Ты — скандальный! Я — скандальный! А потом снимемся на капоте моего джипа! Что бы все видели, как я его затюннговал!»

Так хотелось ему ответить: «Поехали, Сереженька, в Ирак, взорвем американский танк, настрижем дурных американских голов, а потом — по финке в зубы — и сфотографируемся на фоне этого безобразия! Тебя тогда точно в Америку не пустят. А мне она и даром не нужна»... Едва сдержался. Ведь не поймет же, азиат! Никакого у него чувства черного юмора — точь-в-точь, как у г-на консула Северо-Американских Соединенных Штатов.

В последнее время появилась еще одна категория граждан — профессиональные борцы с гламуром. Ирэна Мавпа, например. Вроде писательница. Но писать не умеет. Вроде красавица. Но взглянуть страшно. Вроде мыслитель. Но мыслей нет. И (чуть не забыл!) покорительница сердец не просто мужских, как Светлана Кольнова, а бисексуальных — по официальной версии сношает в извращенной форме все, что движется — даже детенышей хомячка. А по неофициальной, которой я больше доверяю, просто мастурбирует — так как с ней никто спать не хочет. Даже муж. Раздвинула границы сознания — перелезла через стену гламура и стоит теперь с другой стороны — там, где городская свалка. Говорит, что так свободнее. Конечно, свободнее — мыться ж не надо! По мне же, с какой стороны забора не стань, все равно воли не видать. Как и на всем Земном шаре, который, по моей философии, просто большая благоустроенная тюрьма

с материками и океанами, но без возможности побега за пределы стратосферы.

Жить по гламуру сложнее, чем не по лжи. Пиджак должен быть не просто пиджаком, а непременно от Бриони. Голова — от хороших родителей. Женская грудь — минимум третьего размера. Если есть — своя. Если нет — силиконовая. Тоже недешевое удовольствие — от 3 тысяч у. е. и выше. Плевать на пол — нельзя. Пить из одноразового стаканчика — «заборонено». Ездить на «Форде» — только если он «Мустанг» середины 60-х. А лучше — сразу на «Порше». На «Мерседесе»? Нет, не гламурно. Вчерашний день. И на «Порше» скоро будет тоже не гламурно. Так что нужно спешить — купил, поездил и лохам подарил. А сам пешком — на гламурных конечностях. Вперед, вперед! Гламуру нет предела!

Девушка напрокат

Украина напрасно сражается с продажной любовью. Бабушка просто забыла свою боевую молодость, когда грешила групповым сексом одновременно с ляхом, турком и москалем.

Государство стремится контролировать все. Не только финансовые потоки, но даже ручейки спермы. Как прирожденный вуайерист оно хочет знать, в какие клоаки граждане сливают излишки энергии.

Но полученной информацией наш государственный организм не пользуется.

Виновата в этом его глубочайшая дряхлость. Существовая с незапамятных времен, делясь и размножаясь, государства успели накопить массу наследственных заболеваний и психических отклонений. Некоторые из них даже рождаются биологическими старцами.

К примеру, Украина — явно бабушка с первого независимого крика: «Ганьба!» в 1991 году. Она страдает нарциссизмом, старческим слабоумием и половой немощью. Первое доказывается обилием официальных праздников. Второе — отсутствием национальной идеи. Третье — сокращением народонаселения рекордными темпами.

Мы не собираемся никого завоевывать. Ни с кем не соревнуемся. И даже не снимаем кино. «Ще не вмерлы» — и то хорошо.

Ясно, что любой пенсионерке для оправдания существования нужны подходящие спарринг-партнеры. Порывшись по сундукам, Шапокляк в вышиванке нашла их в проституции и порнографии. «Мы превращаемся в заповедник секстуризма! — орет, как изнасилованная, свободная пресса. — После отмены виз немцы едут не смотреть Печерскую лавру, а щупать задницы киевских студенток!»

Ну и что? Чем больше наших баб измерят своими влагилицами заграничные члены, тем меньше иллюзий у них останется. Пусть сравнивают. Мир до конца можно понять только экспериментально. Не хотели москаля — нате немца! Не можете постигнуть умом, изучайте другим органом.

Зато теперь известно с научной точностью: украинского женского счастья не существует в природе. Продавая свое тело по мировым ценам, наши Катерины все равно не научились получать на сдачу счастье. Стоит послушать их разговоры, когда они делятся производственными впечатлениями. Шведы — жадные. Швейцарцы — тупые. Англичане — странные.

Хорошие отзывы от одной знакомой интердевочки я слышал только об итальянцах. Да и то потому, что, заплатив деньги, те любят лизать девку промеж ног, как фанатик икону. «Итальянцы — н-е-е-е-е-жные», — сладко закатывая глаза, цедила моя собеседница, словно присосалась к дорогому коктейлю долларов за пятьдесят. Уверен, обожравшись средиземноморской нежности, ей захочется простой отечественной кухни — с огурцом и квашеной капустой. Но будет поздно. К тому времени мы окончательно перейдем на азиаток из Таиланда.

Или отправимся европеизироваться в Польшу — буквально рядом, за пограничным столбом, ждет нашего вторжения распутная католическая страна, усеянная кабинками для отсоса избыточной сексэнергии и легальными публичными домами. Варшава вечером — ничуть не хуже Рио-де-Жанейро. Рекламки заведений разврата усеивают тут все улицы, телефонные автоматы и лобовые стекла автомобилей. Местные разносчики суют тебе их прямо под дворник, чтобы ты не забыл посетить ночью самые интересные достопримечательности древнего города на Висле. А днем можешь шляться по секс-шопам. Тут они величиной с киевский гастроном! Европа! Хотели люди в Евросоюз и добились своего — заняли в нем достойное место!

Что заставляет одну труженицу сидеть целый день в офисе, а другую — гулять всю ночь по панели, неизвестно. Но поменяй их местами — погибнут обе. Каждому свое. Несомненно другое: в подавляющем большинстве женских душ живет проститутка. Просто часто она не активизирована. Или настроена работать по пожизненному найму — как служащий солидной японской компании.

Выходить каждый вечер на работу — трудно. Нужно держать себя в форме, нервы — в руках, а ноги — в ботфортах на таких каблучищах, в которых далеко не убежишь. Не каждой удастся устоять на этой головокружительной высоте! Замужем проще. Нашла мужа и все — экстрим кончился. Можно сдавать стринги в утиль.

Но точно так же, как и доярки или учительницы, продажные женщины делятся на три категории. Половина из них — врожденные халтурщицы. Хоть член, хоть доильный аппарат они будут обслуживать исключительно непрофессионально. Даже если занимаются этим всю жизнь.

Причем за любые деньги! Можно накинуть сверх положенных по киевским расценкам пятисот гривен в десять раз больше — все равно будет жевать прибор, как корова силос. Еще и развлечет напоследок историей про свою больную бабушку. Постоянные потребители сексуальных услуг добровольно обмениваются на сайтах информацией о таких бракоделках, чтобы не попадаться снова. Их боятся пуще СПИДа.

Еще сорок пять процентов девушек способны кое-как симулировать трудовой энтузиазм. Стахановки из них не получатся. Но обычные средние уличные ткачихи — выходят. Даже швей-мотористки, способные обслужить до трех клиентов за ночь. Втайне эта категория работниц тяготится своей деятельностью. Но виду не подает, так как родители научили ее добросовестно относиться к труду.

И, наконец, последняя разновидность ночных бабочек порхает исключительно по призванию. Это может быть скромная студентка, зарабатывающая губками на новую сумочку или модное пальто; примерная жена, не вызывающая никаких подозрений; или суперпрофессионалка, заслужившая своими услугами квартиру на Крещатике.

В любом случае, они отдаются по максимуму, ибо не умеют иначе. Не просто «с огоньком», как вторая категория, а с целым крематорием страсти. «Я очень популярная! — говорила мне одна из них. — Меня берут даже такие люди, как...» (Дальше следовала фамилия известнейшего в Украине олигарха, рекламировать которого за так я не намерен.)

Естественно, проститутка по призванию обожает деньги. Но ей важно еще и удовольствие от процесса. Кроме оргазма, она способна испытывать вдохновение, ничем не отличающееся от того, что посещает любого творческого человека.

Клиент для нее — муза. Кровать — лист бумаги для короткой новеллы с неожиданным концом или для длинного романа с продолжением. Есть рукодельницы, способные настроичить невероятно пухлые тома! Они стареют вместе со своими постоянными заказчиками, приноравливаясь ко всем изгибам их биографий.

Украина напрасно сражается с продажной любовью. Бабушка просто забыла свою боевую молодость, когда грешила групповым сексом одновременно с ляхом, турком и москалем.

С тех пор немало отошло вод. Родились новые поколения, не помнящие об историческом прошлом. Но по-прежнему самой успешной в мире украинкой остается Роксолана, продавшаяся султану вместе с верой и потрохами.

И пока будет так — ничего не изменится. Когда отовсюду слышишь: «У нас забрали все!», стоит ли удивляться, что многие выносят из дому то, что осталось — то есть, самих себя?

Истина скрывается в самых неожиданных местах. Когда — в вине. Когда — в банковском сейфе. Иногда она может прятаться даже между двух продажных женских ног. И от этого не перестает быть истиной.

Лишняя вещь в доме

*Гордые и красивые всегда бежали из дому,
чтобы творить благо и злодействовать.
Уйти в пираты или святые — вечная муж-
ская мечта.*

Научкой доказано: от частого употребления женщина портится. После года совместной жизни с ней не можешь отделаться от впечатления, что несчастная объелась грибков-галлюциногенов. Каждая ее фраза — тяжелый бред. Каждый жест — иллюстрация к истории болезни. Каждый поступок — повод для помещения в психиатрическую лечебницу.

Нет ничего страшнее, чем проснуться однажды утром рядом с законной половиной, стянувшей с тебя одеяло. Баба расслабленно потягивается, чешет дремучую подмышку, воображая себя Джулией Робертс — жизнь удалась! Заведя себе мужа, она уверена, что так будет вечно. Ее финансовые проблемы — теперь твои. Ее фантазии — как пыль, по всему дому. Ее головная боль завелась и в твоем мозгу. А если не завелась — тем хуже. Самка в шоке — отчего это ты, подлец, ничего не испытываешь? Даже сочувствия?

Поэтому, угрюмо уставившись в потолок, спрашиваешь: как это меня так угораздило? Ведь читал же в детстве: «Женись, мой друг, когда уже ни на что не

годен!» Это толстовский князь Андрей говорил толстовскому же Пьеру Безухову. Знал Лев Николаевич толк в семейной жизни! Недаром чуть не пришиб однажды супругу обычной пишущей машинкой. Жаль, промахнулся! Не пришлось бы перед смертью из Ясной Поляны бежать. Умер бы, как приличный человек, на чистой постели, а не на железнодорожной станции среди чужих людей. И зачем, спрашивается, такие хорошие романы писать, если живешь все равно не по ним, а по семейному кодексу?

Сколько ни наблюдаю за женщинами, все чаще прихожу к выводу, что Дарвин ошибся. В животном мире у нас с ней разные предки. Мы, мужчины, произошли от интеллектуальной обезьяны. Она — от таракана.

Во-первых, у нее тараканы в голове. Во-вторых, заводится на кухне, как таракан. В-третьих... Какая разница, что в-третьих, если и так понятно, что за беда!

Субботнее утро — тяжелое испытание для любой семьи. Вроде все сделано. Еще вчера. Вроде никуда не надо спешить. А сбежал бы сразу. Лишь бы не слышать, как она допрашивает: «Какие у тебя планы на сегодня, дорогой?»

Был бы действительно «дорогой» — промолчала бы. А, может, я размышляю о смысле жизни? Или изобретаю новейшую философскую систему? Или просто приблизился к пониманию категории «бесконечность»? Причем, не на теоретическом, а на образном уровне. Так, что даже и ей сейчас бы все объяснил.

Нет, всегда под руку! Вякнуть некстати — ее обычный прием. Как та спартанка, что, провожая сына на войну, прогнусавила: «Или на щите, или со щитом!» А то без нее не знали бы! Мужская жизнь всегда между

двумя этими позициями. А еще чаще — без всякого щита с одним кинжалом в зубах на танки. Ее же привилегия — сидеть у нас за спиной, которая, как известно, лучше любого щита. И при этом зудеть хуже свежепосоленной ранки.

Все женщины до гробовой доски желают оставаться папиными дочками. Им нравится, когда их ладошка целиком в отцовском кулаке. Они обожают подарки и комплименты — всегда искренние и непременно из сильных рук. Если из мужчины общество целенаправленно выбивает сначала плаксивую бабу, а потом несмышленного мальчика, то на маленькую девочку в здоровенной тетке смотрят сквозь пальцы. Дескать, как-нибудь уживутся одна в другой — по принципу матрешки.

Но уживаются они плохо. Как и все, что страдает раздвоением личности. Так и не ясно, что в следующую минуту выскочит из этой куклы — существо, желающее остановить на скаку коня, или боящееся войти в самую обычную (даже не горящую) избу, где установлена расстеленная двуспальная кровать.

Дать, не дать — любимая девичья игра. Или дать так, чтобы никогда больше не захотелось. В результате, мужчина, узнавший на практике, что такое женская душа, навсегда уходит к проституткам. Дабы отныне общаться только с телом — без сопутствующих ему вредных примесей.

Вся социальная история человечества — летопись мужского бегства от семейных ценностей. Дом философа подобен казарме. Марк Аврелий жил в полевом лагере на границе с германцами. Диоген — в бочке. Наш Скворода — шлялся между чужими домами на манер бродячего бомжа. Скромность обстановки не помешала первому оставить классические «Наедине с

собой», второму — послать на хрен Александра Македонского, а последнему — увековечиться всего одной фразой: «Мир ловил меня, но не поймал!»

Гордые и красивые всегда бежали из дому, чтобы творить благо и злодействовать. Уйти в пираты или святые — вечная мужская мечта. Только мужчина способен раздать все свое добро бедным или наоборот отобрать у них все. Некоторые умудряются делать даже то и другое, попеременно подражая то Чингиз-хану, то Иисусу Христу.

Женщина на такую душевную ширь не способна. Она может только тащить все в дом, к концу жизни окончательно превратив его в склад ненужных вещей, где нет ничего более лишнего, чем она сама. Но никто еще не видел мужчину, все страсти которого сводились бы к одной убогой формуле — жениться, жить долго и счастливо и умереть в один день со своей женой. И даже если такой оригинал найдется, то даже самые отчаянные феминистки признают его не мужчиной, а тряпкой.

В мировой истории существовало только одно идеальное общество — Запорожская Сечь. Классическая страна матриархата — Украина — подарила высшую формулу женоненавистнического мужского союза. «Незванный гость хуже татарина», — гласит поговорка. Но, оказалось, баба хуже даже незваного гостя. Поэтому казаки предпочитали жить прямо в Диком Поле, деля его с татарами, — лишь бы не жениться никогда.

Половую потребность они удовлетворяли, насилуя симпатичных панянок в завоеванных польских городах или глуша ее водкой, а свою численность поддерживали, сманивая у родителей жадных до вольной жизни подростков — точь-в-точь, как турецкий

султан, янычар. Нет ничего удивительного, что этот совершенный мир разрушила именно женщина — царь-баба Екатерина II с выводком своих женоподобных «екатерининских орлов» в напудренных париках.

Но что бы ни случилось, в каждом из нас все равно жив казак. Каждый мог бы повторить за гоголевским Бульбой: «Не слушай, сынку, матери: она — баба, она ничего не знает».

Мы знаем! Две женщины всегда лучше одной. Лишнюю никогда не поздно выбросить. Главное — не держать их в доме.

P.S. Женщину ненавидишь, как вуйко москаля. И «повбывав бы». Но как потом жить — не ясно. На кого зло сгонять?

Модные твари

*Победитель всегда одет в лохмотья.
Запорожские казаки, презирая роскошь,
пускали отобранные у турок шелка
на портянки.*

Из всех божьих тварей тварь модная — самая суетная. Как гоголевский черт, она сучит ножками, дергает пустопорожней головенкой, трясет фалдами — стремится произвести впечатление. В мозгу у нее всего одна мысль: как я выгляжу? Зато она настолько сильна, что полностью подчиняет все ее существо.

По одежке встречают, по уму провожают. Рабы моды помнят только первую часть этой истины. Им хочется, чтобы по ширине лацкана оценивали толщину их кошелька. По длине юбки — крепость моральных принципов. По сверканию дешевых стразов — блеск ума.

Эпоха, сделавшая героями портных, не достойна строчки в учебнике истории. Разве кто-то помнит имя прото-Кардена, пошившего сюртук Наполеону? Разве не лично Черчилль придумал собственный имидж с сигарой и галстуком-бабочкой? И разве не сам товарищ Сталин, без чьей-либо подсказки, почувствовал, что в армии пора вводить погоны, потому что империя построена и нуждается в надлежащем шике?

Сильной личности мода не нужна. Она диктует стиль на века, а не на сезон. Стая мартышек, собравшихся на показ, чтобы выяснить, какую шерсть нынешней зимой носить, не вызывает у нее ничего, кроме презрения.

В великую мужскую эпоху, сто лет назад, для моды был отведен скромный угол на женской половине дома. Чиновники и военные без всяких подсказок помнили, что и когда следует одеть. Последние вообще не имели права появляться в штатской одежде. Фасон мундира утверждал лично царь. Каждый юнкер, получая первый офицерский чин, знал, что августейший модельер раз и навсегда позаботился о красоте его внешнего вида.

Простонародье с единообразной красотостью одевалось в то, в чем теперь скачут на сцене фольклорные ансамбли. Даже адвокаты — лица свободной профессии, выступали в суде только во фраке. «Не снимать фрак неделями» — на их жаргоне означало процветать, день за днем отработывая заказы. Мода в нашем понимании оставалась прерогативой слабого пола, и прощелыг, вроде Голохвастова, у которого, кроме фасона, ничего за душой не имелось.

Теперь времена изменились. Женщины добились с мужчинами равных прав. Но в результате только опустили их до уровня себя. Неудивительно, что центральной фигурой в современной индустрии моды стал знаменитый пидор, растиражированный в десятках копий. Сладенькие мальчики Дольче и Габана, старый очкастый папа Карло Лагерфельд, по-бабьи обмахивающийся помпадурским веером, и целый выводок пухлявых отечественных виртуозов наперстка с железными задницами, по которым так и хочется захватить кавалерийским сапогом — всю эту нечисть отличает одно: атрофия мужского начала.

Пушкин ошибался: нельзя быть дельным человеком и думать о красе ногтей. Ногти даны самцу не для того, чтобы красоваться на выставке достижений маникюрного хозяйства. Ими можно цепляться за неровности почвы, карабкаясь в горы, рвать горло врагу, отмечать маршрут по карте, когда сломался карандаш. В крайнем случае — просто чесаться. Выскоблил из-под них грязь, подстриг ножницами, вделанными в перочинный нож, — и ладно. Вместо того, чтобы шлифовать бархоткой декоративные когти (на портрете Кипренского видно, сколько внимания уделял Александр Сергеевич этой части своих верхних конечностей), поэту следовало чаще упражняться в тире. Тогда бы кавалергард Дантес не уехал из России невредимым, а лег в мерзлую петербургскую землю с аккуратной дырочкой в шинели, не поддающейся никакой штопке.

Победитель всегда одет в лохмотья. Запорожские казаки, презирая роскошь, пускали отобранные у турок шелка на портянки. Роскошный гитлеровский вермахт, вырядившийся, как для посещения театра, расколотила в прах корявая Красная армия в обмотках и брезентовых ремнях. Элегантные американцы, пижонисто засовывавшие пачки сигарет прямо под маскировочный ремень на каске, драпали из Вьетнама от туземцев, обутых в резиновые тапки. Отсутствие в подошвах «вьетнамков» титановых пластин почему-то не помешало гоняться за «зелеными беретами». Как говорится, было бы желание!

Горе стране, президент которой модник. Хрустя перед телекамерами накрахмаленными манжетами, не поднимешь экономику — тут следует засучить рукава. Когда политические обозреватели начинают всерьез рассуждать о парламентской моде, писать в отчетах, у кого из нардепов на руке «Фрэнк Мюллер», а у

кого — «Омега», и прикидывать, две или три тысячи долларов стоит костюм у председателя комитета по борьбе с организованной преступностью, ясно, что такой законодательный орган пора ампутировать. Нечего превращать государственное учреждение в филиал бутика.

Помните, как сторел при Ельцине российский генпрокурор Скуратов? Сначала заказал фирме-донору пару десятков костюмов для себя. Потом стал разгуливать по бане уже без всякой одежды в компании продажных девок. А в результате из «ока государева» неожиданно превратился в человека, только «похожего на прокурора». Странно! Иметь власть — и променять ее на лапсердак, который через год не продашь и на сэконд-хэнде... Интересно, носит ли он сегодня те эксклюзивные костюмчики? Или засунул куда подальше как вышедшие из моды?

Могучие цивилизации разрушались на глазах, прельстившись блестящими заморскими цацками. Экономический баланс Древнего Рима подорвала мода на китайский шелк. Дворянская цивилизация России выдохлась, обставив поместья завезенными из Парижа гарнитурами. Какой прок был Воробьянинову в его гамбсовских стульях? Лучше бы отключил сотню-другую на зарплату полицейским, сторожившим его особняк. Может, не было бы тогда никакой революции. Не пришлось бы гоняться по Совдепии за тещиными бриллиантами, выслушивая от Остапа: «Куда вы? ГПУ само за вами придет!»

В одной из читанных в детстве книжек меня поразила забавный рассказ. Германский путешественник заехал к какому-то африканскому царьку. Того вынесли к гостям верхом на старом продавленном диване, купленном у капитана европейского корабля. Царек использовал его вместо трона, выменяв на пару десятков

соотечественников. На голове у жертвы моды красовалась еще одна «шикарная вещь» — старая медвежья шапка французского гренадера, которую «великий монарх» приспособил в качестве парадной короны. Ничего не напоминает?

Разве не так же разбазарили Советский Союз, обменяв величие на американские джинсы? Я еще помню те времена, когда одноразовая зажигалка с надписью Marlboro считалась чуть ли не символом принадлежности к высшему обществу. Теперь такую можно найти в киевской грязи на улице. А новые продажные твари из телевизора убеждают меня, что модно носить какие-то тряпки от крашенных итальянских педрил, не забудущих прикупить на выручку не подвластную никаким «пискам» виллу на берегу Адриатики.

Мода — всегда дрянь. Она рассчитана всего на год. В следующем году будет новая. А я не покупаю даже жемчуг, потому что через сто лет он непременно состарится. Я люблю все вечное. А вечны в нашем мире только три вещи — земля, оружие и слава. Залевского непременно забудут, как забыли портного Наполеона. Но у него еще есть время пошить мне сюртук. Я расплачусь за него парой строчек в мемуарах, если вещь будет действительно стоить того.

Директива домашнему повару

Каждая семья напоминает маленькую армию, где муж — танковый корпус, а жена — зам по тылу.

Баба вползает в душу наподобие котлеты. Сначала шкварчит, как на сковородке, а потом дает себя съесть. Но, в отличие от котлеты, она имеет способность воскресать и внедряться в твою жизнь надолго. Иногда даже навсегда. Причем, с гарниром — родственниками, домашними животными и детьми.

Тогда ты задумываешься: где ее подлинное место? Куда поставить вещь, чтобы не портила интерьер?

Некоторые всерьез пытаются делать из своих подруг бизнес-вуменш. Мол, смотрите: моя — умная! Не только гимнастику в кровати делает, а еще и считать умеет! Другие вбухивают астрономические суммы, превращая жен в певиц. А как иначе? Не пропадать же таланту, раз человек научился так синхронно открывать намаженный рот под фонограмму? Третьи... Черт с ними, с третьими. У них тоже ничего не получается. Только деньги зря потратили.

Божье откровение в ином: место женщины — на кухне. Нет таких сложных вещей, которые нельзя

было бы свести к простым. Мир устроен элементарно. Им руководят инстинкты. И главный из них — пищевой. На пустое брюхо не работается и не любитя. Тем более, не поется.

Дамы это отлично осознают. Если предложить заняться сексом сразу — редкая согласится. Но если сначала в ресторан — шансы резко увеличиваются. Женщина видит: у мужчины серьезные намерения. Он готов крупно потратиться. Может быть, даже гривен на двести! При виде цифры в счете растет и ее самооценка. В постель с вами ложится уже не дешевая шлюха, а дорогая интеллигентная блядь.

Но, разорившись так разок-другой, прикидываешь: кормить, кроме нее, еще и ресторанного повара — накладно. И заводишь собственного — только женского пола. Обученного по совместительству управлять пылесосом, стиральной машиной и некоторыми наиболее похотливыми частями твоего тела.

Этим актом благотворительности помогаешь и себе, и ей. Бедной девочке больше не нужно заботиться о смысле жизни. Вопрос, быть женой или космонавтом, отпадает сам собой.

На кухне женщина успокаивается. Тут есть что почитать — сборник рецептов и инструкция по эксплуатации электрочайника. Можно попеть — если акустика позволяет. Есть к чему приложить художественные таланты. Например, к обдумыванию дизайна нового разделочного столика.

Некоторые женские особи успокаиваются в этом месте настолько, что постепенно заполняют его собой целиком — лет через десять грудь просто упирается в мойку, а зад — в холодильник у противоположной стены. Лично мне такие экземпляры кажутся пределом совершенства. Они никуда не торопятся, ни за

кем не гонятся и ни за что не пият. А если пият, то не тебя и твой мозг, а мозговую косточку какого-нибудь домашнего животного, попавшего им на обед.

Говорят, повара-мужчины готовят вкуснее. Сомневаюсь. Мой армейский опыт подсказывает иное. В армии не только весь процесс приготовления борща находился в мужских руках, но даже мытье кастрюль. Тем не менее, поесть вкусно там было можно, только забравшись на дом к какой-нибудь сердобольной жене офицера, пожалевшей солдатика.

Помню, была у меня такая. Не женщина — картина! Нет, порнографическая открытка — супруга полковника генерального штаба! Длинноногая, кареглазая... Такие борщи варила — объеденье. Правда, к тому времени я был уже рядовым запаса. А генштаб не советским, а всего лишь украинским... Да какая разница? До сих пор, как живая, стоит в памяти у плиты в одних туфельках и фартушке — ко мне задом, к кастрюлке — передом... Эх, люблю я борщ, господа!

Не тяжелый, скромный, а постный, диетический — с бурячком, с капусткой и (главное!) с сушеной рыбкой по старинному казачьему рецепту — воблой или таранью. Только он — борщ этот — меня с нашей плаксивой Украиной и мирит. С утра встанешь, глянешь на Майдан Незалежности — на похабную девку в веночке с шашлыком в руках... Все, думаешь, еду — к чертям собачьим в Париж навеки! Как Тургенев. Не могу больше выносить надругательства над моим эстетическим чувством! А в обед борщ похлебаешь и попустило — нет, брат, шалишь, сделаем тут страну всем на радость. С двумя государственными языками, со всеми национальными кухнями! И ведь что интересно — в теории приготовлю борщ замечательно. А на практике баба нужна — без нее никак!

Сама по себе женщина — существо крайне жестокое. Можно сказать, вообще без тормозов. Испортить жизнь человеку для нее, что мороженого лизнуть. Но на кухне ее низменные инстинкты сублимируются. Поорудовав топориком, почикав ножичком, нашпиговав чесноком цыпленка табака или набив утиную тушку яблоками, маньячка добреет.

В благоуханном мире гастрономических изысков ей не так хочется ткнуть вас по голове сковородкой, когда вы возвращаетесь под утро с чужой кухни.

Она понимает, что вы просто ходили за рецептами — знакомились с внутренним устройством других поваров и что все это только ради семьи. Как иначе можно понять, что дома вкуснее?

Каждая женщина воображает себя самым уникальным существом на земле. Она убеждена в своей незаменимости для мировой цивилизации. Только попав в руки строгого и справедливого инструктора, можно избавиться от этого навязчивого бреда. Быть Мадонной или Юлией Тимошенко — почетно. Но еще большего уважения заслуживает скромное воспитанное существо, живущее на кухне и помнящее о своих священных обязанностях.

Оно знает, что главное — не думать о малопонятных словах «самоактуализация» и «феминизм», а вкусно и вовремя заваривать утренний кофе, выбирать на рынке свежее мясо и постоянно удивлять чем-то новеньким самого важного клиента — законного супруга.

Только в этом случае кухня существа может стать больше, жизненное пространство — шире, а скромное житейское счастье — заслуженнее.

Каждая семья напоминает маленькую армию, где муж — танковый корпус, а жена — зам по тылу.

Чтобы танки прорвались на вражескую позицию, их нужно заправить соляркой, подвезти боекомплект и развернуть полевые лазареты. Ведь даже после самого успешного боя бывают раненые — они нуждаются в заботе и утешении. Так и в семейной жизни: без домашнего обеда и доброго слова ваш собственный танк никуда не побежит.

В законодательстве Италии есть замечательная статья: мужчина может там потребовать немедленного развода, если жена попыталась принудить его к любой кухонной работе. Все проблемы Украины оттого, что у нас такой статьи нет.

Формы в униформе

*Мужчина жаждет абсолютной власти.
Униформированная женщина всем своим
видом показывает, что готова
к подчинению.*

В моменты редкого просветления любая женщина осознает, что она — всего лишь скоропортящийся товар. Эдакий сексуальный творожок с постоянно колеблющимся от переяданий и диет процентом жирности. Отсюда ее помешательство на упаковке. Не заботясь о своем качестве, самки вида *homo sapiens* только то и делают, что натягивают на себя обертку поярче.

Если архитектура — это застывшая музыка, то дамское платье — замороженная истерика. У типичного мальчика много игр. У девочки только одна — обратите внимание, какая я красивая. Выражение «крик моды» могло возникнуть только по этой причине.

Шубки, юбочки и чулочки. Лак для ногтей и кожаные курточки. Декольте, оборочки и рюшики. Сто тысяч разновидностей бюстгалтеров. И еще столько же фасонов туфелек. Все это придумано с одной целью — убедить мужчину, что под ворохом капустных листов не малоаппетитная кочерыжка, а сладкое сокровище. Уникальное и невыразимо прекрасное.

Но нормальный молодой человек стремится не к уникальности, а к унификации. Его интересует в девушках простота в эксплуатации и взаимозаменяемость. У него свой взгляд на женскую одежду. Платьицу «от кутюр», сигнализирующему, как дорого стоит то, что под ним, он предпочитает стандартный наряд школьницы, медсестры или походно-полевой шлюхи в камуфляже.

Мужчина жаждет абсолютной власти. Униформированная женщина — вызывающе антииндивидуальна. Всем своим видом она показывает, что готова к подчинению.

Как бы далеко ни ушло человечество от первобытного существования, но изначальная форма его бытия — стая — жива до сих пор. Ей только придумали цивилизованные названия — фирма, контора, государство. Вожак всегда имеет приоритет на употребление подконтрольных самочек. В стародавние времена он помечал их лично. Но когда вид размножился, а количество особей переросло осязаемые пределы, маркировкой стала служить форма или хотя бы ее детали, заменившие непосредственный контакт шефа с телом.

Популярная эротическая фантазия — секс в офисе — выросла на этой почве. Деловой стиль одежды — та же униформа. Строгая юбка до колен, белая блузка и папка под мышкой у юной особи, имитирующей трудовую деятельность, может возбуждать не меньше, чем выводок шоу-герлз с перьями в задницах, скидывающих ноги выше головы.

В отместку целая категория женщин тащится от офисных мальчиков в галстуках и пиджаках. Я знал одну продавщицу, которая не могла устоять против костюма в полоску, какой бы негодяй его не носил. Жертва фетишизма так и не вырвалась из плена сте-

реотипов. Увлажняясь при виде каждого молодца, похожего на ее идеал, она до сих пор стоит за прилавком в «Метрограде». Деловой костюм ассоциируется у нее с преуспеванием. Она не верит, что Бил Гейтс ходит на работу в свитере, а президенты давно встречаются без галстуков.

Некоторым романтикам нравятся девушки в матросках и бескозырках. По-видимому, они мыслят свою жизнь как гигантский корабль, чья команда, вплоть до кочегаров, состоит из слабого пола. Поднялся на мостик — употребил «рулевого». Спустился в кают-компанию — шпокнул парочку «стюардов». Где-то между трапами зажал «старпома» с грудью третьего размера. Пока не нападут пираты — плыть можно.

В тяге к медсестрам в обтягивающих мини-халатиках есть что-то глубоко неполноценное. Мужчина, страдающий такой фантазией, ищет в девушке заботливого друга. Ему не хватает преданности и доброты. Вселенная пугает его. Это тип вечного дезертира, предпочитающего отлеживаться в госпитале, пока другие воюют. Его не прельщает мираж вражеского города с домохозяйками, готовыми сдать в сексуальный плен. Он сам уже сдался в обмен на бесплатный укол сочувствия.

Зато субъекты, грезящие о школьницах старших классов, экипированных на манер дуэта «Тату» в клипе «Я сошла с ума», вызывают искреннее уважение. Сворачивание несовершеннолетних — занятие для настоящих мужчин. Белые гольфики и плиссированные юбочки легко могут одеть в тюремную робу. Хотя современное законодательство в этой области, на мой взгляд, слишком строго. Древнерусское уголовное право было куда либеральнее. Оно считало несовершеннолетними только девиц до тринадцати лет. То есть до наступления физиологической зрелости.

Глупо пичкать грудастых десятиклассниц алгеброй и запрещать взрослым дядям делиться с ними азами житейского опыта. Парламенту тут есть над чем поработать. Широкое поле для законодательных инициатив — налицо. Главное, чтобы среди депутатов хватило истинных почитателей «Лолиты» Набокова, а не двуличных извращенцев, блеющих с трибуны о защите культуры, а тайком бегающих в публичный дом.

Огромной популярностью пользуются девушки в армейской форме. Война способствует падению моральных норм. Преступления автоматически становятся подвигами. За то, за что в мирное время могут надавать по шапке, теперь дают ордена. Барышни под пулями возбуждаются легко, понимая, что фронтовые потери приводят к тотальному дефициту мужчин. Динамицы исчезают как класс. Втайне каждый мечтает оказаться на войне. Ухаживания тут сведены к минимуму, ресторанов нет, цветы — только полевые, а огромное количество гниющих трупов вокруг наталкивает самых несообразительных баб на мысль срочно приложить усилия для восстановления сократившейся популяции.

Но никто не хочет женщину-пожарного, женщину-космонавта и женщину-водолаза. Не потому, что огонь, космос и пучина пугают нас. А лишь по той причине, что спецснаряжение лиц этих профессий слишком тяжело для любовных игр. Представьте, что в кровать к вам ввалилось нечто в скафандре. Или в жабьих лапах, воняющих резиной. Немногие захотят делить с таким чудовищем постель. К тому же, в любой момент есть риск пережать какой-нибудь жизненно важный шланг и вместо оргазма стать безутешным свидетелем агонии партнерши.

Зато пикантную горничную из отеля хочет любой. Пятизвездочная гостиница — идеальное место для

воплощения сексуальных идей. В ней имеются бар, бассейн, тренажерный зал и даже собственная дизель-электростанция, автоматически врубающаяся в тот момент, когда во всем городе исчезает ток. Комфортабельные лифты склоняют к разврату. Номера оснащены двуспальными кроватями. Узкие коридоры с ковровыми дорожками сами собой направляют на путь порока. Не мудрено, что тут так и хочется нанизать на вертел покорное существо в передничке, готовое потворствовать твоим самым разнузданным инстинктам. Впрочем, куда чаще роль этих секс-горничных играют самые обычные проститутки, за сто долларов в час перевоплощающиеся в ту красоту, которая, если и не спасет мир, то хотя бы не даст погнубить вечеру.

К сожалению, безупречная внешность — такая же редкость, как святость. Только униформа позволяет несколько сгладить эту вопиющую несправедливость бытия. Должным образом сшитая, она отвлекает наше внимание от недостатков скрытых под нею форм.

Хамло женского рода

Время от времени хамка заводится в каждой девушке, точно так же, как хам гнездится в душе благороднейшего из мужчин.

Традиционно считается, что женщина — животное слабое и болезненное. Поэтому ему принято подавать пальто и уступать место в общественном транспорте. На самом деле это заблуждение. Назвать женщину слабой — то же самое, что презирать холерную палочку за то, что ее видно только в микроскоп. Маленькая да удаленькая! Проникнув в крепкий солдатский организм, зараза выводит из строя целые армии!

Хамка верит в свою исключительность. Не прочитав ни строчки из Ницше и даже не зная его имени, эта дама с рождения гордо несет перед собой знамя сверхчеловека. Все двери мира — для того, чтобы она открыла их ногами. Все мужчины — чтобы вытерла о них ноги. Все яблоки — чтобы понакусывала. Библейская Ева несомненно была хамкой, за что ее и выперли из райского сада. Всю оставшуюся жизнь она посвятила мести — тому, чтобы плодить своих двойников. Эксперимент удался. Теперь хамок много и вклад их в сокровищницу мирового духа все значительнее.

Маленькие хамочки уверенно копошатся в песочницах. Размером чуть побольше — нагло рассматривают в упор школьных учителей. Подростки — отправляются в университеты и колледжи, твердо зная, что это такие места, где они должны показать себя во всей красе. А совсем крупные — портят жизнь окружающим за то, что не сбылась их детская мечта — усесться задом на земной шар и с криком: «Я — звезда!» колотить по нему сандаликом.

Хамке все должны. Правительство не заботится о ее социальной защите. Медицинская система — о здоровье. Мужчины — о досуге. Все в мире плохо. Все нужно поменять. Генеральная уборка должна начаться в шесть утра и никогда не заканчиваться. Подозреваю, что даже покойный Троцкий с его теорией перманентной революции и ныне здравствующий Усама Бен-Ладен с бомбой — на поверку всего лишь две хамки, только прицепившие для маскировки бороды.¹ Слишком уж много в их поведении женской истерики. Обычные же среднестатистические экземпляры просто портят повседневную жизнь, наполняя своими претензиями улицы, базары и жилищно-эксплуатационные конторы.

То, что дорогу в жизни нужно пробивать грудью, хамка понимает буквально. Даже если вместо солидного пятого у нее с трудом прощупывается первый размер, она действует им, как ломом. Горе встретившемуся на ее пути. Черепно-мозговая травма от нечаянного соприкосновения с женской разновидностью хамла гарантирована, как отдавленная нога в маршрутке.

«Кто они, а кто я!» — считает эта зараза, мигом вызывая вокруг себя эпидемию массового остервенения. Не имея голоса, она смело лезет в певичцы. Фонограмму

---

¹ Из книги «Верните женщинам гаремы». — К.: Арий, 2008. (Прим. редакции).

ей купят. Рожу исправят. Все, что не сделают врачи, почистят на компьютере. А если нет еще на свете такого компьютера, она напишет песню. Что-то вроде: «Полюби меня такой, какая я есть!» Хамло женского пола почему-то свято уверено, что его непременно должны любить. Оно очень болезненно реагирует на ответные проявления агрессии. Может даже грохнуть в обморок от неожиданности. Или из хитрости — чтобы симитировать невинную жертву.

Мимикрия — надежное орудие хамки. Иногда она годами прикидывается девушкой из высшего общества, рафинированной интеллигенткой или дочерью приличных родителей, чтобы в самый удобный для себя момент показать клыки. Голливудские фильмы о красавицах, за секунду превращающихся в вампирш, и украинские гоголевские панночки — всего лишь иллюстрация этой метаморфозы. Хамка может даже прослушать университетский курс по этике. Но поступит она всегда исключительно неэтично.

У нее нет тормозов. Начиная карьеру в банде по воровству газа, она впоследствии будет искренне голосить об ограбленном ею народе. Продав лидера партии, расскажет о верности принципам. Отбив любимого у соперницы, публично пожалуется на склонность мужчин к изменам.

Страницы журналов и газет переполнены фотографиями знаменитых хамок. Мадонна, укравшая свой псевдоним у Матери Божьей, Анастасия Волочкова, которую только через суд заставили расплатиться за сделанный в ее квартире ремонт, Алла Пугачева, не известно по какой причине вообразившая себя великой певицей — не более, чем широко разрекламированные хамки. Теперь они образцы для подражания и недостижимый идеал для новых поколений своих

поклонниц. Хамство в моде. Оно приносит прибыль и дает чувство собственной значимости.

Символические личности, вознесенные силою вещей на самый верх общественной пирамиды, — всего лишь флажки, обозначающие целые социальные явления. Каждая тетка, удачно обругавшая такую же на улице, чувствует себя не менее счастливой, чем Бритни Спирс, рассказавшая в прямом эфире все, что она думает о Кристине Агиллере.

Существует две разновидности хамок — красивая и не очень. Первая бунтует по причине своей внешней привлекательности. Вторая — из-за ее отсутствия. Красивая при удачном стечении обстоятельств становится так называемой «демонической женщиной» — мечтой любого мазохиста. Уродливая — просто девочкой для битья — чучелом, на котором упражняются ее более удачливые соперницы. Именно из этой второй породы рекрутируется бесчисленное бюрократическое хамье в юбках, шуршащее бумагами в судах и районных администрациях; такие же бесчисленные посетительницы этих администраций, слоняющиеся по коридорам, потому что им нечем себя занять; наглые продавщицы «на ставке», заявляющие покупателю, что им все равно, купят у них что-то или нет, и те циничные твари, которые оставляют свои использованные тампаксы в пляжных кабинках для переодевания. Даже если хамка просто молчит, у нее при этом такое выражение лица, что всем вокруг непременно хочется выругаться.

Справедливость требует признать: время от времени хамка заводится в каждой девушке, точно так же, как хам гнездится в душе благороднейшего из мужчин. Некоторая доза хамовитости нужна любому здоровому организму. Для выживаемости. Как прививка. Чтобы знать, какие антитела вырабатывать в случае проникновения в тебя вируса чужой наглости.

Но та же справедливость не дает забыть и другое. Хамло женского рода намного живучее, чем его мужской вариант. Не потому что оно крепче или концентрированнее, а исключительно из-за необъяснимой гуманности. Настоящий хам не долго оскверняет собой ландшафт. Успокаивающий укол штыком в живот или отрезвляющий выстрел из пистолета в затылок мигом превращают нарушителя спокойствия в то самое, о чем «или ничего или только хорошее».

Такая перспектива вынуждает тщательно подбирать слова самых оголтелых виртуозов ругани. Нет ничего вежливее, чем бандитская «стрелка» или дипломатические переговоры, которые ведут две вооруженные до зубов ядерные сверхдержавы. В крайнем случае, тебя могут уважительно обозвать Империей Зла. Но по матери точно не пошлют.

Чем выше уровень вооруженности, тем утонченнее этикет. Но так как женщины не любят оружия в принципе, то хамки среди них не переведутся никогда.

Из цикла «Манифест сексуальной контрреволюции»

Инфляция девственности

Нам нужно срочно выяснить, отчего на протяжении тысячи лет именно девственницы пользовались монополией на рынке невест.

Встретить девственницу теперь так же трудно, как медведя. Тем не менее, общение с ней по-прежнему не сулит ничего хорошего. Уж лучше познакомиться с медведем. Мишка, по крайней мере, рационалист. Его интересует понятная и полезная вещь — мед. А эта помешалась на такой штуке, смысл которой не в силах оценить даже лучшие умы.

С точки зрения биологии, девственность — атавизм. Что-то вроде аппендикса. Если ее вовремя удалить — все будет нормально. Но стоит этому куску плоти задержаться дольше положенного между ног — воспаление гарантировано. Причем, воспаляется не сама плева, а девственный мозг. Неожиданно для всех он начинает переоценивать себя.

Все окружающее кажется ему теперь низменным и жалким в сравнении с сокровищем, спрятанным под

обычными трикотажными трусами. Еще бы! Все подружки растеряли, а я как Дева Мария — сберегла. У всех нет, а у меня — вот оно! Того и гляди рожу нового Спасителя.

Единственный недостаток — девственность — нельзя прицепить на грудь, как медаль, чтобы все видели. Поэтому обладательница ее начинает назойливо рассказывать всем о своем богатстве. Сначала подружкам. Потом знакомым мальчикам. А если есть возможность, то и средствам массовой информации. Именно так раструбила некогда о своей девственности Бритни Спирс, мигом оттянув внимание фотографов от прыщавого лба. Одно время ее даже считали Главной Девственницей Планеты. Потом успокоились — девушка начала публично целоваться с Мадонной, и всем стало ясно, до чего доводит сознательное издевательство над собой.

В природе девственницы, как опята, делятся на две категории — настоящие и ложные. С первыми и так все ясно. Вторые напоминают инвалидов войны. Медицина знает такое понятие, как фантомные боли. Это когда раненому ногу уже отрезали, а на погоду она все еще ноет. Точно так же и многим бывшим девственницам начинает казаться, что у них опять что-то выросло. Такая бабенка становится кокетливой и игривой, отдаваясь с церемониями, как в первый раз. Зрелище не для слабонервных. Особенно, если бабенке под сорок.

Тем не менее, на тонкой девственной плеве еще сто лет назад держался колосс европейской культуры. «Сударь, вы обесчестили мою сестру!» — эта избитая фраза в завязке и два тома резни после нее кочевали из романа в роман. Цензоры рассматривали литературные произведения, исходя из того, можно ли их будет показать «невинной девушке». А толпы глупо-

ватых гимназисток восторженно потели на концертах поэта Блока, даже не подозревая, что человек, читающий им со сцены стихи о Прекрасной Даме, — сифилитик, который сразу же после концерта отправится в публичный дом.

Во всем этом есть что-то трогательно-наивное — как вера в прогресс, Господа Бога и доброго царя, пекущегося обо всех в далеком Санкт-Петербурге, даже когда спит. Но именно девственницы до сих пор являются главными потребителями романтической поэзии и телесериалов. Дамский роман они держат в руках благоговейно, как член, а в экран пялятся, словно вместо Наталии Орейро там проповедует Папа Римский.

Их жалкая карамельная культура со всех сторон подгрызена жизнерадостными циниками вроде Генри Миллера. Их иллюзии втопты в брусчатку действительности сапогами германских и советских солдат, изнасиловавших в XX веке пол-Европы. Их надеждам и упованиям нанесен смертельный удар сексуальной революцией 60-х. Но эти вечные монашки, как за соломинку, хватаются за взявшийся невесть откуда СПИД и лепечут: «Теперь вам снова придется поверить в незыблемость традиционных ценностей!»

Мои друзья утверждают, что, сравнивая девственницу с исчезающим видом, я не прав. Что ныне эта особь переживает ренессанс. Что она снова размножается, доживая в целостности и сохранности не только до третьего, но даже до выпускного курса! И что фраза: «Я твердо решила подарить себя только тому единственному, кто этого достоин», снова оскорбляет своды университетских аудиторий и ночных клубов. «Ты просто всегда славился умением безошибочно выбирать среди женщин отъявленно похотливые экземпляры, — говорят они мне, — а такие рождаются вообще без девственной плевы».

Не скрою, я действительно предпочитаю убежденных распутниц, знающих, что в мире нет других вечных ценностей, кроме разврата и порнографии. Девственницы попадались мне редко. Честно говоря, всего два раза. Первый — на заре моей юности. И несколько лет назад, когда дверь моего служебного кабинета открыло наглое существо, притащившее на рецензию свои стишки и тут же заявившее, что оно является девственницей. Однако я с полной уверенностью утверждаю: у девственниц тоже богатая сексуальная жизнь. Куда более извращенная, чем у их утративших это качество подруг.

Герой уже упомянутого выше маркиза де Сада говорит в одном из романов: «Я не прикаснусь, Жюстина, к тому фантому, существованием которого вы так дорожите. У красивых девушек есть в запасе не только этот дар, и служение Венере может совершаться не только в этом храме. Есть и другие. Я удовлетворюсь самым тесным. Знайте, моя дорогая: близ лабиринта Киприды есть мрачная пещера, куда спрятались от нас страсти, чтобы сильнее манить нас к себе. Там будет алтарь, на котором я воскурю фимиам. Там нам ничто не помешает. При этом способе ничто не может изблечить девицу, каким бы яростным и многочисленным атакам она ни подвергалась. Едва пчела, насытившись соком, улетает, чашечка розы закрывается, и никто не может сомневаться в том, что она никогда не открывалась. Есть множество девиц, которые наслаждались таким манером лет по десяти и с разными мужчинами и выходили замуж во всем блеске своей невинности». Когда-нибудь книга под названием «Сексуальная жизнь девственницы» еще потрясет мир!

А пока нам нужно срочно выяснить, отчего на протяжении тысячи лет именно девственницы пользовались монополией на рынке невест.

Ответ один — дикость. Еще наши бабушки думали, что можно забеременеть от поцелуев. А дедушки верили: изгадил сорочку кровью невесты, значит, спасся от триппера. В эпоху полного отсутствия гарантий невинность якобы гарантировала все. И то, что рожденный первенец точно от тебя. И то, что по наивности жена не будет сравнивать мужа с соседом. И, возможно (кто их поймет?), даже стабильность вращения Земли вокруг Солнца.

Не стоит забывать: предки были почти полные идиоты. Чуть-чуть умнее баранов. Будь они хоть на полграмма сообразительнее, изобрели бы кроссовки, а не кирзовые сапоги.

Теперь отцовство можно установить генетически. Сопутствующих разврату бактерий останавливает презерватив. Верить в то, что от онанизма сходят с ума, тоже не обязательно. Наука установила — сходят, наоборот, от воздержания. Значит, нет и причин подлаживаться под безумие профессиональных девственниц. Тем более, что с возрастом их претензии только растут.

У них свой сценарий красивой жизни. У нас — абсолютно противоположный. Где им жарко, там нам — мороз. Где они присядут, там мы — рысю. Еще великий киевлянин Александр Вертинский сто лет назад написал веселую песенку об одной переборчивой барышне, которая мечтала о принце, белом платье, веночке и карете. И дождалась — в этом самом платье с веночком ее и утащили в новый дом. Только вместо кареты был катафалк.

Инфляция девственности надежно обеспечена стабильностью моды на круглые попы. Если п... гарантировано сгниет в могиле, чего целку-то беречь?

Святое зло порнографии

Истина — всегда неприлична.

Просвещенный ум не боится парадоксов. Он видел такое, что дикарю не причудится в страшном сне. Он знает: искусство — всего лишь тень, отбрасываемая человеческими телами. А тень не может быть порочнее прототипа. Все, что есть в мире, достойно описания. Все, достойное описания, заслуживает и нашего интереса. В конце концов, глупо жить, не зная, как оно тут все устроено.

Еще глупее обманываться, что нравы повредились только вчера из-за того, что таможенники сдуру пропустили пачку польских порножурналов в нашу переполненную моралью страну. Разврат — вечная ценность. Он был всегда. Как женщины и мужчины, которым, увидев друг друга, надо же чем-то заниматься, чтобы не сдохнуть от скуки.

Самое раннее изображение совокупляющейся пары на территории Украины относится ко II тысячелетию до нашей эры, когда никаких таможен не было даже в проекте! Археологи до сих пор гадают, что за черт изображен на каменной стеле в виде усатого мужика с каменным топором за поясом. Большинство сходится на спорной мысли, что это мифический пра-

родитель какого-то племени. Зато не вызывает сомнений то, что вырезано на боку у загадочного древнего джентльмена: пряткий молодой человек накалывает на вздыбленный член юную леди, похотливо оттопырившую свой первобытный задок. Лично я не верю ни в каких прародителей. По мне, старинное изваяние иллюстрирует простую мысль: станешь крутым пацаном, тоже будешь вести такой приятный образ жизни.

Истина — всегда неприлична и состоит в том, что человечество только делает вид, будто озабочено мировыми вопросами, а на самом деле мечтает, как бы кое-что кое-куда засунуть да и поставить опыт, а не загорится ли эта штука от трения. Причем, если «загорится», все довольны. Говорят: она получила оргазм. Скажите: неужели лучше получать по морде, как это принято в боевиках?

Где логика в том, что, занимаясь сексом хотя бы раз в жизни, слуги народа принимают закон о запрете порнографии? Тогда давайте запретим и сам секс как главное орудие зла на этой планете. Будем размножаться искусственным осеменением, как племенные быки, или делиться, наподобие инфузорий. В конце концов, давайте запретим Библию. Там тоже есть некоторые сомнительные места. То, что в самом начале — о змие и яблоке. И еще похлеще.

Например, вот это из пророка Иезекииля: «Ты построила себе блудилища и наделала себе возвышений на всякой площади; позорила красоту твою и раскидывала ноги твои для всякого мимоходящего... Всем блудницам дают подарки, а ты сама давала подарки всем любовникам твоим... Я соберу всех любовников твоих, которыми ты услаждалась и которых ты любила, со всеми теми, которых ненавидела, и соберу их

отовсюду против тебя и раскрою перед ними весь срам твой».

А что это были за любовники, по словам старика Иезекииля! Просто мечта каждой интеллигентной девушки! Плоть их — «плоть ослиная, и похоть, как у жеребцов»!

Нет, вы как знаете, а я считаю: или нужно быть последовательным и Библию срочно из церквей изъять или закон о порнографии отменить. Потому что это же просто неприлично. От «Хастлера» и блужданий по порносайтам — одна скука. А от двух строчек из Писания (что значит, Святая книга!) похоть — как у жеребца! Просто слюнки текут. Хоть бы глазком посмотреть на эту суперблудницу...

Мы явно недооцениваем уровень продвинутости своих предшественников. Взглянув на вышеописанную мною каменную стелу с резвящейся парочкой (в науке ее называют Керносский идол), мой приятель воскликнул: «Какая высокоразвитая цивилизация была! Наверное, они даже знали, что такое половые извращения!»

Наслаждаясь лицемерием энергичных лесбиянок, орудующих фаллоимитаторами в современных «фильмах для взрослых», большинство из нас даже не подозревает, что искусственный фаллос изобрели раньше колеса. Археологи то и дело находят эти вещицы на месте доисторических поселений. А французский мемуарист XVI века Пьер Брантом в «Жизни галантных дам» описывает, как во время очередной религиозной войны гвардейский капитан, обыскивая покои Лувра в поисках оружия, обнаружил под корсетом одной подозрительной барышни не пистолеты, а сразу четыре «копии» мужских детородных органов в натуральную величину. Это «дало повод для большого

веселья». А обладательница этих «сокровищ», пишет Брантом, только «skonфузилась».

В другой раз принц Алансонский (хорошо известный по романам Дюма) неожиданно наткнулся сразу на двух дам, забавлявшихся подобным инструментом. Брантом говорит, что «одна из них на удивление хорошо преуспела в этом деле, прикрепив здоровенную штуку себе между ног с помощью лент, так что это было похоже на натуральный член. Ее застигли врасплох, и она не успела это снять, принц же велел показать, как они это делают». Ныне Брантом считается классиком французской литературы. Специалисты восхищаются его юмором и изящным слогом. Лично я тоже придерживаюсь подобного мнения.

Сам термин «порнография» с развитием техники давно утратил всякий смысл. «Порно» — по-древнегречески «шлюха». «Графо» — писать. Все вместе — «описание шлюх». Следовательно, их рисование уже не порнография. Точно так же, как и съемка. Где вы видели древнего грека, разгуливающего по борделю с видеокамерой на плече? Грек мог тащить разве что кувшин с вином, дабы эти шлюхи бодрее двигались, когда он их будет описывать. Кроме того, в любом суде можно доказать, что вы как творец описывали и снимали только приличных женщин — жен и дочерей дипломатов, предпринимателей и банкиров. Ну еще супруг депутатов, отвлеченных от своих семейных обязанностей размышлениями о запрете порнопродукции.

Требовать уголовной статьи за порнографию так же цинично, как и запрета на философию. От Платона и Ницше тоже много вреда. Первый выдвинул идею тоталитарного государства. Второй посоветовал подтолкнуть падающего. Между прочим, обоих сейчас изучают в университетах как часть мировой культуры.

Хотя, если бы тот же Ницше стал толкаться на берлинских улицах (или, не дай Бог, добивать лежачих в развитие своих этических воззрений), местные полицейские мигом отволокли бы бесноватого профессора в участок.

Я никогда не поверю, что в гробокопатели идут только, чтобы не сдохнуть с голоду. Для этого необходимо призвание. Любовь, если не к смерти, то хотя бы к кладбищу. Психи трудятся психиатрами. Злодеи — тюремщиками. Самые великие поклонники порнографии служат в полиции нравов. Защищая публику от воображаемого зла, можно собрать бесплатную коллекцию его экспонатов.

Чума не от мира сего

*Мутить воду — их призвание.
Плодить чертей в тихом болоте —
священная обязанность.*

Природа загадочной женщины покрыта мраком. Как ее делают и что в технологический процесс добавляют — точно не известно. Делают вроде так же, как всех. Добавляют, кажется, то же самое. А результат получается прямо противоположным. От обычных представительниц своего пола эту отличает дополнительный параметр, именуемый на научном жаргоне «неадекватностью поведения». В каждом классе есть такое сокровище — свое «чучело», девочка не от мира сего.

Общаться с ней сложно. С первых шагов эта юная леди намекает, что она «не такая». На уроке взрывается неуместным хохотом в то время, когда все в полной тишине сдирают контрольную по химии. На перемене — отрешенно стоит у стены, разглядывая поверх голов загадочные дали. На дискотеке — танцует только сама с собой. «Богатый внутренний мир! — решают учителя. — Ранимая психика! Надо беречь!»

Взлекаянная тепличным режимом, девочка-чума благополучно дотягивает до выпускного бала и вступает во взрослую жизнь. И тут внезапно выясняется, что жизнь ей решительно не нравится. Не для жизни

она создана! А исключительно для лучшей жизни. Как эта лучшая выглядит и где находится, она не знает. Зато свято уверена, что где-то обязательно есть. Возможно, девочке стоило бы немедленно засесть за философский труд и поделиться с человечеством своими открытиями. Но в школе не преподают философию, и страдалица просто не оснащена соответствующим понятийным аппаратом. Поэтому всю накопившуюся сатанинскую энергию она вымещает на первое попавшееся — на мужчин. А они, как известно, всегда тут как тут.

Горе тому, кто встретится ей на пути и не прошмыгнет мимо! Легкое нервное расстройство, как минимум, ему обеспечено. Ручка у девочки-чумы легкая, зато характер — исключительно тяжелый. А объекты для моральных издевательств она выбирает, как на грех, с интеллигентскими родословными. Есть в ней некая утробная хитрость, страхующая от встречи с первозданно-диким мужиком, за пять минут способным обтесать ей рога вместе с прической. Она любит исключительно профессорских сынков, городских мальчиков с большими прохладными квартирами и молодых менеджеров, ориентированных на семейные ценности. А если, по стечению обстоятельств, и встречается с бандитом, то самым нетипичным — сохранившим кое-какие атавизмы моральных норм, а потому податливым к женскому разводу на жалость.

Развод на жалость — излюбленное занятие девочки-чумы. Рассказывая о своем первом муже, она создаст в ваших глазах образ негодяя, перед которым померкнут Гитлер, Ганнибал Лектор и Соловей-Разбойник. Даже Голливуд, воскресив покойного Хичкока и вооружив его новейшими компьютерными техноло-

гиями, не в состоянии конкурировать с ее языком. Тем не менее, несчастная опять хочет замуж.

Если же, по Господней милости к нам, там ей так и не удалось побывать, то тогда в образе мужчины-монстра будет выступать кто угодно — любой дурак, осмелившийся некогда первым положить ей руку на попу. Может, он ей при этом ничего и не обещал. Может, он всего лишь угостил ее мороженым да и приласкал по доброте душевной. Но в героическом эпосе девочки-чумы ему навеки будет отведено ампула змея-совратителя, надругавшегося над ее чистотой и невинностью. Юридическая практика знает даже таких «чумок», которые, сохраняя девственность десятилетиями, умудрились усаживать на нары одного за другим ни в чем не повинных мужиков, якобы пытавшихся их изнасиловать. При этом богиня Фемида почему-то обходила вниманием тот факт, что «жертвы» охотно ели, одевались и отдыхали за счет своих «обидчиков», отбирая их деньги и драгоценное время.

Сочувствие общества всегда на стороне слабого. Даже если доходяга — отъявленный провокатор. Загадочная девочка отлично усвоила эту истину. Поэтому все хотят ею воспользоваться. Все жаждут ее оскорбить. Каждый мечтает вытереть о нее ноги. И ни один не откажет себе в желании причинить ей острую душевную боль.

Иногда, в минуты всеобщего помрачения умов, общество даже вручает в руки этих ведьм свою судьбу. Загадочные Веры Засулич, охотившиеся на царей, вместо того, чтобы вышивать гладью, товарищи Землячки в кожаных куртках, расстреливавшие белых офицеров на черноморских пароходах, террористки из красных бригад 70-х и нынешние мусульманские модницы с поясами шахидов на чреслах — как раз из такого теста.

Мутить воду — их призвание. Плодить чертей в тихом болоте — священная обязанность. Именно о них говорят французы в том крайнем случае, когда нужно распутать особенно мерзкое преступление: ищите женщину. И, как правило, не ошибаются.

Истово, как религиозный фанатик, девочка-чума верит в то, что Коперник ошибался, поставив Солнце в центр своей космической системы. В центре должна быть она. Вокруг обязано вращаться все остальное. Федор Михайлович Достоевский, немало настрадавшийся от этих роковых особей, гениально синтезировал их квинтэссенцию в образе Настасьи Филипповны из «Идиота» — петербургской истерички, тиранящей толпу влюбленных в нее самцов и швыряющей в огонь пачки денег. Единственное слабое место романа — название. На самом деле он должен был называться «Идиотка». Зато замечателен финал! В тот самый момент, когда непредсказуемая Настасья Филипповна окончательно задолбала всех своей святостью, один из поклонников прирезал ее самым обычным кухонным ножом. И пошел на каторгу с блаженной улыбкой и словами: «Надо же было кому-то взять грех на душу!»

Петербург провожал его аплодисментами. Судьи рыдали, впервые сожалея, что вынуждены поступить по закону.

Женская чума — заболевание наследственное. Передающееся, в отличие от дальтонизма, исключительно по женской линии. У мамы-чумы дочь тоже непременно будет чумой. Она может жить в другом городе; иметь совсем другую профессию, но, в конце концов, непременно окажется в тупике одиночества со словами отчаяния на устах: «Мужчин у нас было много, но долго они не задерживались». Поэтому во

все времена так ценятся девушки из хороших семей — те, в которых «чумовитость» отсутствует во всех поколениях. Именно их не только берут замуж, но даже оставляют там.

Явление девочки-чумы трудно описать, пользуясь исключительно медицинскими терминами. Больше для этого подходит семиэтажный мат.

Зато легко дать от нее рецепт.

Умный мужчина поддерживает с загадочными женщинами только особые отношения — ничего общего с ними у него попросту нет. И быть не может. Ни денег. Ни детей. Ни совместных проектов. Ни даже планов на сегодняшний вечер. Таков единственный способ, чтобы вечер действительно удался, а не обернулся отправной точкой падения в пропасть — в объятия чумы не от мира сего.

Женщины честного поведения

Попав в сексуальный рай, понимаешь, что все происходящее в нем — всего лишь дорогостоящая машинка для мастурбации, сверкающая сатанинским огнем.

На определенной ступени духовного восхождения человек неизбежно осознает: секс — слишком серьезное дело, чтобы доверять его непрофессионалам. Универсальное устройство Вселенной подтверждает этот постулат. Костюм заказывают портному. План военной кампании — генеральному штабу. Больной зуб лечат у дантиста, а не у соседа по лестничной клетке, прикупившего в прошлый четверг электродрель. Так почему же я должен верить свои утонченные половые инстинкты среднестатистической дамочке за соседним столом, бросающей заинтересованные взгляды?

Юный неопытный индивидуум, возможно, был бы счастлив на моем месте, как был некогда счастлив и я, впервые оттянув резинку трусов у своей одноклассницы. Но сегодня я знаю, как много проблем следует за этим безответственным жестом. Язык символов сложен и многозначен. То, что для нас всего лишь оттяги-

вание резинки, для них — приглашение к чему-то большему.

Кто знает, какие мысли носятся в ее мозгу, когда она хлопает под тобой, наподобие раздавленной броненосцем волны? Не хочется ли ей замуж? Или в твой кошелек? Или на какой-то трижды проклятый концерт, куда ее нужно водить для ее развлечения и собственной скуки?

К сожалению, женщины слишком часто путают постель со всем остальным. Самая сексуальная, самая безбашенная девица, которую я знал, отдавшаяся прямо в театральной ложе и публично кичившаяся своей безнравственностью, в конце концов, потребовала: давай попробуем жить вместе. Хотя бы месяц. Хотя бы ради эксперимента. Но как все нормальные люди. Я был обманут в лучших побуждениях. До этого мне казалось, что на моем пути, наконец, встретилась настоящая ненормальная.

Увы! Все вечные возвышенные ценности, которым я служил, — секс, разврат и порнография — были для нее не целью, а средством, чтобы, кудахтая, усесться на гнездо с фальшивыми золочеными яйцами.

Жизнь разочаровывает. Именно поэтому любой соблазнитель рано или поздно удаляется в монастырь или в объятия профессионалок — женщин честного поведения. Тех, кто определенно говорит, что и за сколько будет делать.

В христианской традиции блудница — существо почтенное. До того как стать возлюбленной Христа, Мария Магдалина работала женщиной легкого поведения. «Бросьте в нее камень, кто без греха!» — ехидно заметил Спаситель. Он хорошо знал тайные наклонности собравшихся линчевателей. Никто не посмел. «Нет, вы все-таки бросьте!» — не отставал

прилипчивый Христос. Но агрессивные блюстители нравственности дружно разошлись по домам. Каждый из них вспомнил, сколько радости принесла им эта милая девушка. Каждый предусмотрительно подумал о будущем — о неотвратимом моменте, когда опять припечет.

Древние греки, отличавшиеся, в самом деле, здоровым детским взглядом на жизнь, еще на заре своей цивилизации заметили: некоторые девочки ведут себя не так, как остальные. Их материнский инстинкт ослаблен. Зато половой — горит, как нефтяная скважина. Они постоянно, утомительно для себя и окружающих, хотят. Таких не брали замуж, а приравнивали к общественной собственности — определяли в храмовые проститутки. Денно и ночью эти сексуальные пчелки собирали мед во славу Афродиты, помогая согражданам сохранить мир и спокойствие в тесных, перенаселенных полисах.

Вглядитесь в лица рафаэлевских мадонн: все эти воплощения материнской красоты списаны с римских проституток. Найти порядочную женщину, готовую позировать художнику, тогда было так же трудно, как и теперь. Порядочных женщин сковывали комплексы и обязанности по кухне. Зато гулящие возбуждались от одного вида кисти. Никакого искусства не было бы вообще, не существоуй в Европе похвальная традиция расслабляться с девками. Был бы один орнамент, как в мусульманском мире.

Даже не жадность, а элементарная глупость мешает некоторым мужчинам прикупить себе порцию в сексуальном фаст-фуде. Банальный час орального секса с замечательной особой женского пола стоит в Америке десять долларов! Всего десять долларов, господи! А полный пакет услуг — не более шестиде-

сяти. Не понимаю, почему они женятся вообще, подвергая себя риску бракоразводных процессов и дележа имущества. Порядочная женщина всегда дороже непорядочной. И на поверку всегда хуже. Оседлав мужа, она разлагается, как социалистическая экономика эпохи застоя. Зато девушка легкого поведения, вышколенная в условиях конкуренции, в отличной форме круглые сутки. У нее не болит голова. Не потеют руки. И она никогда не спросит: «Где же ты опять бродил?»

Считается, что в услугах проституток есть нечто позорное. Не согласен. Куда унижительнее прыгать на манер молодого козла вокруг капризной девчонки, которая не сложит себе цены. В семнадцать через это проходят все. Но в сорок, под грузом общественного статуса, капитала и служебных регалий, негоже тратиться на сомнительный ритуал ухаживаний. Гордый поворот головы, строгий вопрос о цене, придирчивое уточнение условий заказа. В конце концов, все происходящее мало чем отличается от ужина в ресторане. И в том, и в другом случае вам просто надоела домашняя кухня.

Главное — не переедать. Попав в сексуальный рай, понимаешь, что все происходящее в нем — всего лишь дорогостоящая машинка для мастурбации, сверкающая сатанинским огнем. Презерватив спасает от инфекции, но не от скуки. Какая разница — две или три? Придорожные итальянские профессионалки в кашемировых пальто на голых смуглых телах, толстогубые кубинки, умопомрачительные девушки Майами, способные вытащить из вас за вечер штуки три баксов, порнозавод гамбургского Сан-Паули — ничто в сравнении с первым поцелуем в подъезде и с тем моментом, когда запускаешь руку в мокрую

испуганную глубину такой же семнадцатилетней дуры, как ты сам.

Некогда я хотел умереть в Париже лет в девяносто. Длинный черный автомобиль. Выстроившаяся вдоль мостовой бесконечная шеренга шлюх и старый маразматик с трясущейся головой, медленно принимающий свой последний парад. Щупая выставленные на продажу ляжки подагрическими пальцами, роняя слюни на крахмальную манишку, он счастливо мычит в скотском восторге, торжествуя над злобным бытием.

Теперь же мне хочется вернуться в растаявшее прошлое, в тот самый подъезд и спросить: не осталось ли тут немного любви?.. Но это невозможно. А потому в бордель, господа! В лучшее, что еще есть. Или, по крайней мере, в самое честное из того, что будет.

Пиявка для миллиардера

*Девушка для миллиардера должна
быть с червоточинкой — крепко по-
пользованная предшественниками.*

Из всех заповорей самый страшный — финансовый. Легко понять страдания бомжа. Куда сложнее вжиться в безразмерную шкуру миллиардера, которому надоело все. Первый «Мерседес» вдохновляет, как поцелуй одноклассницы. Пятый — не вызывает ничего, кроме байроновской тоски. Когда вы упаковались тремя-четырьмя банками, контрольным пакетом сталелитейного концерна, газетой, телеканалом и яхтой с островом — остается только вздеть голову к небесам и заголосить по-бабьи: «За что, Господи?»

Человек, достигший этой стадии развития, начинает чудить, совершая поступки, необъяснимые никакими теориями. Савва Морозов дает деньги на революцию. Форд пишет антисемитские брошюры. Третьяков по баснословным ценам приобретает мазню немытых передвижников. Сын саудовского небожителя, плюнув на американский диплом, создает исламистскую артель по отстрелу нью-йоркских небоскребов.

Их легко осудить. Сложнее — найти лекарство. Между тем, оно есть. неизлечимых болезней, кроме старости, вообще не существует. И английский сплин, и русская тоска легко утоляются простым эффективным средством — женщиной-пиявкой. От обычной медицинской, отсасывающей гнилую кровь, эта отличается тем, что способна выкачать излишки из любого денежного мешка.

Она взбалмошна и эксцентрична. Ее фантазия неистощима. Она хочет квартиру в центре Лондона. И еще одну — в Париже, на плас Пигаль. Ей необходимо палаццо в Венеции. Причем именно это, а не вон то. Тот факт, что в палаццо еще теплится старинный патрицианский род, ее нисколько не смущает. Они построили. А мы купим. Правда, милый? Иначе я не доживу до утра... И действительно, покупают. Ей купили бы даже Виндзорский дворец — но, к сожалению, его выставят на торги только с остатками Британской империи.

Именно эти женщины поддерживают пирамиду haute couture, покупая юбочки за десять тысяч долларов, созданные вдохновенной рукой какого-нибудь крашеного педераста, определяющего модную струю сезона.

Для них в легендарный Ногч 1938 года, прямо из-под задницы Геринга, втискивают подогрев сиденья и автоматическую коробку передач. Их спинки массируют дрессированные негры. За их здоровьем следят светила науки самой крупной величины. Дети в Зимбабве могут умирать от таинственных эпидемий. Никто даже не шелохнется. Но прыщ на ягодице женщины-пиявки вызовет оживление целой отрасли здравоохранения, суля долгосрочные инвестиции и глобальное оживление на рынке медуслуг. Перепуганный владелец кровопийцы отдаст все, чтобы возлюбленное

существо и дальше комфортно сидело на нем, не держаась от непривычной боли.

Что отличает пиявку для миллиардера от прочего женского поголовья? Красота? Отнюдь. Даже наоборот.

«Я посоветовал Михаилу Михайловичу взять на содержание какую-нибудь знаменитую женщину, — пишет Алексей Толстой, — и свел его с прогремевшей на обоих полушариях мадемуазель Сальмон, — шикарной и уродливой, как черт. Она была зла, дралась, предавалась всем существующим порокам и накручивала такие счета, что это поддержало наш кредит еще на месяц».

Вглядитесь в лица светских львиц. Той же покойной принцессы Дианы. Неужели вы в самом деле хотели бы ее? Неужели бедняга аль Файед не мог найти девушку помоложе и покрасивее? Однако не мог! Девушка для миллиардера должна быть с червоточинкой — крепко попользованная предшественниками. Тщеславный писатель Розанов женился на бывшей жене Достоевского. Аристотель Онассис подцепил многодетную вдову Кеннеди. Оба прецедента говорят лишь о том, что между миллиардерами и литераторами много общего. И тех, и других тянет на вселенскую славу и подержанный антиквариат.

Может быть, в пиявках их привлекает доброта? Черта с два! Всласть насосавшись, та мгновенно перебирается на кожу следующей жертвы финансового полнокровия, превращая ее из миллиардера в жалкого обладателя нескольких миллионов, вновь полного юношеских комплексов. Ум? Эта ее составляющая тоже весьма специфична и не позволяет интересоваться ничем, кроме себя самой.

Выброшенная из привычной среды обитания, пиявка чахнет, теряя иммунитет на глазах. Ее рабочие губки обвисают в безвольной улыбке. Плечики жалко

опускаются. Тряпочка haute couture болтается на тощих бедрышках, как карантинный флажок. Жизнь кончена. Финансовые потоки изменили направление.

Еще вчера она давала советы молодым режиссерам («Мы ждем от вас амбициозных проектов!») и поучала начинающих политиков («На последней пресс-конференции вы могли бы высказаться получше!»). Но теперь пиявка не чувствует ничего, кроме душевной пустоты. Если ее немедленно не подберет очередной благотворительный фонд, ей конец. Ведь даже сопляк-старшеклассник не рискнет появиться с такой пенсионеркой на людях.

Тогда что же? Что отличает ее от других? Наглость, господа! Она свято верит, что стоит не меньше, чем ее пациент. Подобно миллиардерам, она убеждена, что все деньги мира плохо лежат и что именно она поможет им перелечь лучше.

Мысль сомнительная. Особенно для человека с философским складом ума. Но где вы встречали миллиардеров-философов?

Манифест сексуальной контрреволюции

*Мне вполне хватало скромной
роли кающегося время от времени
грешника.*

История Дон Жуана имеет множество вариантов. Лично я не верю в те из них, что повествуют о статуе убитого мужа, утачившего великого соблазнителя прямо в ад. В решительности фантастического монумента чувствуется реальное бессилие испанских мужей. Не имея возможности разделаться с половым разбойником физически (он слишком хорошо орудовал шпагой!), бедняги придумали утешительную сказку, на популяризации которой неплохо заработали Мольер, Тирсо де Молина и даже наша Леся Украинка.

Куда больше доверия вызывает у меня новелла о Дон Жуане, рассказанная Проспером Мериме. В ней грешник наказывает себя сам. Пресытившись сексуальными триумфами, он уходит в монастырь, а на своем надгробии велит вырезать самоуничжительную эпитафию: «Здесь покоится худший из людей, когда-либо живших на свете».

Иными словами, и злейший преступник, и верховный судья заседают прямо внутри нас. Начиная как

бунтовщики, мы непременно превращаемся в отъявленных консерваторов — палачей собственных идеалов. (Естественно, кроме тех, кого сожрала сама Революция как своих особо буйных детей. Социальная — с помощью трибуналов и расстрельных команд. Сексуальная — при деятельном участии сифилиса и СПИДа.)

До сих пор я считал себя образцом либерализма и морально-бытовой распущенности.

Телевизионные ток-шоу приглашали меня, когда нужно было высказать что-нибудь особенно омерзительное. Я протестовал против секса по телефону во имя куда более радикальных его разновидностей — в подъездах и на крышах домов. Я требовал национализации девственниц и распродажи семейных ценностей. Бесплатных публичных домов — для бедствующих пожилых развратников. И рассказа «Баня» для укрепления программы младших классов.

«К людям нужно относиться мягше, а на вещи смотреть ширше» — вот что являлось моим кредо, позаимствованным из гайдаевской комедии. Меня даже называли глашатаем прогресса, хотя втайне я всегда подозревал в себе наклонности мракобеса и реакционера.

И вот в одно прекрасное утро я проснулся с мыслью: все запретить! А если нельзя ВСЕ, то хотя бы что-нибудь — хотя бы то, что пока еще можно. Но запретить так, чтобы ни у кого и соблазна не возникло что-нибудь нарушать!

Причиной, толкнувшей меня на путь истины, явилась встреча с девушкой по имени Марианна. Как ни странно, она не была святой. Наоборот! Марианну отличала исключительная антисвятость, диалектически уживавшаяся в ней с вежливостью и даже застенчивостью. Никогда ни до, ни после я не видел такой

неправдоподобной красавицы! Тело элитной блудницы с длинными ногами и грудью четвертого размера сочеталось в ней с пухлогубым лицом врубелевской «Девочки на фоне ковра». Она знала два иностранных языка, носила короткую дубленку и сапоги из полированной кожи, курила план и спала как с мальчиками, так и с девочками.

Однажды ночью, вытряхнув из сигареты табак и наполнив ее коноплей из обычного с виду спичечного коробка, купленного на Бессарабке за пятьдесят долларов, Марианна смущенно затаилась и изложила мне суть своей радикальной теории, призванной изменить течение бытия. По ее словам выходило, что секс следует отделить от размножения, а пол — от отдельно взятого индивидуума. Точнее, вывести нечто третье — принципиально новое, соединяющее в себе роли и мужчины, и женщины. Причем, как по внешности, так и по внутренней сущности.

Слушая эту странную фантазию начинающей наркоманки — неприличную, и, тем не менее, совершенно для меня несоблазнительную, в отличие от всего неприличного, что мне приходилось слышать и воплощать ранее, я понял, что в этой гипотетической бисексуальной утопии мне с моими старомодными принципами громилы и совратителя нет места.

— Фрейд утверждал, что все мы от природы бисексуальны, — заявила Марианна, великодушно предложив затаиться ее сигаретой.

— Не думаю, — ответил я, отвергая дармовую отраву. — Утверждение Фрейда доказывает только то, что сам он был бисексуалом и по образу и подобию своему пытался организовать окружающую действительность. Но что касается остального мира, сильно сомневаюсь. Особенно в той части, где нахожусь я. Мне куда проще представить в качестве возлюбленной

кобылу, чем, прости господи, какого-нибудь свихнувшегося жеребца. Даже с человеческой головой и на двух ногах.

Повинуясь некоторому Промыслу, что впервые был сильнее моей скотской похоти, я покинул в тот вечер Марианну, а на следующее утро принял твердое решение креститься. И вскоре с удовольствием «плюнул и дунул на диавола», вступая на тот путь, которым некогда прошел куда больший блудодей, чем я, — князь Владимир, коего Господь, однако, превратил в крестителя Руси и святого. Нельзя сказать, что я собирался залезть на небо так высоко, как он. Мне вполне хватало скромной роли кающегося время от времени грешника. Однако с тех пор я твердо верю, что Тот, кто куда крепче нас с Владимиром, не допустит превращения мира в новый Бедлам.

Конечно, строгость средневековых установлений казалась мне несколько излишней. Совершать соитие только в классической позиции, как требовала некогда церковь, по-моему — явный перебор. Но, с другой стороны, покойный Папа Римский Иоанн-Павел II до сих пор вызывает у меня полную симпатию. И не только потому, что он взял да и извинился за все, чем провинились древние католики перед древними православными (хотя сам как человек современный лично ни в чем не участвовал), но и за твердую позицию в ряде модных вопросов. Вот молодчага, думал я, не боится прослыть гомофобом — сказал, что не станет признавать голубые браки, и баста! Мол, не голландские мы еретики, а все-таки какие-никакие наместники святого Петра! И по поводу презервативов крепко врезал: неприлично, говорит, доброму христианину пользоваться этой резиновой штукой, ибо в Библии сказано: «Плодитесь и размножайтесь!», а по поводу контрацепции ни слова. Если не считать крепкого

нагоняя Онану. Папа вернул мне веру в действенность христианских идеалов, хотя ему всегда было далеко до того киевского монаха, предание о котором гласит: «А кои отроки не слухались, брал палицу и бил оною по голову — и в том была истина!» Думается, этот простой педагогический прием мигом бы вылечил некоторых извращенцев, вдохновенно разлагающихся в теплой обстановке терпимости.

С сексуальной революцией пора кончать. Прогресс дамского белья достиг таких пределов, что вскоре для возбуждения придется вводить паранджу. Секс-шопы ломаются от хлыстов, кожаных корсетов и резиновых кукол. Любую фантазию в ночном Киеве можно воплотить долларом за двести к удовольствию ликующего сатаны. Налицо явная затоваренность на рынке растленных идей. Дальше только Содом, Гоморра и огненный дождь.

А потому отныне я — консерватор. Твердолобый старомодный консерватор, отнюдь не желающий, чтобы мир переполнился косопузыми уродцами, трахающимися прямо на улице, не вынимая чизбургер изо рта, и похотливыми старушонками, воображающими, что они неотразимы во время коитуса. Думаю, тот Дон Жуан, который предпочел уйти в монастырь, меня не осудит. Что же касается остальных, то желаю им приятно провести время в аду.

Содержание

Из цикла «Моя философия»

Интим с Богом	3
Ад сбывшихся желаний	8
Экономия скупости	12
Дух роскоши	17
Свобода легкомыслия	24
Энергия заблуждения	28
Поэзия запрета	32
Кухня самообороны	36
Пир побежденных	40
Стереотип Голиафа	46
Эти шикарные белогвардейцы...	50
Преступления детектива	58
Памятка отечественному законодателю	62
Журналистика как ремесло падальщика	67
Мат компроматом	72
Безукоризненное несовершенство	76
Матерная сила	81
Насилие высокой культурой	85
Цивилизация колеса против цивилизации забора	89

Из цикла «Женщина глазами мужчины»

Верните женщинам гаремы	97
Идеальная женщина	101
Супербаба	104
Удавка женской верности	107

Извращения внешности.	111
Лошади верхом на принцах.	114
Воспитание воспитательниц	118
Сексуальность непорочных дев.	122
Увольнительная для кухонного солдата.	126
Без дамы-консервы на юг ни ногой!	129
Женщины и юмор — две вещи несовместные.	132
Уроки феминизма	136
Изгнание из рая.	141
Истребитель женщин	145
Укрощение корыстолюбимой	148
Апофеоз женщины будущего	154

Из цикла «Хамло женского рода»

Ударницы гламура.	158
Девушка напрокат	163
Лишняя вещь в доме	168
Модные твари	173
Директива домашнему повару.	178
Формы в униформе	183
Хамло женского рода	188

Из цикла «Манифест сексуальной контрреволюции»

Инфляция девственности	193
Святое зло порнографии.	198
Чума не от мира сего.	203
Женщины честного поведения	208
Пивяка для миллиардера.	213
Манифест сексуальной контрреволюции.	217

Олесь БУЗИНА
**МОЯ
ФІЛОСОФІЯ**

Олесь БУЗИНА
**МОЯ
ФІЛОСОФІЯ**

Художнє видання

Коректор *Світлана Іванчук*

Підп. до друку 26.06.2015. Формат 84х108/32.
Папір офс. Гарнітура “Мysl”. Друк офс.
Ум. друк. арк. 11,76. Тираж 5000. Зам.№69/07.

ТОВ «Видавництво “Арій”»,
03680, м. Київ, просп. Леся Курбаса, 2-Б,
тел. 537-29-20; e-mail: info@ariy.com.ua
www.ariy.com.ua

Свідоцтво Держкомтелерадіо України
ДК № 3737 від 18.03.2010 р.

Віддруковано з готового оригінал-макета
на ПП «ЮНІСОФТ»
61036, м. Харків, вул. Морозова, 13-Б

По-видимому, моя душа так часто приходила на эту Землю, что большинство соблазнов ее для меня теперь совершенно не интересны. Плохо помня десять Божьих заповедей, я, тем не менее, почти не нарушал их. Разве что прелюбодеяние вызывало определенное воодушевление. Да и то со временем как-то выветрилось. А что касается остальных... Мне никогда не хотелось украсть или присвоить дом ближнего своего. Меня физически воротило от лже-свидетельства. Я не сотворял себе кумиров. И уж чего совершенно не понимал, так это самую популярную тему любой литературы — убийство. Мне не раз приходилось драться. Я знаю, что такое вкус победы. Но к нему неизменно примешивалась печаль, когда я видел искривленное мною лицо моего противника. Честно говоря, в этот момент мне становилось его жалко. «И почему тут у нас все так глупо устроено?» — думалось мне.

Но если бы Богу было угодно создать этот мир иным, наполнив его не грешниками, а толпами раввинов, мулл и попов, он бы сделал это. Наверное, грешники тоже ему зачем-то нужны.

